
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году**

ПРОЗА

Александр КОЗИН. Только раз в году. Рассказ	3
Нина БОЙКО. Миниатюры	20
Николай БЕСЕДИН. Русопят. Рассказ	28
Владимир ПРОНСКИЙ. Племя сирот. Главы из романа	189
Веселин ГЕОРГИЕВ. Два рассказа	256

ПОЭЗИЯ

Евгений АРТЮХОВ. Российский окоп. Стихи	39
Владимир ОСИПОВ. Подмерзшая рябина. Стихи	43
Василий РЕПИН. Осенний звон. Стихи	46
Стихи лауреатов Всероссийского поэтического конкурса им. С. Есенина:	
Ирина СУРНИНА. Зазимье. Стихи	132
Марина ЯКОВЕНКО. Улица детства. Стихи	136

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ПОЛЕТАЕВ. Что задумали американские гроссмейстеры конфликтов?	49
Владимир ВАСИЛИК. О сопротивлении злу силой	55
Елена СЕМЕНОВА. Мифология российских законов	63

Михаил АНТОНОВ. Россия XXI века: путь к мировому лидерству. Продолжение	82
Олег ПЛАТОНОВ. Русское сопротивление грядущему антихристу. Продолжение	119

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

Елена САПРЫКИНА. По закону совести (Поэт и трагедия России)	140
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы (Размышления и воспоминания)	146
---	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА. Демографическая война против России	218
Сергей КАРА-МУРЗА. Черный миф	250

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ШАМБАРОВ. На перекрестке отечественной истории	263
---	-----

Александр КОЗИН

ТОЛЬКО РАЗ В ГОДУ

РАССКАЗ

Именинник Евгений Вологов ждал в гости друзей. Томился, бесцельно бродил по квартире, придирчиво подбочивался перед зеркалом. Скромный серый костюм сидел на нем неуклюже и необмято. Удавкой впивался в шею всегда презираемый синий с блестками галстук. Непривычная одежда сковывала движения и подчеркивала его нескладную, долговязую, костистую фигуру. Он уже тихо — в душе — поругивал припозднившихся приятелей. «Ну, где ж они, черти... — судорожно вздыхал он. — Скорее бы уж, что ли...»

Он никого не приглашал. В сорок пять лет глупо устраивать званые вечера. Кто помнит — придет и поздравит. А уж старые-то друзья обязательно явятся. Иначе и быть не может. Как ни крути — круглая дата. И уже с утра он нагладил, почистился, побрился. И надел этот чертов костюм. И боялся теперь присесть, прилечь, поесть, закурить, чтоб не помять, не обляпать... Сорок пять лет — не шутка. Не много еще, но уж и не мало. И надо выглядеть. Не шикарно — где уж! — а хотя бы по возрасту. Средне. При чем здесь костюм, он и сам толком не понимал. Надо — и все. Так ему было легче.

ПРОЗА

Шел уже невесть какой год его одинокой жизни. С женой они давно разошлись и с тех пор не виделись. Дочка в восемнадцать лет выскочила замуж и шестой год жила на другом конце города. Он очень ждал ее сегодня. Нарочно — для нее — учинил вчера в квартире утомительную уборку. Выгреб сор и пыль. Выкинул привычную и уже не замечаемую батарею пустых бутылок с подоконника. И сам заметно построжал и подтянулся. Как же, Натка! И Волотов улыбнулся светло и ласково. Кончится веселье, уйдут друзья, а они долго еще будут сидеть на кухне, смеяться, разговаривать, вспоминать... И он будет шутливо шелкать взрослую дочку по вздернутому носу и говорить возвышенные глупости. Эх, хорошо! И он сладостно потянулся, предвкушая прекрасный вечер.

Даже разволновался. Подошел к окну и закурил, держа сигарету на почтительном отлете от драгоценных пиджака и белой рубашки. За окном, в коробке многоэтажек, стоял обычный тусклый сырой мартовский денек в бессолнечных сумерках. «Суббота же, — подумалось досадливо. — Что ж они... Где шляются-то?» Снизу слышались хлопающие, месящие слякоть шаги прохожих. У детской площадки в оплывшем сугробе возились соседские малыши, Толик и Татьяна. В луже у сооруженной ими запруды покачивался на талой воде деревянный кораблик с бумажным парусом. Его кораблик. Волотов вырезал его на днях из старой кухонной доски и подарил детям. Они на бегу крикнули ему «спасибо!», одарили радостным блеском смеющихся глаз — и все. И весь разговор. Но стало вдруг на душе тепло и уютно. Волотов рассеянно улыбнулся. Надо же, Татьяна — вылитая Натка в детстве... Такая же курносая и смешливая.

Падал с сигареты нагоревший пепел. Падали в тишину пустой темной квартиры одна за другой тягучие минуты. Друзья не шли. Сыпал за окном легкий мартовский теплый снегопадец, хлопала внизу подъездная дверь, радостно замирало сердце... Но шаги упорно топали мимо его квартиры. Друзей будто не было на свете.

Праздник явно срывался. Волотов задавил окурочок в древней закопченной пепельнице и нервно заходил по квартире. А может, случилось у них чего? Ну не могли же, не могли они забыть! Позвонить, что ли? И рука уже потянулась к телефону, но нерешительно остановилась на полпути. Нет. Не годится. Не дело это. Увидеться надо. Обязательно. И если гора не идет к Магомету...

Волотов вздохнул, оделся, вышел и запер дверь. Уже сбегая по лестнице, он приостановился и задумался. А вдруг они возьмут да придут? А его нет... Но тут же вздохнул, махнул рукой и тяжеловатой рысцой выбежал из подъезда. Не хотелось терять праздник. Не хотелось вот так — запросто — отпускать его от себя. Они не придут, это ясно... А у Натки, если что, ключи есть. Не маленькая. Эх-х, годы, годы! Всего-то два друга, и тех не дождешься!

— Здравствуйте, дядя Женя! — раздался вслед звонкий детский голос. Это его окликнул из сугроба Толик. Он стоял, улыбался и махал над головой лопаткой. Татьяна возилась рядом. Из-за снежной глыбы виднелась красная макушка ее капюшона.

— Здорово, Толя... Гуляете? — улыбнулся Волотов.

— Ага... Кораблик ваш пускаем. Порт ему строим! А вы почему грустный?

— День рождения... — развел он руками в ответ.

— Да? — недоверчиво нагнул голову Толик. — Праздник же... А вы... — и пожал плечами.

— А я... — вздохнул Волотов. — Ничего. Это пройдет, — и, помахав им, зашагал со двора.

— Поздравляем! — донеслось ему в спину. Он неуклюже кивнул и свернул под арку на улицу.

Через несколько минут, чуть сутулясь и пришаркивая, он шел по узкому тротуару. Машины пронеслись совсем рядом, и Волотов опасливо жался к домам и заборам подальше от слякотных, маслянистых брызг из-под колес. В одной руке он нес маленький — на две персоны — торт «Полет», а в другой пакет с бутылкой крымского портвейна. Любимого вина его друга Алексея Шаликова. На губах Волотова застыла мечтательная и почему-то заискивающая улыбка. Будто бы уже издали просил он друга оказаться дома и не сердиться на его нелепый визит. Так и виделось, как Леша сейчас откроет ему дверь, выслушает его сбивчивые объяснения, хлопнет себя по лбу и полезет с объятиями... Да, так, наверно, и будет. А потом они вместе пойдут к Паше и не дадут пропасть празднику. Дружба есть дружба, она свое возьмет, как ни крути!

Вот и Лешин дом. Старая панельная девятиэтажка. Она нелепо выпирала углом на тротуар, и Волотов едва не врезался в нее опущенной головой. А вон и балкон. На втором этаже... И захотелось вдруг, как в детстве и юности, задрать голову, свистнуть и крикнуть на весь двор:

«Леший! Шалый!» И в груди задрожало было уже крепко подзабытый, свежий, волнительный холодок.

В тумане светлых воспоминаний поднимался Волотов по тесной лестнице вдоль обшарпанных стен. Все так же. Почти так же. Вот только ушло через выбитые стекла из подъезда прежнее тепло и появилась агрессивная подозрительность в уродливом облике металлических дверей.

И вдруг он остановился. Осознал внезапно, как все-таки глупо он выглядит. Идет поздравлять друга с собственным днем рождения... Абсурд! Докатился! Но тут же спохватился и одернулся. Ну и что? И так вся жизнь последних лет — сплошной абсурд. Что ж — и не жить теперь? И не видеться? Дудки! Ну, а если кто и забыл, какой сегодня день, так он, Волотов, тут ни при чем.

Встряхнувшись, он бодро взошел на площадку и, не раздумывая больше, позвонил в дверь.

Где-то там, в глубине квартиры, раздалась мягкая замысловатая трель звонка. Еле слышные шаги прошуршали с той стороны двери. И все стихло. Его, судя по всему, пристально изучали в глазок. Но вот загремел замок, и дверь приоткрылась. Валентина, жена Леша, укоризненно поджав губы, глядела на Волотова. Был на ней ворсистый и порядком поношенный домашний халат, на ногах — пушистые шлепанцы, а густые темные волосы плотно схвачены в тяжелые бигуди. Это угнетало, отвлекало взор от все еще миловидного и вполне молодого, хотя и чуть запывшего лица.

— А, Женя... — чуть улыбнулась она. — Заходи, заходи... Здравствуй. Леша как раз дома. Леша! — крикнула она в сторону кухни. — Женя пришел!

— Женя? — донеслось из кухни вопросительно и невнятно, будто сквозь набитый рот. — Какой Женя... А! Женька! Здорово!

И Шаликов вышел в прихожую с обгрызенным куском мяса на вилке. В старомодной — с бретельками — майке и остро отглаженных брюках. Был он невысок, краснолиц и по новой дурацкой моде коротко стрижен. Это придавало ему не по годам глупый, лопоухий вид.

— Сколько зим, сколько лет... — растерянно прошептал Волотов, принимая его размашистое — с хлопком — рукопожатие.

— Во-во! Сколько Лен, сколько Зин! — поддержал его Шаликов и довольно загоготал, обдав Волотова запахом жеваного мяса.

— Леша... — покачала бигудистой головой Валентина.
— А чего? Женька у нас человек вольный, он поймет! Правда? — и ободряюще хлопнул его по плечу. — О! А чего это ты? С тортом! И при селедке... — оторопело оглядел он друга.

Хотел Волотов напомнить ему про день рождения, но как-то не повернулся язык. Будто захлопнулось что-то в душе.

— Да это так... Повидаться зашел, — развел он руками. — Ну и вот...

— А тортик-то давай, давай... Это мы уважаем! Да чего ты стоишь-то, давай на кухню проходи. Не стесняйся. А! И портвеза захватил! Ну, молодец! Ну, голова! Сейчас мы его... — и, азартно потерев руки, схватил бутылку и побежал на кухню открывать.

— Ну, рассказывай. Как ты, чего ты... Сколько не виделись-то... Ты все там же? За те же? — тараторил, не очень-то нуждаясь в собеседнике, Шаликов. Ему, очевидно, нравилось разыгрывать из себя компанейского парня и слушать свои же речи. Раньше он был тише. И как будто умнее. Волотов уже сидел на кухне.

— Да... А чего мне? Я один, — пожал плечами он и осторожно глотнул из бокала.

— Н-ну! Один! — вытаращился на него Леша, наливая себе второй. — Потому и один, что в кармане мышь повесилась! Ты оглянись вокруг-то! Жизнь уже во-он куда ушла! К нам давай! Замолвлю за тебя... Ты же ас по электрике, я-то знаю! А кто ценит? А мы тут такой объект отхватили — мама, не горюй! Работы — во! — он рубанул себя ладонью по горлу. — Денег у хозяев — тьма, только окучивай! Ну и сами поднимаем, где можем, не без этого... Я вот машину думаю брать. Да... «Дэушку».

— Кого? — оторопел, не расслышав, Волотов.

— «Дэу-Нэксия». Корейская такая машинка. Про-остенькая, вроде «Жигуля». Только износу ей нет. Ну, придется, конечно, подзанять... — заговорщически понизил он голос, покосился в коридор и шмыгнул носом. — Ну, ничего, дело такое... А то что ж, все у нас на колесах, один я пешедралом — не катит!

— Куда — не катит? — совсем смешался непривычный к такому бурному общению Волотов. Шаликов от неожиданности поперхнулся. Но опомнился.

— А куда, — махнул он рукой. — Никуда не годится, в смысле. Ну что я, на помойке себя нашел, что ли?

— На помойке? Занятно... — усмехнулся Волотов, чувствуя злую щекотку нарастающего раздражения.

— Вот и я о чем... Надо, понимаешь ли, соответствовать. Ну, чего? Пойдешь к нам? Точняк, не пожалеешь!

— Да нет, Леша, я уж так. Зачем мне? Своя помойка все как-то ближе...

— Ну, уж и скочевряжился, будто я дерьмо тебе в стакане поднес! Ну, дело твое, я предложил...

Шаликов обиженно замолк, выпил залпом, придвинул блюдечко с тортом и начал есть. Вернее, лопать. С сопением, пристонами и придыханиями. Волотов глядел на него, как заботливая бабушка на внука, у которого вдруг прорезался аппетит. Светло улыбался и радостно кивал с каждым звучным глотком. Насытившись, Леша налил себе еще вина, смачно выпил, облизнулся, закурил длинную тонкую сигарету и блаженно откинулся на спинку стула.

— Нет, Женя... Замшелый ты какой-то. Это ведь жизнь. Жи-изнь! — он потряс сигаретой над головой. — Она же одна! Вот и надо крутиться, не зевать! А ты... — он досадливо махнул рукой. — Женька, да ты ж здоровый, сильный мужик, а прозябаешь в своей шарашке! Тебя подкормить, приодеть да упаковать — е-мое, да все бабы твои! Мы ж тебя женим еще! Бабам-то много ли надо..?

— Леша! — угрожающе донеслось из комнаты.

— Во! Слышит... Все слышит, — тихо пробормотал Шаликов и опасливо покосился в коридор. — Так что, Женя, смотри... Я тебе дело говорю. Работой не бросаются. Особенно в нашем возрасте, сам знаешь... Да, а ты чего не пьешь-то? Слушай, может, водки, а? — смешно выпучив глаза, зашептал он. — У меня есть...

— Нет, что ты... — вздрогнул Волотов. — Нельзя мне. Дочка вечером в гости будет, нехорошо...

Он лихорадочно искал повод встать и уйти. Одиноким и молчаливым, привыкшим к тишине, он не выносил бесстоловой трескотни. Но Леша не унимался.

— Да ла-адно, дочка... Тоже мне, малолетка! Понимать должна. Да я тебе чуть-чуть! Ну?

— Леша! — строго раздалось из комнаты.

— Черт, вот слух, а? Ну, бабы! Нет, Женя, всё же кой в чем я тебя понимаю, понимаю, да... Валя! Ну, где ты там! Торт засахарится!

— Да иду я, иду! — уже из коридора отозвалась Валентина и, пришаркивая шлепанцами, вошла на кухню. Леша вмиг обесцветился, сник и натужно заулыбался. В ней,

крупно завитой, одетой в строгое черно-зеленое вечернее платье, проглянуло что-то молодое, величавое и праздничное. У Волотова аж потемнело в глазах. «Неужто...?» — с радостным испугом пронеслось в голове.

— А ты молодец, Женя, друзей не забываешь... — улыбнулась она, налила себе чаю и под села к столу. На Волотова пахло легкими горьковатыми дорогими духами. — А мы живем — голову поднять некогда. И не видим никого. Вот сегодня только передохнем... На концерт собрались, — пригубив чай, Валентина значительно поджала губы и поставила чашку на блюдечко.

— Ага! — осклабился Шаликов. — Верка-Смердючка приехала! Прикинь: мужик в бабу нарядился. Такое вытворяет — животину надорвешь!

Валентина вздохнула, возвела из-под сине накрашенных век глаза к потолку и укоризненно покосилась на мужа.

— Животину, говоришь? — прищурился Волотов. — Неужто правда так смешно?

— И не говори! — махнул рукой Лёша. — Укатайка! Нет, ну на твои запросы, может, и фигня... А так — сходить, поржать — в самый раз!

— Поржать... — хмыкнул Волотов, насильно растягивая губы в подобие улыбки. Получился злой оскал.

— О! Опять кочевряжится! — хлопнул себя по коленкам Шаликов. — Ну что ты с ним сделаешь! Женя, Женя, ну что ты такой груженный? Проще надо быть, Женька, проще! Есть же простые человеческие радости! Горбили-горбили на светлое будущее, ни фи́га не нажили, давай хоть для себя поживем!

— Ага... Поржем, — в тон ему продолжил Волотов. — Поржем — и еще поржем. Пospим. Выпьем. И опять поржем. Лёша, я теперь понимаю, отчего конидохнут... — и Волотов махом допил свой бокал и хрустко разжевал безе с торта. Валентина настороженно уставилась на него своими несравненными янтарного цвета глазами. Шаликов, вытянув лицо, закивал укоризненно и безнадежно.

— Ну, ребята, спасибо. Веселые вы, однако, люди, — сдавленно хохотнул Волотов. — Животину, правда, не надорвешь, но это ничего. Все, наверно, впереди. А, Лёший? — и пиратски подмигнул другу.

— Н-ну... — неопределенно промычал он и развел руками.

— Пойду я. Пора мне. Счастливо поржать! — и, прощально кивнув, вышел в коридор.

— Женька, да ты что? Обиделся, что ли? — выскочил к нему Леша.

— Я? Что ты... Нет, — вздохнул, одеваясь, Волотов. — Просто дела.

— Да что с тобой случилось-то? Сам не свой! — не отставал Шаликов, настойчиво заглядывая ему в глаза. В этот момент в нем промелькнуло что-то от прежнего Лехи — пытливого и отзывчивого. Но тут же исчезло.

— Со мной — ничего. День такой. Раз в году и бывает... Пройдет. Ну, бывай.

Он вежливо поручался с Лешей, учтиво поклонился в кухню Валентине и вышел.

Он яростно шагал навстречу снегу. Даже не вспомнили! Ни словом! Вот так да... Это, конечно, не было для него большим открытием. Но вот так явно и запросто... Посмеиваясь да погогатывая...

Щеки заливал жар. Было стыдно. И жалко. Дружбы жалко. Пусть уже давно мифической, ничего не стоящей. Все равно.

А куда он, собственно, идет? Домой? А что там делать? Настроение питейное. Нет, хуже. Предзапойное. Натке еще рано... Нет. Домой нельзя. Надо сохраниться трезвым. Дочка все-таки... А ведь он собирался еще и к Паше. Хотя... — и он болезненно скривился. Второй раз то же самое ему не вытерпеть. А видимо, придется. Ничего не поделаешь. Пей до дна. К Паше — так к Паше. И, круто развернувшись, Волотов зашагал к центру города.

И где-то через полчаса он подходил к величавой кирпичной сталинской пятиэтажке. Здесь тоже все было с детства знакомо. Огромный двор с фонтаном посередине, густые заросли боярышника, где они устраивали свои детские «штабы», деревянные сараи, в закоулках которых так удобно было прятаться... Сараев осталось совсем мало — они каждый год горели. Но безотказная память то и дело возрождала их из пепла и пустоты.

Вот и Пашин подъезд. Побулькивая очередной бутылкой все того же портвейна в пакете, Волотов закарabalкался на пятый этаж. Торт покупать не стал. Хватит. Не хотелось больше смотреть на жранье и чавканье.

Медленно, нехотя загремел замок. Дверь открыл сам хозяин, Павел Тишин, высокий, худой, но щекастый мужчина с легкой щетиной выходного дня на лице и едва заметной проседью в редких волосах. В пыльном свете подъездного оконца тускло блеснул его высокий, «мате-

матический» лоб и круглые очки в тонкой металлической оправе на мясистом носу. Открыл, высунулся, изогнувшись червяком, из-за двери.

— А-а-а! — деланным фальцетом запел он и осекся, — это ты...

— Ага, — осклабился Волотов. — А ты кого ждал? — и бесцеремонно шагнул через порог. Тишин ошеломленно попятился.

— Ну что ты... Очень рад, очень рад... — рассеянно забормотал он.

— Ну, здравствуй, Пал Секамыч, — пожал Волотов влажную, узкую дружескую руку. — Как жив-здоров? Что у нас плохого?

Паша растянул губы в улыбке и смешно, на японский манер, закивал головой.

— Плохого? Да нет... Но свершилось... Не знаю, как и сказать...

— Ну, ты уж соберись с силами-то, дорогой! Это сначала тяжело. Потом пройдет... — язвительно подбодрил друга Волотов. Нет, чудес не бывает...

— А? Да-да... Ты раздевайся, раздевайся, — бормотал Тишин, не расставаясь со своей странной, будто приклеенной улыбкой. Из-за этого слова его звучали с подобострастной лакейской присвисточкой. А может, это просто казалось. Со зла.

— Видишь, как вышло-то... Не думал, не гадал... — вкрадчиво вещал он, увлекая Волотова по большому захламленному коридору в свою комнату. — У нас на фирме реорганизацию учинили. Ну, туман, неразбериха, тырыпыры... Я уж сам не свой, к сокращению готовлюсь, настроение хлам... И вдруг! Назначают старшим менеджером по персоналу! Во номер! — и глаза Паши округленно вытаращились под очками.

— Ух ты! Поздравляю! — сокрушенно покачал головой Волотов. — По этому поводу надо бы, а? Я принес...

— Ох, Женя, да не ко времени как-то... Работа, понимаешь... Может, в другой раз, а?

— Другого не будет. Только сегодня. Раз в году... Потом ты, не дай бог, директором станешь — и адью! Вообще друзей забудешь.

— Да ну тебя, не сглазь! — замахал руками Паша, садясь к компьютеру. Стол был завален какими-то бумагами и брошюрами.

— Во! Анкеты с людей собрал, обрабатываю... Такие,

знаешь, бездны открываются — ого-го! Чувствуешь себя прямо вершителем судеб!

— Да? Паша, а зачем это? — насмешливо, изображая интерес, проговорил Волотов, беспомощно озираясь за его спиной. Все уже было ясно. Можно уходить. Ну, праздничек...

— Ка-ак? — пораженно сморщил лоб Паша, не расставаясь, однако, с улыбкой. — Это престиж, Женя. Корпоративный престиж... На Западе это сплошь и рядом. Вот и у нас просекли, зачесались... Научная организация труда, Женя, это тебе не хрен на блюде. — Последние слова Паша произнес с пренебрежительной интонацией, будто снисходя до убогого уровня собеседника.

— А какого труда-то? Чем у вас там занимаются вообще? — сощурился Волотов.

— Ка-ак? — опять поразился Паша. — Разве не знаешь? Продажами. Автомобили, недвижимость, металлы... Народу-у! Двести человек, шутка ли...

— А-а... Да, труд титанический. Кадры решают все... — покивал Волотов головой. Она начинала уже болеть.

— Вот-вот, хорошо, что понимаешь! Вот и надо их прояснить. Кто во что горазд, чего ожидать... Команда нужна. Команда, понимаешь? Лишних отсечь, нужных прибить... Вот я и пригодился! Составим подвижную модель... Этаким шаблончик... — и он побарабанил по клавиатуре. — И все станет ясно.

— Надо же, как просто... Кто бы мог подумать, — насмешливо присвистнул Волотов. Паша уловил это, лицо его недовольно дернулось, но улыбка не сошла.

— Представь себе, очень просто. Женя, да все ж давно изучено! — хлопнул он по куче переводных брошюр. — Проработано и детально описано! А мы, как всегда, в хвосте плетемся, знать ничего не хотим. Деревня!

— Паша, а на кой это? В нашей-то деревне? Это ж забугорное все...

— А-а, мы особые. Мы не такие... — Паша поморщился, как от укола, улыбка чуть сузилась, но осталась на прежнем месте. — Это наука, Женя, на-у-ка, понимаешь? А мы знай, корчим из себя особенных! Потому и не выходит ничего!

— Думаешь, поэтому? — склонил Волотов голову набок.

— Поэтому, Женя, поэтому. Ух-х, — и фирменная улыбка вдруг сошла с Пашиного лица. Губы побелели, верхняя зло приподнялась, ошерив крупные, желтоватые, как

у пожилого зайца, резцы. — Ух, мне эта наша особенность! Да нас дрючить и дрючить надо, чтоб толк вышел! Сорок лет по пустыне водить, как Моисей евреев, чтоб дурь эта из головы выветрилась! Тогда, может, и станем нормальными...

— Евреями? — услужливо добавил Волотов.

— Да не цепляйся ты к словам! Я — так, фигурально, — попытался Паша смягчить сказанное, даже улыбку на место вернул. — Но, Женя, надо ведь с этим что-то делать! Захотели быть цивилизованными — так соответствуйте!

— Соответствуйте... Занятно, — пробормотал Волотов и вздохнул. Это слово он сегодня уже слышал. И Шаликовский треп показался ему на этом фоне куда более безобидным. — Нет, Паша, я уж по старинке. Наособицу. Пойдем выпьем. Нехорошо. Новое назначение все-таки. Надо, Паша. Надо...

— Ну, раз надо... — вздохнул Паша, с неохотой отрываясь от тяжелых трудов. — Только, Женя, по чапочке. Работы — вагон, а облажаться никак нельзя, сам понимаешь... — и медленно поднялся со стула.

— Что — нельзя? — сделал вид, что не расслышал, Волотов.

— Ну, опозориться. Жаргончик такой. Очень милый, по-моему.

— Ага... Возьму на вооружение. А ты, Паша, эрудит. Пообщаться — одно удовольствие. Да, а твой-то где? Выходной вроде...

— А! — раздраженно махнул Паша. — Ирка по своим делам ушла... Вечерним. Молодо-зелено, сам понимаешь. А Ленка... К матери уехала, навестить. Завтра будет. Так что можем смело...

— Не боюсь облажаться? — съехидничал Волотов. Паша выдаленно рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— Узнаю старого друга! — с резким привизгом воскликнул он. — Уже издевается!

— Да нет, что ты... Просто обкатываю новое словечко!

И под Пашино хихиканье они вышли на кухню. Здесь, в отличие от остальной квартиры, все было вполне буржуйским: шкафы под дуб, встроенная плита, холодильник с деревянной — в цвет мебели — панелью, подвесной потолок с четырьмя глазами ярких лампочек. Табуретки у стола были ажурно-металлические, и Волотов, садясь, боялся, что тут же окажется на полу среди хромированных обломков. Но обошлось. И уходить прямо сейчас уже

не хотелось. Он был уже вполне зол и ехиден. Не терпелось уязвить побольнее и хлопнуть дверью напоследок. Уже налили, выпили. Паша чуть пригубил, а Волотов демонстративно осушил полный. Тишин все еще хихикал.

— Эх, Женька, а ведь ты ничуть не изменился... Ну? Все там же? Все так же?

От этих словно под копирку выданных вопросов на душе у Волотова еще более посволочело. Сговорились они, что ли?

— Ага. И все за те же, — подхватил он. — И должностей новых не предлагают, жлобы, — и с притворной тяжестью вздохнул. А Паша, кажется, поддался. Размахист-то кивнул и ораторски взмахнул рукой.

— А почему, спрашивается? Закоснел ты. Задубел. Привык с совковых времен фигу в кармане держать, да так и носишь! А вот это и неправильно! — и энергично, как штопором, крутнул сверху вниз указательным пальцем.

— Конечно, — мягко улыбнулся Волотов. — Тогда хватало и фиги. А теперь нет. Теперь я другой жест ношу, — он показал, какой. — И открыто. В кармане не помещается...

И под визгливый Пашин хохоток налил фужер и выпил залпом.

— Ну, тебе проще, — отсмеявшись, сказал Паша. — Когда один, можно так... А мне — никак. Семья, дочка вон на выданье... Тут не очень-то. Но это и не дело, Женя. Это, понимаешь, неконструктивно. Ты вокруг-то посмотри, время-то другое совсем! Меняться надо.

— Ага. Соответствовать, — подсказал Волотов.

— Вот, — ткнул в него пальцем Паша и отхлебнул вина. — Вот именно. Сориентироваться, подстроиться, где надо — глядишь — уже и на коне... И жизнь другая. И мысли веселее...

— Ну-ну. О пророке Моисее, например, — кивнул Волотов.

— Ладно, перегнул, каюсь! Хотя... — Паша пожал плечами, — не так уж и перегнул. Вот я, к примеру. Кем был? Да обычным швейком на побегушках. Таких у нас немерено. А кем стал? Тоже не особая шишка, но все же! Рост, Женя! Рост. Вот что главное! Не побрезговал, подсуетился — и заметили. Не зря, выходит, горбатился. Вот и тебе советую. Оглянись, присмотришься — и действуй! А ты все валандаешься... Работа — дом — работа. С хером в кармане. Скучно! — и, разохотившись, Паша прикончил

свой бокал. — А годы-то идут... Идут, собаки. Поздно нам уже донкихотствовать, Женя, поздно. Так что...

— Я ценю, Паша. Ценю. Куда ж я раньше-то смотрел... Смотрел — и не видел, что вокруг. А главное — кто, — и Волотов налил по новой. — Ну? За дружбу?

— За дружбу... — раздумчиво проговорил Паша, разглядывая бокал на свет. — За дружбу — это да... Но возьмем шире, Женя, — и Паша взмахнул бокалом. — Дружба — она и так дана, никуда не денется. А куда интереснее деловые отношения строить! Контактики всякие... Интересы. Тут-то душа и раскрывается. Во всей красе. — Левая рука Паши порхала в воздухе, вычерчивая тяжеловесные, чудом не падающие конструкции. — Людьми рулить, Женя, это и наука, и искусство. Так что, помня о дружбе — за партнерство! — Качнув бокалом, Паша со вкусом выпил и недоумевающее уставился на друга.

А Волотов не на шутку испугался. Показалось на миг, что перед ним сумасшедший. Такими остекленелыми, невидящими были Пашины глаза. Но тут же опомнился и успокоился. Нет. Замороженный просто. А глаза у него и раньше чудные были. Как у ящерицы.

— За дружбу, Паша, — сквозь зубы выговорил Волотов, зло улыбнулся и махом выпил. — А партнеров... Партнеров в гей-клубе поищи. И пойду я, Паша. У тебя же работа...

— Да? — пожал плечами Паша. — Ну, если ты... То, конечно...

— Не нравишься ты мне, Пал Секамыч, — после долгого колебания заговорил Волотов уже в прихожей. — Я спирту достану, хочешь?

— Да? А...зачем? — растерялся Паша.

— А мозги промыть, — натужно улыбнулся Волотов. — Вирус в них. Опасный. Не по возрасту...

— Ты о чем? — озадаченно заморгал Паша своими бесцветными ресницами.

— О том. Подумай, Паша. Хорошо подумай, — напутствовал, уже одеваясь, Волотов. — Ты ж себя не слышишь. Когда взрослый мужик, седой, отец семейства несет такую чушь и даже не замечает — дело плохо. А ты не дурачок, как это твое повышение со стороны выглядит, а?

— Интересно... — насмешливо блеснул очками Паша.

— Да нет. Использовали тебя по полной, а выкинуть жалко. Работник верный. Самозабвенный. Заслуженный. Некрасиво получится. Сажают руководить никому не

нужным, заведомо провальным отделом. Чтобы потом вышвырнуть. Уже без угрызений. Вот и все.

— Чего..? — опять заморгал Паша. Видимо, он и впрямь не допускал такой мысли.

— Ничего. Хорошо, если ошибаюсь. Ну, бывай здоров. Не облажайся. Да, и на людях язык придержи. Особенно про Моисея. И про партнеров. Беда будет. Люди-то не понимают...

— Женька, ты чего? — пролепетал Тишин, подавая ему шапку. — Напился, что ли?

— Ага. В хлам, — подмигнул Волотов, уже открывая дверь. — Ничего, Паша, это редко. Только раз в году. А спиртику-то я тебе достану. Достану... И улыбочку, Паша! Улыбочку. Не теряй стиля!

Изловчившись, он шелкнул друга по лбу, вышел и от души бабахнул дверью. Эхо от этого хлопка еще звенело в ушах Волотова, когда он, ничего не видя вокруг, ожесточенно шагал через двор. То и дело он вздрагивал, мотал головой и невнятно бормотал что-то. Визит к Тишину оставил очень тягостное впечатление. А выпитый натошак портвейн вызвал противную изжогу. Во рту была желчная горечь, и он едва сдерживался, чтобы не съесть пригоршню снега. Надо ж было так испохабить собственный день рождения! Хотя... Чего, собственно, он ждал? Он же догадывался. А значит, чего хотел, то и получил. Особенно Паша хорош. Ну, ясно, когда люди от водки глупеют. А этот с чего? Что за болезнь такая? И заразная ведь, вот беда... Волотов гадливо передернулся. Господи, сколько слов, надежд, времени убито! И на что? И на кого? И зачем? Балласт... А от балласта надо избавляться. Решительно и беспощадно. Он тяжело вздохнул. Какой дурацкий вечер!

Воздух был круто замешан на мокром снегу. Волотов кашлянул и попытался улыбнуться. И замер. Натка! Она же наверняка придет! Может, и пришла уже, сидит там одна... А он тут прохлаждается. Тьфу, растяпа! И, всплеснув руками, он потрусил через город домой. Скакал через лужи, размахивал руками и ругательски ругал себя. Он ведь совсем забыл о Натке. И дались ему эти два придурка! А она, конечно, пришла. И ждет его! Господи, скорее бы! И ясно представилось уже, как Натка встретит его на пороге, посмотрит, вздохнет, покачает головой, скажет: «Здравствуй, папка. С днем рождения!» — и бросится на шею. Потом укорит, прищурясь: «Выпил?» А он разведет

руками виновато и пробормочет: «Да что там, самую малость... Прости. День такой. Только раз в году...» И все наладится. Все мигом образуется. И настроение, и праздник. Настоящий. Просто он не там его искал. И, захлебываясь от радостных предвкушений, Волотов зашагал все быстрее, то и дело переходя на бег. И уже не боялся забрызгать драгоценные брюки...

Разогнавшись, влетел он в свой подъезд, дрожащими руками отпер дверь... И обмяк. И поник. Его встретила темнота и обычная гулкая пустота. Он, еще не веря, обошел квартиру, зажег всюду — даже в туалете — свет и устало, отрешенно опустил на обувной ящик в прихожей. Заныло сердце. Ему вдруг до боли, до слез, до крика стало жалко себя, одинокого и брошенного. Злая обида, ходившая весь день вокруг да около, подкралась и уязвила больно и ядовито. Долго он сидел, согнувшись, обхватив голову руками. Наконец отпустило. Он выпрямился и встряхнулся.

— И, правда, что это я... — усмехнулся, подошел к телефону и набрал Наткин номер.

— Здравствуй, Наталья... — глухо проговорил он.

— Ой, папка! Здравствуй... Чего ты? Случилось что? — ответил звонкий, но лениво-заспанный дочкин голос.

— Как тебе сказать... Да. Двадцатое марта, как-никак. Событие... — с расстановкой и злинкой выговорил Волотов.

— Какое... — не поняла Натка, но тут же заверещала: — Ой, папка! Поздравляю тебя! Прости, закрутилась! Столько дел, столько работы! Папка, подарок за нами!

— Спасибо, дочка, не стоит тратить. Главное, ты помнишь и ценишь... — вздохнул Волотов.

— Ну, не сердчай! Папка, здоровья тебе, успехов... — и Натка замялась, чувствуя натяжку.

— В работе и личной жизни, — в тон ей продолжил отец. — Спасибо. Ты лучше скажи, до внуков-то я доживу?

— Ой, папка, ну о чем ты! — смущенно захихикала Натка. — Вон жизнь-то какая...

— Какие мы, такая и жизнь, дочка. Ладно. Спасибо тебе. Бывай здорова, — сжав зубы и побледнев, Волотов бросил трубку и пошатнулся. Отошел, прислонился к стене и прикрыл глаза. Вот и все. Приехали. Дожил.

Мир вокруг странно дрогнул, перевернулся и посыпался. Будто резко остановилась в своем бешеном полете Земля. Волотов встряхнулся и проморгался. Стало чуть

легче. Но странное, отвратительно новое впечатление намертво остановившейся жизни не проходило, а крепло. В этой жизни было неуютно, зябко, тесно, а главное — противно и стыдно. Сжав у груди костистые кулаки, Волотов забегал, заметался по квартире. Она давила своим низким потолком, облезлыми стенами и липким желтым электрическим светом. Он натыкался на дверные косяки, упирался в углы, страдальчески мычал. Воздух вдруг сгустился и стал похож на прокисший столовский кисель. Волотов зяб и задыхался.

Поняв, что сходит с ума, он метнулся на кухню. Поспешно и судорожно отыскал в шкафчике припрятанную чекушку, сорвал пробку и яростно, жадно, в три глотка осушил ее. И не почувствовал. Не передернулся даже. Сел на табуретку, отдышался, закурил. Внутри стало тепло и щекотно. Полегчало. Встал, подошел к окну, распахнул форточку и глубоко задышал талым мартовским воздухом. Отлегло. Он отступил от окна и снова сел, низко опустив голову. Время от времени он вздрагивал, бормотал что-то и криво усмехался. Встал и уже спокойно, покуривая, заходил по квартире.

На душе распогодилось. И надо было добавить. Обязательно. Он снял пиджак и галстук, скомкал их и с размаху закинул в шкаф. Не спеша надел свитер и побрел в коридор, нащупывая деньги.

Но ощущение остановившейся жизни все же не проходило. Это было открытие. И Волотов, надевая ботинки, вдруг замер, застыл полусогнутым, опершись о косяк двери. Жизнь остановилась не сегодня. Не вчера. Давно уже. Просто сегодня это вдруг разом взяло и осозналось. Ничего хорошего в этой жизни не было. И, конечно, не будет. И ее самой, стылой и мертвой, тоже скоро не будет. Ее просто сдует с Земли, как пыль, как мусор.

— Эх-хе-хе... — протяжно вздохнул Волотов и с ботинком в руках опустился на обувной ящик. Сравнение показалось ему слишком тяжким. — Вот ведь дожил-то... Позорище! Нет, как хотите, — он всплеснул руками, выронил ботинок и повысил голос, будто обращался к кому-то в пустой квартире. — Как хотите, а без поллитры никак. Никак, — и горестно, будто оправдываясь, покачал головой.

Но короткий, громкий и хриплый звонок в дверь преврал его ворчание. Он вздрогнул, аж подпрыгнул, и с замирающим сердцем открыл дверь. На лестничной пло-

шадке стояли соседские дети — непоседливый веснушчатый второклассник Толик и его сестренка Таня, лет шести. Вид у них был торжественный и загадочный, будто затеяли они какое-то феерическое хулиганство. Под распахнутой шерстяной Татьянкиной кофточкой что-то топорило и шевелилось. Она то и дело поправляла и прижимала этот непонятный комок маленькой пухлой ладошкой.

— Здравствуйте, дядя Женя! — важно, хором изрекли они. — Можно к вам?

— Здорово, ребятня... — озадаченно пробормотал Волотов и заскреб в затылке. — Заходите, заходите...

Они осторожно, чуть стесняясь и озираясь, вошли. Волотов закрыл дверь и сел на ящик.

— Ну, рассказывайте, — и дружески подмигнул. — Да не тушуйтесь, я один...

— Дядя Женя... — начал Толик, но осекся. Воздуха не хватило.

— Дядя Женя, с днем рожденья вас, — пропищала за него Таня. Старательно, аж на носки приподнялась.

— Здоровья вам и всего... самого такого. Хорошего, в общем, — прокашлявшись, солидно завершил Толик.

— А у нас подарок! — улыбнулась Таня и с усилием вытащила из-под полы кофточки маленького, серенького в пятнышко котенка. Он ошалело вертел головой, моргал желтыми глазами и смешно топорило усы у розового носа, собираясь мяукнуть.

Волотов покачнулся. Застелила глаза предательская пелена.

Нина БОЙКО

МИНИАТЮРЫ

ЗЯТЬ

Джонни по происхождению итальянец, женат на русской, живет в Америке. Он высок, плотен, выглядит импозантно. Работает в какой-то фирме, но чем занимается фирма, не говорит ни жене, ни тестю, к которому приезжает в Россию. Тестю он привозит вещи, бывшие в употреблении, а тот продает их в колледже, где работает физруком. Вечерами они сидят за бутылочкой, предаются приятным разговорам о детях Джонни — внуках тестя, и когда об этом разговор иссякает, Джонни спрашивает:

— Кто у вас покупает... э-ээ барахло? — Джонни говорит с подчеркнутым английским акцентом, и выходит так, будто давится репой.

— Все покупают. Учителя и студенты.

— Россия — б-эдная страна.

— Не скажи. Богатые и у нас есть. Видел коттеджи за городом?

— Это нэ-э русские люди.

— Ну да? Иванов, Петров, Сидоров...

— Нэ-эт. Русский — зд-эсь, — Джонни показывает на сердце.

Тесть перебивает:

— Можно подумать, что в Америке все иначе.

ПРОЗА

— В Ам-эрике, да.
— Не скажи! Я у вас был и видел, как негры роются в мусорных баках.

— Они нэ-э хотят работать. Я работаю в нэ-эбольшой фирме, но мне хватает ср-эдств, я сод-эржу дом, жену, дэ-этей...

Последние слова неприятно действуют на его тестя:

— Не надо было жениться на моей дочери! Мы бы с ней и здесь не пропали. А тебе должно быть совестно попрекать ее куском хлеба. Я сбываю твои вещички и ничего с тебя не прошу. Ты, между прочим, не живешь по гостиницам, где с тебя снимут шкуру, ты живешь здесь, и экономия средств у тебя...

Джонни вскакивает, в нем закипает родимая итальянская кровь, английский акцент пропадает, слова вылетают со скоростью курьерского поезда, и Джонни обрушивает на тестя такую же лаву, как Везувий на Помпеи. Тестя ничего не может разобрать в этом потоке слов, сидит и ждет, когда он иссякнет.

— Русские очень жадные, — наконец отчетливо выговаривает Джонни. — Я еду сюда делать бизнес, но вы хотите надармофшынку! Я дарю компьютер, мне говорят «спасибо». Из «спасибо» шубу не шьют!

— Да ты!.. — взрывается тесть. — Да тебе наш художник пять картин отдал! Ты ему обещал долларами заплатить, а привез задрипанный сувенир! Зачем только моя дочь с тобой связалась, теперь и внуки у меня будут такими же крохоборами...

— О! Так не надо! Так можно в зубы!

— Щас! Вали-ка в гостиницу!

Джонни утрачивает пыл, тянется за бутылкой, но тесть вырывает ее:

— На свои покупай! Не хрен мне на горб садиться!

Зять в полной растерянности смотрит на него, потом отворачивается к окну, и в досаде карябает ногтем оконную раму:

«И так каждый раз...» — думает он.

СЕЗОН ОТПУСКОВ

— Нет, уже не тот интерес, — вздохнул Виктор Крюков, выходя с племянником из турагентства, где приобрели путевки в Грецию. — Вот раньше... Какой же это был год? Кажется, девяностый. Да, девяностый, я тогда

строил объездную дорогу в Сочи. Будешь слушать, я расскажу?

— Послушаю...

— Заимел я, значит, путевку в Италию, и, веришь, с проживанием, дорогой, но без стола. Ладно, все равно побежал к приятелю обмыть это дело. А его дома нет, только Ирка, его жена. Говорю ей:

— Накуплю в Италии барахла, испробую лучших вин, оползаю все музеи...

— А валюту откуда возьмешь? — спрашивает.

— Пятьдесят долларов уже раздобыл, двести меняют на таможне. Часы прихвачу с портретиками Буша и Горбачева, загоню. В принципе, много не надо, наша бухгалтерша говорит, что в Италии все бесплатно: полтора доллара стоят кроссовки.

Ирка аж подскочила:

— У меня есть один доллар! И фотоаппарат «Зенит». Загони его, купи мне двое кроссовок?

— Куплю. Здорово проведу свой день рождения! В экзотической стране, с черноглазой итальяночкой... Может быть, женюсь даже.

— А Галю куда? — смеется.

— По обстоятельствам.

Вышел я от нее, и напрямик к своему начальнику, — похвастаться. Он сразу мне сотню долларов, и сто раз повторил:

— Кожаную куртку, размер пятьдесят два!

А Галька моя, как узнала, что еду в Италию, сняла деньги со сберкнижки и целый список составила, что для нее купить.

Ну, выехал я в Ужгород, где таможня, а гид уехал в Москву деньги менять. Ладно, живем всей группой в гостинице, в люксовых номерах за свой счет. Гид ничего не выменял, вернулся через пять дней, говорит: «Кто хочет, езжайте, кто не хочет, сдайте путевки».

А мы уж настроились, раз в жизни выпало. Решили сами валюту добывать. Я купил на базаре блок «Мальборо», пылесос для автомобиля, — больше, сказали, не провезти. Таможенники, волки — рыщут, роют, все «лишнее» выкидывают. У меня двадцать банок ставриды, кричат: «Убрать консервы!» У других тоже всякая дрянь: черная биологическая икра, да булки, да водка... Водку по две бутылки на брата оставили, остальную изъяли. Но тут донецкие ребята помогли, пытались по частям вывезти

пилу «Дружба». Их застучали, а нам нашу ставриду вернули. Мы уж и так возмущались: «Кому в Италии ставрида нужна, кроме нас?»

А в Италии что творится! Батон два доллара, — мы сразу по рыночному курсу переводим, и некоторые тут же в обморок падают. Бутыль «Пепси» два доллара, мороженое доллар... Цены бешеные, а денег нет. Какие пляжи, кафе, музеи? — везде платить надо. Спим сутками, а то хоть иди воруй, и даже тянет, у них же там никакой охраны.

Ченчевать стали. Ченч — меняла по-английски. Я поченчевал пылесос, фотоаппарат с часами, другие биологическую икру — по пять долларов за баночку им давали, но брали только в стеклянных банках, чтобы видно было — икра. А эта икра... — Бог мой! Наши менялы потом и на улицу не выходили, боялись.

А на улице дождь, и потоп обещают.

Ну, «отдохнул», «загорел»; возвратился домой, Галька меня встречает, обнимает, а сама смо-отрит: не стоит ли за моей спиной большая сумка? А ничего не стоит, только маленький чемоданчик, с которым я уезжал. Говорит: «А где сетка?» Я же ее полную ставриды увез. «Вот», — вынимаю комком из кармана. Галька смеется, а потом поняла, что смеется зря, да как заревет! Я ей рассказываю, она ревет. Слезы, как барбарис: бум-бум-бум! Спать не хочет, ревет, я тоже спать не хочу, в Италии выспался. Два дня редела, потом кричать стала: «Одиннадцать тысяч! Одиннадцать тысяч!» И все подсчитывает, сколько бы она накупила в Сочи на одиннадцать тысяч.

Ну, с Галькой я кое-как разобрался, дальше надо разбираться с Ириной. Прихожу к ней, она кофе мне, бутербродик. Щечку подперла:

— Как дела, Витя?

— Так, — говорю. — На всю жизнь память останется. Жаль только, не сфотографировался ни разу.

— Что купил себе?

— Куртку выторговал на валюту Эдика.

— Фотоаппарат продал?

— За десять долларов.

— Ух ты, сколько кроссовок!

— Кроссовки пятьдесят долларов, а доллар — сорок рублей. Я тебе верну деньги.

Ирка сейчас же в слезы: где мой фотоаппарат, мне его жалко...

— Да я его еле сбыл! — говорю. — Смотрят: тут ржавчина, там...

— Откуда ржавчина? Врешь!

И тут прямо к Ирке мой начальник бежит, Эдик.

— Где моя сотня? — орет.

— Отдам, — говорю, — четыре тысячи рэ.

— Я тебе долларами давал, отдавай долларами!

Потом утихли, спрашивают меня, как там, в Италии?

— Уборные, — говорю, — роскошные. Дверь сама открывается-закрывается. Не то, что в наших общественно-полевых.

Ну, простился с ними, иду домой, а у подъезда Райка, соседка, и ехидно мне так:

— Итальяно-кобелино-о! — Это ей Галька уже наболтала, что деньги на итальянок потратил.

— Чао! — говорю. У них там «чао» утром, «чао» вечером. Вот какие путешествия были раньше. Я после того за границу три раза ездил, но веришь, кроме фотографий, никакой памяти не осталось; а та поездка — неизгладима. И вот в чем дело, думаю: тогда было по-русски, а теперь — как у всех.

СЕРВИС

В милиции при паспортном столе открылся сервис услуг. Какходишь в здание, то слева — дежурный, по центру — паспортный стол, а справа — дверь прямо в сервис. На двери написано: «ФОТО», под «ФОТО» висит преискурант, и что-то еще написано.

Захожу.

— Мне бы фотку на новый паспорт?

— Садитесь, — говорит фотограф, усаживая меня на винтовой стул. — Голову держите так, — поднимает мне подбородок, — взгляд вот так. Не шевелитесь, молодой человек, а то будет тень, и придется переснимать.

Он ушел за экран, то есть за мою спину, и пропал.

«В чем дело? — думаю. — Со спины, что ли, будет фотографировать?» Но сижу и не шевелюсь. Жду.

Вдруг грохот!

— Где вы?! — спрашиваю.

— В проводах запутался, едрит твою в кочерыжку! Ну, сволочь!

«За что же меня сволочить?» — думаю. Но подбородок держу строго, как надо, и взгляд туда, куда следует.

— Смотрите сюда, — выполз фотограф. — Снимаю. Все. Погуляйте пятнадцать минут.

Погулял. Захожу. Вроде, не я на фотках: глаза выпучены и жилы в три пальца.

— Это не мое лицо, — говорю.

— Как не ваше? Ваше.

— Нет, тут кто-то испуганный.

— Да что вы городите! Вы здесь получились лучше, чем в жизни. Гляньте на себя в зеркало. Сравните! С вас сорок рублей. Дешево и сердито.

ВСТРЕЧА

Иван Михайлович Гришин стоял возле автобуса, ожидая, когда диспетчер объявит посадку. К закрытым дверям нагло лезли спекулянты, приезжавшие в Лыски торговать китайскими шмотками. Правда, слово «спекулянт» с некоторых пор изъято из обращения — оскорбляет слух честного коммерсанта, обладающего талантом купить за рубль, а продать за пять. Но Бог с ними. Гришин работал учителем истории в Лысках. Ехал в Починск по своим делам, билета у него не было, однако надеялся, что и так пустят — шофер был знакомый.

Половина Лысок состояла у Ивана Михайловича в приятелях, не любили его только школьники: Иван Михайлович, начиная урок, рассказывал об одном, затем перескакивал на другое, впадал в философию, уносился в заоблачные высоты и упирался в звонок.

Автобус все не отправляли. Гришин стал зябнуть. И тут подкатил джип.

— Ваня! — открыл дверцу крупный мужчина. — Садись!

Иван Михайлович слегка опешил: мужчина был ему не знаком.

— Ванька! Не узнал, что ли?

— Леша?.. — не совсем уверенно шагнул он.

— Ну, Леша. Седой, да? Морда шире в три раза, да? Куда тебе? В Починск?

— В Починск! — взбодрился Гришин, узнав, наконец, своего институтского товарища. — Как ты здесь оказался?

— В ларек за сигаретами заезжал, смотрю, ты. Нисколько не изменился: циркулем был, циркулем и остался. Ну, как живешь? Сто лет не виделись.

Товарищ надавил на газ, и джип бесшумно тронулся с места.

— А я тут по культурным делам был. Короче, опыт перенимаю. В вашем Культурном Центре сделали стриптиз-бар, так я смотрел, как и что: у нас в Починске на это дело школьниц тоже хоть отбавляй...

— Ты в Починске? Ты же уезжал в Благовещенск.

— Вернулся. Заведую теперь городской культурой. Работа — врагу не пожелаешь! Дай, дай, дай денег! Драмстудии, клубам, музыкальной школе, музею, выставочному залу... А где взять? Рад бы их своего кармана, да зарплата нищенская.

Иван Михайлович опустил глаза и подумал, что с нищенской зарплатой джип не купишь.

— Выкручиваюсь, как могу. Выставочный зал продал под секту Иеговы, в музее приспособил ящик для пожертвований и сам опустил первый взнос. В музыкальной школе отгородил угол для коммерческого ларька, драмстудию обязал продавать билеты на их спектакли...

— Не возмущаются? — робко спросил Гришин.

— Возмущаются. А куда им деваться? Рынок, привыкайте, господа! — Однокашник закурил. — Одна радость — ремонты. Умная голова придумала конкурсы. У меня всегда одни и те же выигрывают — белорусская бригада. Не подведут: я им на пять миллионов заказ, они мне миллион вознаграждения. А нашенские — попробуй с ними связаться, заложат сразу! Зато ноют: «Чужаков нанимайте, а свои строители без работы!» Жить сначала научитесь! Так-то! Ну, короче, все у меня есть: иномарка, квартира, две дачи, квартира в областном центре, и дети уроены. А ты? Все еще своими ножками топаешь?

Иван Михайлович грустно вздохнул:

— Топаю... На детей все уходит. Взрослые, много надо. Сделал квартиры, давай машины, сделал машины, давай дачи...

— А где работаешь?

— В школе. Преподаю историю.

— Это что... у нас учителя так много зарабатывают?!

— Нет, конечно. Вертеться приходится: тому угодишь, другому поддакнешь, перед тем поплачешься... Недавно вот случай был. Корреспондентик у нас нагреб о Лысках большой материал, стал давить на администрацию: книгу, мол, надо издать. Они ему ясно говорят: «Если бы книга была лично о нас, мы бы оплатили издание, а тут — история Лысок». Он ни в какую: «Дело важное, как вы не поймете?» И тут я подвернулся. Говорю ему, кстати, мы с

ним приятели: «Дай-ка твою рукопись, ознакомлюсь». Принес. Читаю. Да, интересные вещи откопал. Созываю историков, смотрим и находим много неточностей. Звоню об этом корреспонденту, а у него от досады аж голос дрожит: «С чего же неточности, если вы эти сведения от меня узнали, а до того понятия о них не имели?» Я ему вежливо отвечаю, что мы историки высшей категории, а он простой корреспондент газеты и должен понимать разницу. И вот представь, Леша, что получается. Мы с учителями направляем в администрацию письмо о том, что материала корреспондентика не соответствуют действительности, нам выносят благодарность, а мне дают денежное вознаграждение. Но разве я им воспользуюсь, когда у меня дети? — Иван Михайлович повернулся к товарищу, бегая глазами: — Ты вот скоро со стриптиз-бара будешь купюры стричь, а я уже полтора месяца на одной зарплате, — помог бы, а? Тысчоночки три-четыре...

— Нет у меня с собой.

— Так я могу в управление наведаться.

— Не застанешь, я как савраска.

«Аморальная тварь, ворюга!» — подумал Гришин об однокашнике. Они замолчали и на площади в Починске распрощались.

Николай БЕСЕДИН

РУСОПЯТ

РАССКАЗ

Свой день рождения Иван Дурнев не любил. А юбилейный — тем более. Ну а 75 лет торжественно отмечать — просто дурость несусветная, которую может допустить только выживший из ума старик, каковым он себя не считал. Но справиться с этим бедствием не мог, ибо понаехали дети — двое сыновей и две дочери, некоторые со своими отпрысками, а жена Клавдия, тихоня тихоней, развернула такую деятельность, что весь дом поставила на уши.

Вся эта катавасия намечалась на субботу, выходит на завтра, а сегодня Иван не стал ничего менять в давно заведенном порядке своей инвалидной жизни. Двадцать семь лет назад его разбил паралич — отнялись левая нога и рука. Врачи не очень-то разобрались и правильное лечение сперва не дали, а потом, после консультации в Москве, было поздно спасать левые конечности. Ногу чуть подремонтировали, а рука так и осталась безжизненной в полусогнутом положении.

...Встал он, как обычно летом, в шесть утра, умылся под краном, прилаженным во дворе на столбушках, сверху которых была трехведерная емкость, и обошел свое хозяйство.

ПРОЗА

Прихрамывающий на левую ногу, со скрюченной рукой, обросший клочковатой бородой и патлами волос на голове, с бодро торчащим пупырчатым носом, точь-в-точь как у «Пана» на картине Врубеля, он был похож то ли на домового, то ли на гнома, выросшего на русских харчах.

Открыв сарай, он выгнал корову Зорьку и привязал ее к штырю за оградой, налил воды в корыто двум подсвинкам и отдельно курам, бросил скошенной накануне травы кроликам в загородку и снял со стены сарая косу. Осмотрел ее, сел на стульчак около дубового чурбана и стал направлять.

Немая рука прижимала косовище, а правая ловко управляла бруском вдоль жала косы. Закончив правку, окунул косу в старую ванну с водой, чтобы укрепилась, и пошел перехватить чего-нибудь перед косьбой. На днях он приглядел хорошее место с травостоем недалеко от дома на косогоре у дороги.

Туда и отправился, привычно прихрамывая и держа косу на плече.

Косил он медленно, приладив верх рукоятки к неживой руке с помощью ременной петли, и слегка подпрыгивая, передвигался за каждым взмахом. Ему нравилась бессловесная песня косы, особенно хорошо направленной, ее тонкий, с оттенками, победоносный голос. Чем грубее была трава, тем глуше и напряженнее звучала коса, но зато как она радостно заливалась на мягкой луговине, заканчивая очередной прокос девичьим озорным взвизгом.

Над косогором метались запахи скошенных трав, которые в торопливом смятении выплескивали опознавательные знаки своих соков, торопясь в гибельном падении оставить память в воздухах о том, что выпала эта радость — жить на земле.

...Через два часа Иван возвратился домой довольный тем, что день занимается ведренный, с малым ветром, и значит завтра, от силы послезавтра можно собрать молодое сено и перекантовать в стожок возле сарая. И будет уже половина нужного запаса на зиму. После Петрова-то дня всякое может стать.

Едва войдя в калитку, он закричал привычно грубо:

— Клавдя! Опять у тебя куры гребут в огороде! Распустила эту кодлу!

— Тише ты, старый! Раззявился! Не вишь, дети спят? Разбудишь.

Иван опешил. Его озадачило не то, что дети спят в поздние утренние часы, а что жена голос возвысила. Дети приехали, вот и распустила свой хвост. А так бы подхватила кур приструнивать да спрашивать виновато, не устал ли на косьбе. Ну да ладно. Пусть возьмет верх на денек-другой. Не убавится.

Жена продолжала командовать, но уже пожиже:

— Пойди лучше принеси из погреба масло со сметаной. Григорий с Павлушей встали. Покормлю их.

— Ну, встали и встали. Пусть Гришка поможет мне. А девки пушай поспят.

Григорий был старшим сыном Ивана, еще от первой жены, которая померла, когда сыну не минуло и трех лет. Иван работал тогда в Липецке сварщиком на стройке, и на первых порах после смерти Анастасии обходился один, отдав Гришутку в детсад на пятидневку. Помогала и старшая сестра Ивана Зина, царство ей небесное. Потом Иван женился на Клавдии, малярше со стройки, от которой было еще трое — сын Владимир и двое дочерей Татьяна и Вера.

Гришу Клавдия жалела и не отличала от своих кровных ни в чем. Иван замечал, что характер у старшего был не в пример отцу замкнутый и невеселый. Он любил играть один или сидеть где-нибудь не на виду то ли мечтая, то ли думая о чем.

А как ушел в армию, так домой и не вернулся, построившись в Москве сварщиком. Там и женился на бухгалтерше Таисии и первый внучек от них — Павлуша. Да уж теперь не внучек, а внук: парню девятнадцать лет, в армию, поди, этой осенью призовут.

Григорий подошел к отцу.

— Давай помогу. Пошли помалу.

— Да что помогать, — ворчал Иван, — я сам кому хошь помогу. Погреб хочу тебе показать. Вот надьсь только разобрался в ентной хреновине, в сырости, мать ее...

Иван ругался по любому поводу, то и дело вставляя в речь матерок. Разнообразием он не отличался, но зато интонация менялась в таком диапазоне, что позавидовал бы любой народный артист.

Он открыл дверь погреба, включил свет, и они спустились по бетонным ступенькам вниз. Не шибко просторный, но чистый, сухой, с полками по бокам, он вызвал у Григория удивление:

— Но ведь в прошлом году его еще не было. Кто же мастерил?

— Кто же, кто же, — обидчиво передразнил Иван, — сам. Кто же еще? Материал, вон, Володька привез, да яму трактор выкопал.

И стал рассказывать сыну, как он приспособился вести кирпичную кладку, как делал гидроизоляцию из рубероида и промазывал швы гудроном, как обустроивал погреб всякими деревяшками, как долго не мог понять, откуда сырость, пока не сналадил третью трубу для вентиляции.

Григорий, не склонный к похвалам, все же не удержался:

— Ну, ты даешь, отец! Не всякий здоровый мужик потащит такое хозяйство. Какое лекарство тебе прописали, что и годы не берут?

— Лякарства, лякарства... Труд меня вылечил и до се лечит. Понял?

Трудился он действительно много, от зари до зари. Кроме скотины, кур и кроликов содержал немалый огород и сад, на нем были все мужские работы по дому и усадьбе.

Где сидя, где на карачках, где с помощью всяких хитрушек, как он их называл, справлял хозяйственные нужды от строительных работ до заготовки кормов и всякого мелочного ремонта. Клавдия тоже крутилась по дому и огородным заботам.

— Ну, бери смятану вон в той банке и масло в плошке. И творог захвати, небось Павлик любит.

...В субботу с утра прикатили младший сын Володя из Липецка, бизнесмен хренов со своей лярвой и дочерью Ирэн, вполне взрослой, чтобы чувствовать себя центром мироздания.

И сразу, едва выйдя из машины:

— Пап, ты компик не забыл?

Отец ничего не ответил, продолжая вытаскивать из багажника сумки и пакеты. Подошла мать. Он обнял ее:

— Куда отнести все это? А где юбиляр?

Иван в это время шел из огорода с внуком Павлушей, неся пучок лука, и приговаривал:

— В нашем краю, словно в раю, лука да рябины на всю семью.

Подошел к сыну, обнялись.

— Ну, хватит лизаться, — проворчал Иван, отстраняя Володю, — опять новую железячку завел?

— Не железячку, а джип. Старая расколдобилась на наших асфальтах. Вот подарок тебе, — и он протянул отцу коробку.

— Что это за чудо-юдо?

Сын уважительно то ли к отцу, то ли к содержимому коробки объяснил:

— Это видик. Будешь смотреть фильмы хоть про войну, хоть про любовь. А в этой коробке, — он протянул небольшую коробочку — диски с фильмами.

— Сдурел, что ли, — отозвался Иван с напускной строгостью, — мне сейчас про любовь только и не хватает. А война, она — здесь, — он ткнул себя в грудь, — а не в твоих кругляшках.

Внучка продолжала теребить отца:

— Пап, где компик? Забыл, что ли? Что я тут буду делать? На коров, что ли, смотреть?

— Ну, пришла кувахта просить мутавта, — подъегорил Иван внучку. — Чем плохо-то на сельскую житуху взглянуть хоть раз в пять лет.

— Дед, ты ничего не понимаешь, жизнь давно изменилась, не то, что была у вас, приколотая. Ты какой-то рупсопят, живешь, упертый в прошлое.

— Ну да, какая уж к едрене-фене у нас тут жизнь. Все по старинке: что вырастил, то и поел. А вот у вас...

Но Клавдия не дала договорить, закричала с крыльца:

— Прошу, гости дорогие, к столу, угощенья нашего отведают. Иван, зови всех. Что-то я Веру не вижу.

Двинулись к столу и несколько чужих мужиков с бабами, деревенские соседи.

На широкой террасе составной стол был уставлен закусками из домашних запасов вперемежку с городскими кушаньями. Рядом с красной икрой весело топорщились свежие огурчики, нарезки колбас и ветчины тонули в синевато-белом матовом отблеске ломтей сала шириной с ладонь. Соленые и свежие помидоры, лоснящиеся от легкого жира на поджаристых боках куски жареной свинины, копченые окорочка и утопающий в чесночном соусе розовато-золотистый кролик, украшенный зеленью, и возвышающиеся над всем этим самые разнообразные бутылки полностью укрывали белоснежную льняную скатерть. Над столом витал соблазнительный запах русского застолья.

Клавдия с дочерьми хлопотала, рассаживая гостей и подвигая к ним то одно блюдо, то другое. Ивана посадили во главу стола, и он безучастно смотрел, как постепенно застолье разогревалось разговорами, тостами, спорами, пока не пришло время по давно заведенному обычаю запевки да песен.

Сперва Клавдия затащила «Хаз-булата», но ее поддержал только Григорий да одна из соседок, а потом все пошло вразнобой и разголосицу, прежнего лада не получалось, и молодежь включила свою музыку — настырную, безголосую, дурманную.

Гости вывалились во двор. Терраса быстро опустела. Осталась сидеть за столом только старшая дочь Татьяна, приехавшая из Москвы. Грустные, увлажненные глаза ее смотрели то на отца, то куда-то поверх головы его, как будто ждала какого-то слова, ободряющего и ласкового.

Иван подсел к ней.

— Что, Тань, на работе что не так или дома не в радость?

— Да нет, папа, все вроде путем. В больнице работы много, но больше все бумажной, ну а дома... У Натана все нормально. Ни в банке, ни дома копейки лишней не потратит. Сева хоть и похож на него, да не в отца пошел. Любит погулять, всякого барахла понакупал, за рубеж наладился по два раза в год ездить, тусуется с какими-то важными персонами. На учебу не вытолкнешь.

— Ну а ты куда смотришь?

— А что я?

Татьяна еще больше потускнела, но вдруг встрепенулась:

— Давай, папа, выпьем за тебя, за ту нашу жизнь, когда мы были все вместе. И за то, чтобы ты жил еще долго, долго.

Она торопливо и не очень умело выпила рюмку водки и взяла отца за руку.

— Натан предлагает купить под Москвой дом с небольшим участком для тебя с мамой. Хватит вам горбатиться здесь. Поживите для себя, отдохните от этой каторги.

Иван почувствовал, как у него все сжалось внутри и затревожилось.

— Что это твой муженек решил потратиться на нас? Али выгоду какую учуял? Зря-то ведь и копейки не пожалует.

— Да будет тебе! Было бы ваше согласие, а остальное порешим. Вот на зиму и переезжайте. И мне будет веселее, вас буду почаще видеть.

Иван машинально стал переминать пальцы левой руки, как он обычно делал, когда волновался. Беспокойство за дочь не оставляло его. Что-то не так у них с мужем. А может и с сыном. Натан скупердяй из скупердяев, зря дом не станет для них покупать. Уж не задумал ли что?

Татьяна снова встрепенулась:

— Давай еще выпьем за ваш переезд к нам. — Рюмка пошатнулась у нее в руке, но она не остановилась, сказав с отчаянной решимостью: — Ну и пусть! Пусть я буду пьяной, так даже легче.

Иван остановил ее руку, взял рюмку и поставил на стол.

— Пей, не пей, а вряд ли, дочка, что выйдет из этой затеи. Мы здесь с матерью хозяйвы, а там, в этом Ната-новом доме?

На террасу заглянул Павлик:

— Дед, покажи мне кроликов и вообще...

Иван облегченно вздохнул и поковылял за внуком, не дожидаясь, что ответит Татьяна, только сказал тихо:

— Иди во двор. Проветришь.

Запах шашлыка во дворе перебивал все привычные Ивану запахи, был чужим и нахальным, ибо не спросясь щекотал ноздри и дразнил аппетит. Однако он отказался от него.

— С моими зубами только шашлыки и грызть.

Иван с видимым желанием рассказывал внуку про свое житье-бытье с исшедших лет, про колхозное время, о чем особенно просил Павлик, про нынешние перемены-передряги в жизни деревни, а потом слушал внука, замечая про себя, что он не похож на нынешних молодых лоботрясов своей основательностью, здравым умом и пониманием необходимости менять в сегодняшней жизни самую суть, главную ее начинку.

— Дед, а в чем, по-твоему, смысл жизни? Ты вот много пожил и всякое было у вас.

Иван никогда не думал ни о каком смысле. Он просто жил, любил землю и как мог обустроивал даденный ему в пользование малый клочок, растил детей и соблюдал художественно стародавние обычаи и писанные законы... А вот смысл... И как-то само собой ответилось:

— Смысл жизни — в продолжении жизни. Вот не станет меня, будете вы, твой отец и ты, да и другие тако же. Одни уходят, другие рождаются и вступают в силу. И двигают жизнь дальше, чтобы она не кончилась. Наверно, это и есть смысл.

— Как-то уж очень просто у тебя, дед. Знаешь, сколько ученых бились с ответом, сколько книг понаписано?

— Ну, я по-ученому не кумекаю. Как понимаю, так и говорю тебе. Ты вот лучше скажи, как изменишь столбовой порядок, если он вбит в каждую башку?

— Не в каждую, дед. И не скоро изменится этот порядок, но уже растут силы, которые поколеблют его, а после и сломают.

— Ты что, верующий?

— Да нет, скорее верящий. И прежде всего в дело. У тебя тоже ведь поперед слов дело стоит.

Иван понял слова внука по-своему:

— Но, говорят, на революции лимит исчерпан.

— Не на революцию, а на героев. И на вождя.

День закончился новым застольем, даже более веселым, чем первое. Иван шутил, балагурил, и хотя побаливала нога после косьбы, ему было радостно и легко оттого, что собрались все его дети, что они любят его, и что есть такой внук, как Павлик, нежданно-негаданно воздававший душу и, наверно, более приятственный ему, чем свои родные чада.

Правильно ведь сказал: дело поперед слов. А то ведь брехунов развилось, как жуков колорадских. Да вот живут они намного сытнее, чем работяги. Тяжко придется внучеку.

...На следующий день, в воскресенье, Иван рано утром отправился поворошить скошенную траву, и после впрягся в каждодневные заботы о животных и по дому. Но прыть его остановила Клавдия:

— Не гневи Бога, ноне воскресенье, да и дети в кое-то время собрались вместе, а ты к своим свинушкам да кроликам. Давай стол ладить. Володя собирается уехать пораньше, да и Таня с Верой за ним.

— Нашли официанта. Баб, что ли, мало? — И пошел в сад, сел на свой любимый огрызок спиленной груши и вспомнил вдруг последнее письмо отца с фронта, его слова, обращенные к жене и детям: «Не знаю, останусь ли жив. Завтра идем в самое пекло. Но знаю, что мы победим, и вы будете жить, мои родные, моя радость, моя любовь на нашей отчей земле. И значит, моя жизнь будет продолжаться в ваших сердцах и в вашей крови».

...За подорожным столом, на посошок, есть никому не хотелось, и разносолы, и самые изысканные блюда стояли почти нетронутыми. Снова возник разговор о переезде родителей в Подмоскowie. Эту идею поддержали все дети, даже младшая дочь Вера, разведенка, имеющая свой ларек на рынке в Липецке.

— А ты что будешь делать без нас, — накинулся Иван на младшую, — кто будет возить тебе фрукты-овощи?

Сколько прошлой осенью да нынешней весной подкинул картохи? 60 мешков! Да прочего продукта!

— Не пропаду. Не бойсь, папа. Что я, зря пять лет топталась на рынке?

— Ну а как будем жить без своего хозяйства? На пенсионную подачку? — не унимался Иван. — Разве плохо своим деревенским кормиться?

Внучка Ирэн хмыкнула:

— Ты что, дед, не знаешь, что все есть в магазинах? Иди и покупай.

— А покупалку ты, что ли, дашь? Нет, не столкнемся мы насчет переезда. Нам и здесь хорошо. А хозяйство... Так его можно и поубавить, коли силы истают. Чего молчишь, Клавдия? И ты наострилась в столицу?

— Да я что. Я, как ты. Хоть где, — пролепетала Клавдия и приложила уголок кофты к глазам.

...К ночи все поразъехались. Остались до завтра только Григорий со своей Таисией и Павликом.

С утра расставили все на привычные места. Таисия помогла Клавдии, безмолчно болтая о своем, бабьем. Григорий с Павликом помогали Ивану по хозяйству да по старым отложенным задумкам — поправить крышу сарая, клетки, сладить поленицу да убрать сено с покоса и сложить в стожок.

Иван поинтересовался у внука:

— Ну а в армию собираешься? Или как-нибудь отвертишься?

— Пойду, — Павлик в упор посмотрел на деда. — Обязательно пойду. Кто же будет в случае чего...

— Ну-ну. Только в обиду себя не давай. А то ведь говорят всякое.

— Ничего, дед, мы не из отдела мягких игрушек.

Павлик работал, оголясь по пояс, легко справляясь с топором и вилами, и Иван понял, что внук сможет постоять за себя.

...Оставшись один, Иван с Клавдией молча поужинали и молча разбрелись по своим углам, готовясь ко сну.

Клавдия думала, что хорошо бы им, на самом деле, переехать поближе к детям, под их надзор. Силы истекают, как родничок в засуху, и тащить нынешний воз уже в тяготу. Иван хоть и хорохорится, а тоже, как сухое дерево, вот-вот сверзнется наземь.

Интуитивно она чувствовала, что нужнее будет Татьяне и Григорию с Павликом, за которых почему-то тревожилось ее сердце.

Ивану же и в голову не приходило менять привычный уклад, разве только поубавить хлопот, продать корову да свиней к едрене-фене, уж слишком много жрут, не напа-сешься. И еще свербило в голове слово «русопят», ска-занное внучкой. Что бы оно значило? Но в любом случае это что-то укорное, улыбочиво-унизительное. Чужебесие в сердце у внучки, чужой и вырастет, хорошо бы только для нас, стариков. Жизнь, однако, повернулась неждан-но-негаданно другим боком.

Однажды Иван почувствовал, как сдавило грудь, об-мякли здоровые рука и нога, и его охватили незнакомые доселе страх и тревога.

Клавдия бросилась к соседке фельдшерше. Она и по-могла наперво и «скорую» вызвала. И сразу в больницу, в реанимационное отделение. Инфаркт.

Через месяц старшая дочь Татьяна перевезла его в Мос-кву, в больницу, где она работала. Там обследовали, еще немного подлечили и отправили в санаторий в Подмос-ковье.

За это время муж Татьяны Натан купил под Одинцо-вом дом с участком, продал прежнюю Иванову усадьбу, а Клавдию перевез на новое местожительство. Купленный дом зять сразу же оформил на свою жену Татьяну, и Иван понял, что назад пути нет. И смирился. Только попросил купить ему пару кроликов и сделать для них сарайчик.

В долгие зимние вечера он сидел на диване перед вык-люченным телевизором и разглядывал старые фотогра-фии, которых немало собралось, когда дети приезжали к ним в гости в деревню. Перед весной Натан развелся с Татьяной, вроде как для пользы какого-то хитрого дела и даже перевел для удобства на работу в Одинцовскую боль-ницу. Сына оставил при себе, но Татьяна иногда ездила к ним, сперва часто, а потом все реже и реже, пока однаж-ды не вернулась в слезах и не рухнула на руки матери:

— Нет больше у меня никого кроме вас. Ой, как жить-то теперь? Как жить...

Иван поставил ее покрепче на ноги, повернул за плечи к себе:

— А так и будем — трудом да согласием. Не казись, дочка. Оно к тому и шло. Вот мать не даст соврать: твой Натан давно оволчился, волком и подохнет.

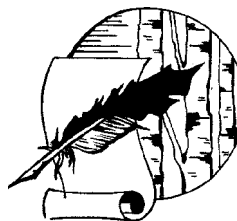
С этого времени Иван снова влез в хомут домашних и огородных дел, завел снова корову, выбросил все лекар-ства и, как ни странно, стал чувствовать себя лучше. По-

что каждые выходные приезжал Григорий, рассказывал, что Павлик служит на Северном флоте, показывал фотографию внука в морской форме.

Поздней осенью кто-то рассказал Татьяне, что Натан был убит, а сын Сева обосновался за границей и даже не приехал на похороны отца. Татьяна разузнала, где он похоронен, и стала изредка ездить на кладбище и ухаживать за могилкой.

Я познакомился с Иваном в больнице, где мы лежали в одной палате в кардиологическом отделении. Его перевели из реанимации после второго инфаркта, и сперва он лежал тихо и безропотно, молча принимая еду и лекарства, что приносили ему к кровати.

Но дня через два встал, пошел умылся, огляделся, выругался матом, что давно не мыли пол в палате, и заковылял, опираясь на палку и держа свою скрюченную руку у самой груди, как боксер, выжидающий момент для нанесения удара.

Евгений АРТЮХОВ

РОССИЙСКИЙ ОКОП

ДОЛЯ

Нет дома, где родился,
нет школы, где учился,
нет роты, где служил,
страны, в которой жил.

Лишь холм от церкви с краю,
где спят отец и мать,
еще мне помогает
себя не потерять.

* * *

Кладбище елок в конце января.
Радость привычно соседствует с грустью.
Снежным румянцем играет заря
по сторонам моего захолустья.

Тонет в сугробах скрипучий барак,
окна тарашит в морозных узорах,
хвоею пахнет клубящийся мрак
и пирогами в его коридорах.

Фигус ютится у наших дверей,
вновь уступивший на две-три недели
угол свой госте волшебных кровей —
неотразимой рождественской ели.

Как же любил я январские дни:
ранний, набитый снежинками сумрак,
тело, гудящее от беготни,
крылья салазок и посверк «снегурок»;

Деда Мороза, который всегда
не ошибался по части подарка;
гроздьа сосулек, дворцы изо льда,
вкус мандарина и запах огарка.

Молча ладони тяну я к огню,
вновь подвожу в новогодье итоги:
это — я школьных друзей хороню,
это — стою у войны на пороге...

Господи Боже, да что ж за беда —
так подсмеяться над грешными нами:
больно не то, что нас старят года,
а что душа не стареет с годами.

Кажется часто, что я и не жил,
лишь подступался да лишь примерялся —
долго учился, прилежно служил,
и в дураках, как ни странно, остался.

Верю зачем-то, что вот с января
жизнь возвратит меня к светлому устью.
Елки дымят. Догорает заря.
Радость привычно соседствует с грустью.

РЕКВИЕМ ПО АПЛ «КУРСК»

На стометровой глубине
лежал немой укор стране.
Там с тайной думою о чуде
в чаду и ледяной воде
противились своей беде
в живых оставшиеся люди.

Как жаль, что не хватило рук
чтоб аварийный сдвинуть люк,
но еще большая досада,
что Родины слаба рука,
и ей не то что моряка,
себя не вызволить из ада.

А что в осадке? Донный ил,
разводы следственных чернил,

звезда Героя командиру,
жилье заплаканной вдове,
кресты посмертные братве
и сказки западному миру.

* * *

Приехал брат мой из села,
пожил и загрустил.
Сказал, что ждут его дела,
довольно, погостил.

Сказал, пора стелить в хлеву,
латать крыльцо и клеть.
Сказал, что высоко живу —
земли не разглядеть.

СКОРО УТРО

Дух земной, приветливый и древний!
Ни звезды в окошке, ночь глуха.
Только слышно — на краю деревни
созревает голос петуха.

Значит, скоро утро. Значит, скоро
на дороге застреляет кнут,
и подпаски лысым косогором
заревое стадо поведут.

Значит, скоро утро. И увижу,
что давно запомнил наизусть —
серую чешуйчатую крышу
да большой смородиновый куст.

Значит, скоро утро. Осторожно
наклонится, тихая, ко мне:
«Так и не уснул? Да разве можно —
все живое тешится во сне».

Только как уснешь, когда не спится,
хочется с собой наедине
помолчать, подумать, раствориться
в этой неслучайной тишине.

Где-то ржут стреноженные кони,
точит камни темные река...
На шербаты́й низкий подоконник
крепко опирается рука.

* * *

И муравей — мой современник,
и клейкий фитилек листа.
Всего живого соплеменник,
я понимаю: неспроста
ум человеческий раскован,
один из множества начал —
чтоб в одиночестве суровом
себя яснее отмечал!
Но не кичился даром высшим,
а жил достойно и любя
всех,
с кем на свете белом дышим,
не отделяя от себя!

* * *

Не нужны мы ни черту, ни Богу,
и чем дальше, тем это ясней.
Оттого и гляжу на дорогу,
как собравший манатки еврей.

Может, взять да махнуть в самом деле
прочь от вечных разборок и бурь —
ведь глаза бы мои не глядели
на родную российскую дурь.

Раскручу запывлившийся глобус,
прошепчу: «До свиданья, Москва...»
И примчит меня чинный автобус
прямо́ком в Шереметьево-2.

Стюардесса проверит билеты,
оживет маячок на крыле.
Но окажется, что кроме этой
нет земли для меня на земле.

Путь на север заступят деревья,
и, как мама, взойдет на порог
горевая тверская деревня:
«Ты почто нас бросаешь, сынок?»

Я склонюсь с этой думою тяжелой,
я на юг погляжу. Сквозь туман
мне с Тамани прадедовой шашкой
пригрозит Артюховский курган.

И порву я заморскую визу,
снова баксы сменю на рубли,
жизни прежней поблекшую ризу
отряхну от золы и пыли.

Позабуду про сладкие бредни,
нахлобучу ушанку на лоб
и пойду занимать свой последний,
свой кровавый российский окоп.

Владимир ОСИПОВ

ПОДМЕРЗШАЯ РЯБИНА

* * *

Вспоминаю все чаще и чаще
на вокзалах, среди толкотни,
тишиною звенящие чаши
и осенние теплые дни.

Солнца свет, отраженный в окошке.
Дым над речкой. Большой огород.
Тетя Настя копает картошку
и негромкую песню поет.

И негромкая родина слышит.
Догорает негромкий закат.
Ветер ивы над речкой колышет.
Птицы низко над полем летят.

И близки просветленные дали.
Далеки бесконечно снега.
Детство. Осень. Все только вначале.
Будто дремлют на поле стога.

Вспоминаю — и светит окошко,
щедро платит за труд огород.
Тетя Настя копает картошку
и негромкую песню поет.

* * *

Увядшая осень спокойна.
Солома шуршит на ветру.
Последние листья невольно
к последнему жмутся костру.

Октябрь еще чувствует силу
и держит поводья в руке.
Но как-то уныло-уныло
телега скрипит вдалеке.

* * *

Михаилу Анищенко

Понимаем с годами все боле,
что, в какую б ни кинуло даль,
перелесок, овражек и поле
есть судьба наша, боль и печаль.
Это наши — не чьи-то — истоки,
что дарованы жизнью самой,
эти заводи, речки, протоки,
этот ветер весенний хмельной.
На лесной очутившись поляне,
Где подснежники не отцвели,
осязав, что в душе мы — селяне,
оторвавшиеся от земли.
Все пройдет, как проходят
все боли.

Оглянуться не смеем назад.
Перелесок, овражек и поле
примут нас и в себе сохранят.

* * *

Теперь мне многого не надо:
пусть стылый ветер не спеша
уносит пору листопада,
чтоб вдруг возвысилась душа
и странно защемило сердце,
запахло старою сосной,
чтоб ты, желая вдруг согреться,
уткнулась в грубый свитер мой.
Пускай бы снова не любила,
но лишь бы дрожь была в руках,
и чтоб подмерзшая рябина
чуть-чуть горчила на губах.

* * *

Когда уж надоест скитаться,
а ветер — все сильнее и злей,
мне хватит духу затеряться
в просторах Азии моей.

Мне хватит духу раствориться
в степи бескрайней и снегах,
чтоб никогда не возвратится
и превратиться в пыль и прах.

Как величаво воды гонит
не Волга — а еще Итиль!
И прах мой над землей застонет.
И ночью зацветет ковыль.

И странные засвищут птицы,
и в тучах скроется луна,
заржут во мраке кобылицы,
почуяв где-то скакуна.

Но вдруг захочется покоя,
другого — теплого — огня,
когда увижу под собою
тот берег, милый для меня.

* * *

Природа спятила.
Беда!
Разлив — раздолье смелым веслам.

Природа спятила!
Когда
бывали здесь такие вёсны?
На плоскодоночке моей
устал — спина почти не гнется,
весь день перевожу людей,
недорого — полтинник с носа.
...Последний поезд. Тишь в бору.
Бежит девчонка, задыхаясь.
И я, нелепо улыбаясь,
ей вру, что денег не беру.
И вновь отчалит плоскодонка,
и буду я на всем пути
молчать, поглядывать в сторонку
и очень медленно грести.

Василий РЕПИН

ОСЕННИЙ ЗВОН

* * *

Все лето листья солнце пьют,
Всю осень — солнце отдают.
От них струится теплый свет,
И этим светом лес согрет.
И пусть печаль... Она легка,
Как шорох малого листка,
Что бьется на ветру, дрожа,
Иль тихо падает, кружа...
Пока не понял он и сам,
Что умер, свет даря лесам...

* * *

Желтые спелых абрикосин
В разливе утренней зари
Развесила повсюду осень
Между рубинов янтари.

И в яркоцветии лучистом,
Как будто бы спеша на зов,
Звенят монисты звоном чистым
В холодном пламени лесов.

Они звенят, не утихая,
И слышатся со всех сторон.
Наверно, только ночь глухая
Утихомирит этот звон.

Но стоит ночи снять покровы,
В разливе утренней зари
Раздастся звон, и вспыхнут снова
Среди рубинов янтари.

СОН

Словно в сказке, что в детстве читал,
Я с драконом сражаюсь всю ночь.
И кого бы на помощь ни звал,
Не идут мне помочь...

Снова ночь в колокольчик звенит.
В тот же сон открывается дверь.
Человек или зверь победит?
Человек или зверь?..

* * *

*Если сказано тебе — «Иди и делай,
то иди и делай».*

И я пошел. И сеял хлеб.
Косил траву. Рубил дрова.
А сеять надо бы слова,
Что правду высшую несут.

А надо было ложь косить,
Рубить врагов, что к нам пришли.
И плоть живой родной земли
Святой везде кропить водой.

А уж потом бы сеять хлеб,
Рубить дрова, косить траву,

Не слушать злобную молву
Врагов, оставшихся в живых.

И меч на поясе держать,
Что б я ни делал на земле.
И были б сыты и в тепле
В дому все ближние мои...

РЫНОЧНИКИ

«За Родину! Ура!» — и сердце пело,
И отступала жуткая беда.
Те, кто кричат «за рынок» то и дело —
За Родину не встанут никогда.

* * *

Подвесив солнце к высоким соснам
И приказав ему: «Ты гори...»,
Пошел наш предок навстречу звездам,
Купая ноги в росе зари.

Он шел, сбивая с травы росины,
Еще не зная, куда идет...
Пройдут столетья, когда Россией
Потомок это все назовет:

Лесные чащи, поля, дубравы,
Луга, озера и реки все,
И птичьи песни, и эти травы
В густой, упавшей с зари, росе...

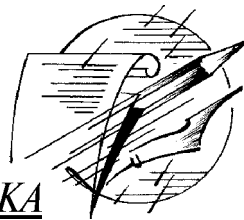
Смотрю, как поле в покое дремлет.
Из труб в деревне струится дым...
Так неужели вот эту землю
Да мы кому-нибудь отдадим?!

Александр ПОЛЕТАЕВ

ЧТО ЗАДУМАЛИ АМЕРИКАНСКИЕ ГРОССМЕЙСТЕРЫ КОНФЛИКТОВ?

В то, что случилось недавно с древней землей Косово и Метохия, невозможно поверить... Край черных дроздов и православных монастырей, колыбель сербства, сердце и душу этого многострадального и мужественного народа пытаются осквернить и отторгнуть от матери-Сербии наглые пришельцы и иноземные оккупанты.

Слово «Кос» переводится с сербского языка, как «черный дрозд», а «Метохия» на греческом означает «церковный надел», принадлежащий монастырям. Сегодня на наших глазах именно на этой святой для всех православных народов земле Косово и Метохия отвязанная свора политических авантюристов и наглецов попирает все нормы цивилизованного сосуществования народов и государств. После 17 февраля 2008 года понятия европейского гуманизма и европейской цивилизованности из некогда сакральных формул превратились в пустой звук. После комедии провозглашения «косовско-албанской независимости» на телевизионных экранах появились многочисленные евроруны со своими непрошенными комментариями. Различные «секретари», «ответственные» и «уполномоченные» пытаются своей наглой болтовней прикрыть военное преступ-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ление НАТО — отторжение и оккупацию части территории суверенного государства.

Сейчас перед всеми, кто любит Сербию и ее удивительно добрый и мужественный народ, встает еще одна проблема: развенчать миф об агрессивности сербов, созданный лживой западной пропагандой. По словам премьер-министра Республики Сербии Воислава Коштуницы: «Это широко распространяемый пропагандистский образ уподобляет сербов немцам времен нацизма, а Милошевича — Гитлеру». Трудно сказать, кто на Западе является самым радикальным борцом с жупелом сербского национализма. Может, это Дэвид Гомперт, бывший директор Европейского отдела Совета национальной безопасности, а затем — вице-президент «РЭНД корпорейшн», еще в 1994 ставивший вопрос «Как победить Сербию?». Он же в своих публикациях предлагал на годы, если не на десятилетия, подвергнуть Сербию изоляции и нищете, держать ее в карантине. Гомперт требовал относиться к сербам, как к прокаженным, и призывал поддерживать экономическую блокаду сербского государства как можно дольше.

У приспешников натовских оккупантов — албанских криминальных отморожков, разрушивших и осквернивших сотни сербских кладбищ и православных церквей, прорывались в эти дни и более откровенные высказывания о «нетерпимости доминирования Сербии в Косове». В связи с этим хотелось бы напомнить нашим читателям, что сербская государственность существует с IX века. Уже в 1217 году сформировалось первое Сербское Королевство, а затем, начиная с 1386 года, и Царство Стефана Душана. Сербское государство занимало в XIV веке большую территорию — от Белграда до Эгейского моря. Границы его пролегали вдоль владений Византии на востоке до венецианского Дубровника на западе.

В те времена никакой Албании на этих землях не было и не могло быть, так как первое государственное образование албанцев было создано гораздо позже, более чем на 1000 лет, после образования государства Сербия — в начале XX века, в 1912 году. Тогда над будущей, спроектированной по инициативе Австро-Венгрии в противовес интересам России на Балканах, Албанией был установлен протекторат шести держав (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Италия, Россия и Франция), которые затем и определили ее границы.

Судьба этого, во многом искусственно созданного государства, большая часть населения которого под напо-

ром турецких завоевателей приняла ислам, оказалась весьма незавидной. Османская Турция, страны Антанты, фашистские Италия и Германия поочередно властвовали на земле Албании. Отдельные представители населения Албании, не имея традиций государственности, довольно часто шли в услужение к тем завоевателям, которые приходили на ее землю. Башибузуки — так назывались отряды албанских добровольцев турецкой иррегулярной пехоты — «прославились» жестокими расправами над мирным населением, а не героизмом в православных владениях Османской империи. Кличка «башибузуки» стала нарицательной для характеристики человека, способного на самое возмутительное по своей жестокости насилие.

Своеобразную позицию часть албанского населения Балкан заняла и в годы Второй мировой войны. Так, во время фашистской оккупации Югославии в Албании и за ее пределами были созданы многочисленные военные формирования, активно сотрудничавшие с гитлеровским командованием и итальянскими властями. Уже в 1939 году были сформированы Албанская королевская гвардия, дислоцировавшаяся в Риме, и четыре албанских фашистских милицейских легиона. Эти части общей численностью 12 тысяч бойцов приняли участие во вторжении в Югославию и Грецию в апреле 1941-го. Помимо этого, были созданы шесть королевских албанских пехотных батальонов, три артиллерийские батареи, две легкие батареи ПВО, а также пять иррегулярных добровольческих батальонов. В 1940 — 1941 гг. албанцев стали призывать в итальянские ВМС и ВВС, пограничную и таможенную охрану, а также в карабинеры. В самой Албании для поддержания порядка были созданы местные полицейские силы, подчинявшиеся итальянскому фашистскому оккупационному командованию.

Против антифашистских партизан в Косове и Метохии также действовал ряд албанских националистических формирований: четыре стрелковых полка, албанская жандармерия; полк «Реджимент Косова», сформированный в 1943 г. в Косовска-Митровице как оперативная часть; два территориальных полицейских полка, сформированных в январе 1944 г., один со штабом в Печи, другой — со штабом в Приштине. Общая численность этих войск — около 18 тысяч. Кроме того, гитлеровским властям подчинялась албанская милиция численностью около 5 тысяч в Западной Македонии.

В апреле 1944 года из албанцев была сформирована 21-я горная дивизия войск СС «Скандербег». Почти 11 тысяч солдат были набраны из края Косово, а также из самой Албании. По данным историка Шимона Бримана, первой же акцией дивизии стала депортация 300 евреев Приштины для последующего их уничтожения. Историк Говард Уильямсон отмечает в своей книге «СС — инструмент террора» (1994): «Мусульмане албанской дивизии СС «Скандербег» были заинтересованы лишь в сведении счетов со своими старыми врагами — сербами, результатом чего явились многочисленные зверства». Албанские эсэсовцы вырезали более 40 тысяч православных Косова и Македонии, включая сотни православных священников. Остатки дивизии СС «Скандербег» прорвались в конце войны в Австрию, где и были пленены в мае 1945 года.

Однако инвестиции гитлеровцев в албанцев дали свои плоды слишком поздно для нацистов: в конце сороковых — начале пятидесятых годов XX века. Традиционный албанский черный двуглавый орел на красном фоне — эмблема дивизии СС — вновь стал символом косовских албанских экстремистов через 50 лет, когда объединенная Европа вместе с США решили в точности повторить гитлеровский ход — ставку на албанских и боснийских мусульман в борьбе против сербов. К этому времени ситуация как в самой Албании, так и в сербской провинции Косово и Метохия благоприятствовала агрессивным устремлениям натовских евроатлантистов и криминальным кланам албанской мафии.

В этот период, после многолетней экономической блокады и 78-дневной бомбардировочной войны 19 стран НАТО против Сербии и Черногории, продолжился процесс дальнейшего разрушения Югославии. В наши дни в результате распада бывшего союзного государства югославы Республика Сербия оказалась в кольце прозападно ориентированных стран, стремящихся или уже вошедших в структуры НАТО и Европейского Союза. Православная, пророссийски настроенная Сербия выделяется из общего ряда нынешних балканских государств своей независимой позицией в международных делах и неприятием т.н. «западных ценностей» в повседневной жизни ее общества. Естественно, она стала первоочередным кандидатом на показательный урок, который пытаются дать теньевые заправилы-глобализаторы.

Известно, что «многолетняя натовская оккупация принесла в Косово только лишь тотальный коллапс экономи-

ки, взрыв беззакония и засилье криминала», — пишет в одной из своих публикаций депутат парламента Республики Сербии Деян Минович. Террористический беспредел албанских сепаратистов в отношении сербов, цыган, македонцев и других народов, постоянно проживающих в этом крае, вынудил сотни тысяч граждан Сербии стать беженцами в своей собственной стране. Все преступления албанских боевиков остаются абсолютно безнаказанными. И более того — прикрываются натовскими вооруженными силами, незаконно оккупирующими Косово и Метохию с 1999 года. Сами же криминальные структуры албанских мафиозных кланов в полном составе приняты в «полицию Косова». Именно эти молодчики сейчас пытаются контролировать административную границу Косовского края и мешают жителям Сербии свободно перемещаться по собственной стране.

В своей новой книге, изданной весной 2007 года в Белграде, Д.Мирович исследует возможную связь между конфликтами в Косове и Метохии и в Палестине. Он предполагает, что эти конфликты развиваются по аналогии с физикой сообщающихся сосудов. Интересно, что даже сама постановка такой дискуссионной политологической проблемы сразу же приводит к любопытным выводам. Автор, например, сравнивает подходы общественного мнения в т.н. цивилизованных странах к проблеме возникновения и конфликта существования государства Израиль, которое обрело свой статус после многовекового изгнания еврейского населения, и положение сербов в Косове и Метохии, переживших аналогичную национальную катастрофу. При анализе выясняется, что в одном случае общественное мнение западных стран активно и деятельно приветствует и поддерживает возвращение израильтян на родные земли после многовекового перерыва. А возвращение сербов на земли, бывшие в течение многих веков колыбелью сербской государственности и центром сербского православия, объявляется теми же «обозревателями» чуть ли не проявлениями крайнего национализма и даже фашизма.

Напомним, что исход сербов из Косова инициировался на протяжении очень долгого времени многими, по-разному мотивированными антисербскими силами. Среди них турецкие захватчики, не останавливавшиеся перед массовой резней православных сербов и мечтавшие о мусульманском коридоре от Турции до Боснии. Пришельцы из Албании, искавшие хороших пастбищ для своих

овец. Титовская администрация, выполнявшая политический заказ о создании Балканской федерации. В результате в Косове и Метохии веками создавался многослойный клубок проблем.

В наши дни в этом регионе опять, по воле внешних сил, злонамеренно разыгрывается антисербская карта. Причем такая кривая логика выдается за какой-то особый, невиданный раньше в истории человечества, чуть ли не уникальный случай.

Требуется со всей определенностью сказать, что возникновение и сценарий развития военно-политического, межгосударственного конфликта в принадлежащем Республике Сербия крае Косово и Метохия не является результатом стечения обстоятельств или случайностью. Сразу же после объявления мафиозной албанской группировкой «официального» сепаратистского акта перед телекамерами канала «Евроньюс» появился албанский уголовник с указаниями в отношении сербов: «Мы советуем сербам Косова забыть о Сербии. По всем вопросам они должны обращаться к нам. Особенно это касается вопросов самоуправления». Чего в этом заявлении больше — глупости или провокационности — сразу и не понять. У бандитского прихвостня, распаленного призрачной независимостью, на языке то, что у его хозяев на уме.

Итак, косовский геополитический гамбит разыгран с редкими даже для западных стран цинизмом и нахальством. Понятно, что именно в таком формате он и задумывался теми, кто стоит за кулисами событий на Балканах и в иных горячих точках.

Однако есть в нарастающей на Балканах напряженности и другие обстоятельства, которые все меньше камуфлируются. Мы имеем в виду растущий градус агрессивной антироссийской пропаганды и развязной лжи, которыми переполнены медийные каналы, работающие против нашей российской цивилизации. Все чаще непрошенные радетели пытаются делать нашему государству прилюдные выговоры и обвиняют его в выдуманных грехах. Купленные «говорящие головы», отставные политологи и западные эксперты готовы озвучить любую небылицу, направленную против России и ее друзей. Все вместе это напоминает пропагандистско-информационный накат в системном плане действий против нашей Родины. Патриотам России следует иметь это в виду. Отступать дальше некуда. За нами — Косово и Москва!

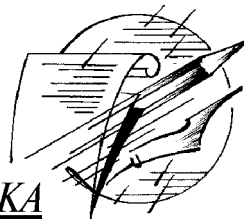
Владимир ВАСИЛИК,
диакон, кандидат филологических наук

О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ

Семнадцатого февраля 2008 года в одностороннем порядке, игнорируя законы Сербии, парламент Косова провозгласил независимость края. При этом косовских сепаратистов активно поддержали США и некоторые страны Евросоюза — Великобритания, Германия, Франция, Италия, продемонстрировавшие явное неуважение к территориальной целостности Сербии, воле сербского народа, а также международному праву, в том числе — к резолюции Совета Безопасности №1244, подразумевающей сохранение территориальной целостности Сербии.

То, что происходит сейчас, далеко не случайно. Десять лет существуют непризнанные квазигосударства, вроде Северной Республики Кипр, без всякого признания. Зачем же Соединенным Штатам и некоторым государствам Евросоюза спешить легализовывать это квазигосударство сейчас, идти на обострение международной обстановки, рисковать вызвать конфликт почти в центре Европы? Тому существует несколько причин.

Во-первых, администрации Буша так и не удалось завершить ни один конфликт, который она развязала — ни в Ираке, ни в Афганистане, по-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

этому хотя бы в Косово перед концом президентского срока необходимо создать иллюзию завершенности, так сказать — зачистки. То, что в результате этой зачистки могут погибнуть тысячи людей и сотни культурных памятников, за океаном никого не волнует: когда американские власти и военные шадили чужие жизни и святыни — в Дрездене, в Хиросиме, во Вьетнаме? Или в той же Сербии в 1999 году, когда слали бомбы с надписью: «Счастливой Пасхи». Во-вторых, — это возможность вытереть ноги об Россию, в очередной раз доказать ее беспомощность и бессилие. Вдумаемся: провозглашение независимости откладывалось из-за выборов в Сербии, но подождать с выборами в Российской Федерации почему-то не захотели. Вероятно, в Вашингтоне и Брюсселе сочли, что как и прежде, от России не придется ждать ничего серьезного, кроме призывов к соблюдению международного права. В третьих, то, что сейчас происходит, — сознательный слом Ялтинских договоренностей 1943 г., всей системы международной безопасности, сложившейся после Второй мировой войны и установление Нового мирового порядка, под которым никто ни в чем не может (и не должен) быть уверен. Здесь не работают никакие правила, никакие законы, в любой момент они могут быть изменены согласно желанию главного игрока (или главного шулера). А те правила, что применяются, могут быть с двойным или даже тройным дном: что не прощается одним народам (скажем — сербам), то должно быть прощено албанцам. Впрочем, в этом порядке в конечном счете нет выигравших, есть одни проигравшие. Албанцы, провозгласившие независимость, радуются совершенно напрасно: с течением времени их полупатриархальному-полумафиозному обществу в Евросоюзе рано или поздно настанет конец. Но самое главное, в этом Новом порядке нет места ни суверенному государству, ни традиционному обществу, ни нормальной семье. Это — мир электронного концлагеря, где сопротивление будет свирепо подавляться. Как? За примерами далеко ходить не надо.

Все, что сейчас говорится российскими властями относительно попрания международного права, — справедливо. В одном хотелось бы им возразить. Косово действительно уникальный случай. Именно поэтому оно не должно быть признано. Впервые за послевоенную историю провозглашается независимость квазигосударства, появившегося в результате неспровоцированной агрессии

ряда европейских стран, входящих в блок НАТО, против мирного государства — члена ООН, без санкции Совета Безопасности, без какой-либо законодательной основы. В настоящее время это квазигосударство в основном существует за счет наркотрафика и работорговли. И тем не менее солидные, респектабельные государства вроде США и Великобритании признали их и назначили туда послов.

Однако правовая риторика, не подкрепленная силой, выглядит просто беспомощно. Невольно вспоминаются кадры из фильма «Холодное лето 1953 года», когда вооруженные бандиты идут на корабль, а старик-капитан кричит в рупор: «Проход на государственный объект запрещен!» США и прочие государства — члены НАТО — сделали ставку на силу и вместе с шекспировским героем Ричардом III могли бы сказать: «Кулак нам — совесть, и закон нам — меч».

И этой корыстной, бессовестной силе необходимо противопоставить силу нравственную и разумную, и не только моральную, но и физическую.

Именно сейчас мы сталкиваемся с таким ключевым случаем, когда все силы надлежит бросить не просто на сохранение чести и достоинства нашей страны, не только на сохранение международного права и жизни десятков тысяч косовских сербов — наших братьев, но на сохранение самого бытия России как великой державы и просто государства.

Во-первых, демонстрация беспомощности в настоящее время непростительна. Дряхлого льва всегда пинают. Разговоры об экономической мощи России просто смешны, если она не умеет защищать эту мощь и своих союзников.

Во-вторых, бывшая Югославия, а теперь и Сербия — полигон, где апробируются технологии для расчленения и уничтожения многонациональных государств. Эти технологии подразумевают провоцирование национальных конфликтов, подкуп правящих и интеллектуальных элит, экономическую блокаду, провоцирование т.н. «бархатных революций», окружение враждебного государства базами, а при необходимости — прямая военная интервенция с захватом части территории, а в дальнейшем и полное уничтожение государства и включение его обломков в наднациональные и надгосударственные структуры с полным уничтожением их государственного и культурного суверенитета. Пример бывшей Югославии показывает это со школьной наглядностью: вначале в ней провоцировали

межнациональные конфликты, затем были быстро признаны отделившиеся республики — Хорватия, Словения, Македония, Босния. А когда боснийские сербы не признали этого разделения и взялись за оружие, чтобы спастись от поголовного истребления, их сделали преступниками в глазах международного сообщества и бомбежками заставили жить в чужом для них государстве Босния. При этом проводилась политика двойных стандартов: раздувались правонарушения сербов, но закрывались глаза на явные преступления боснийских мусульман и хорватов.

Затем провоцируется конфликт в Косово, финансируется и вооружается из доходов за наркотики сепаратистская Армия Освобождения Косова, которая наполовину захватывает край и начинает изгонять сербов. После того, как сербская полиция и армия усмиряют сепаратистов, Сербию начинают шантажировать, требуя передачи края под международный контроль, а когда шантаж не достигает цели, следуют варварские бомбардировки, после которых Косово оказывается формально под властью ООН, на самом деле — под властью албанской мафии (1999). Затем происходит «оранжевая революция» (2000), после которой страна меняет свое название (2002), а затем от нее в результате манипуляций с референдумом отделяется Черногория (2006). Наконец, провозглашается независимость Косова, после чего может последовать насильственное отделение Воеводины — автономного края на севере Сербии.

При этом все договоренности девальвируются и деваются на последующем этапе. В Дейтоне (1995) президенту Сербии Слободану Милошевичу обещали территориальную целостность Сербии. Затем потребовали Косово, обещая сохранение у власти в случае покорности. А затем — произошла оранжевая революция, арест Милошевича и его гибель в Гаагской тюрьме.

Теперь сравним с тем, что происходило у нас. Вначале, в 1991 году, разваливается СССР при активной помощи ЦРУ и иных западных спецслужб. Затем завязывается кровавый чеченский конфликт, на поддержание которого обильным потоком шли деньги и оружие из США и Великобритании. Под его аккомпанемент в НАТО вначале принимается ряд бывших соцстран (1999), а в 2003 г. — бывшие прибалтийские республики.

Еще до этого в 2001 г. организуются базы США в Средней Азии, якобы для борьбы с моджахедами, а сейчас —

создается третий противоракетный район в Европе. Неоднократно предпринимались попытки совершить «оранжевую революцию» — на деньги Березовского и Ходорковского, сейчас — под руководством Касьянова и Каспарова. При этом нам все время что-то обещали, но устно или на встрече без галстуков. В начале девяностых нас уверяли, что бывшие соцстраны никогда не войдут в НАТО, затем, в 1997 г., что все советские республики останутся нейтральными. За американские базы в Средней Азии и вывод российских баз с Кубы и Вьетнама обещали членство в ВТО, но до сих пор мы туда не вступили.

Сейчас на повестке дня — вступление в НАТО Украины и Грузии. Что оно означает для России со стратегической точки зрения — понятно: окончательный развал Черноморского флота либо его блокирование и быстрый и неизбежный военный разгром РФ в случае военного конфликта.

Мы видим, что сценарий не так сложен: вначале союз или союзное государство разваливается, затем создаются базы на территории сопредельного государства, бывшего члена союза, затем блок НАТО вмешивается в этнический конфликт и окончательно добивает остаточное государственное образование (Сербию или Россию). Может наступить момент, когда и ядерное оружие не поможет (особенно после того, как Америка создаст систему противоракетной обороны). И в этом случае участь российской элиты будет незавидной: ей припомнят все, в том числе и Чечню, и посадят на скамью Гаагского трибунала, как Милошевича. Стоит вспомнить призывы западной прессы объявить генерала Владимира Шаманова военным преступником и изображения В.Путина с окровавленными клыками.

И поэтому Сербия является предпольем к России и ее надлежит всячески поддерживать, и не только дипломатически. К сожалению, очень многое упущено в результате многолетней оппортунистической политики в югославском вопросе, направленной на ублажение западных интересов. Российское руководство слишком поспешно смирилось с распадом Югославии, довольно быстро признало новые государства на ее развалинах. Россия послушно проголосовала за режим международных санкций и исправно его выполняла в течение многих лет. Российское руководство не признало Республику Сербскую в Боснии, что в определенной степени способствовало

эскалации конфликта. Во время августовской трагедии 1995 года — гибели Сербской Краины — с российской стороны не было сделано ничего для реальной помощи сербскому населению, подвергнутому геноциду. Решения о сентябрьских бомбежках сербских позиций 1995 года принималось Советом Безопасности ООН с санкции России. Дейтонское соглашение декабря 1995 года, грубо проигнорировавшее законные национальные интересы боснийских сербов, — во многом результат оппортунистической политики российского МИДа и деятельности «демократа» А.Козырева — символа политического предательства. Вспоминаются демонстрации сербов в 1995 году у российского посольства, они закидывали его... булками. Действительно, за чечевичную похлебку ради торговых интересов, западных кредитов, которые все равно придется рано или поздно отдавать, ради виртуальных выгод мы теряли лицо, предавали подлинные национальные интересы и продавали традиционных союзников, веривших нам, несмотря на все предательства.

Сравним это с тем, как вела себя Российская империя в сходных обстоятельствах: добровольческое движение и демарш 1876 года, Русско-турецкая война 1877 г., наконец — 1914 год, вступление в Первую мировую из-за Сербии. Как говорил епископ Николай Велимирович: «Сербский народ никогда не забудет подвига царя-мученика, который прилепился к Царствию Небесному, к Царству небесных жертв и евангельской морали. Еще один Лазарь, еще одно Косово!» И нам станет видно, насколько мы нравственно опустились по сравнению с нашими предками. Существует расхожий миф, согласно которому нас в 1914 году якобы подставили сербы. Это не так: на самом деле нас и сербов втянула в Первую мировую войну английская разведка и дипломатия, которая организовала сараевское покушение, а потом держала паузу, пока ведущие европейские страны не втянулись в конфликт.

И даже после того, как в МИД пришел Е.М.Примаков, гораздо более принципиальный и порядочный, чем его предшественник, политика в югославском вопросе, которая стала более благоприятной для Югославии, характеризовалась нерешительностью, половинчатостью и зависимостью от западных интересов... Даже когда российские официальные лица протестовали против бомбежек, они не подкрепляли свои слова никакими реальными доводами и гарантиями. И после окончания войны 1999

года, к сожалению, был допущен целый ряд ошибочных решений — в частности, вывод российского миротворческого контингента из Боснии и Косова. Тем самым мы лишились реальных рычагов влияния в регионе и оставили на произвол судьбы своих братьев-сербов, беззащитных против албанского террора. И подобная беспомощность только раззадоривала НАТО в его расширении на Восток — новом Drang nach Osten.

Однако ситуацию еще можно спасти в том случае, если Россия проявит политическую волю по возвращению в Балканский регион. Если страны Евросоюза против всяких законов посылают свою миссию в Косово, то почему Россия, постоянный член Совета Безопасности, не может сделать то же самое? Присутствие российских миротворцев в Косовском крае будет реально способствовать стабилизации ситуации и защите сербских жителей края. Кроме того, появление кораблей Военно-морского флота России в водах Средиземного моря и Адриатики не только будет способствовать росту влияния и престижа России, но, возможно, поможет возвращению косовского кризиса в правовое русло. Россия может позволить себе и более жесткие шаги: объявить, что в случае обращения правительства Сербии она окажет ему всю возможную военно-техническую помощь. Перспектива встречи с новейшей российской техникой охладила бы головы тех, кто планирует начать военную кампанию против Сербии в случае ее упорства в косовском вопросе. При этом Россия не теряет ничего: США и НАТО уважают только силу и не трогают тех, за кем она стоит. В 1962 году во время Карибского кризиса советское руководство проявило политическую волю и добилось успеха в, казалось бы, самом безнадежном положении — при блокаде Кубы и соотношении по ядерным боеголовкам один к десяти. Сейчас положение несколько более благоприятное для нас, чем сорок пять лет тому назад, по крайней мере — по силам ядерного сдерживания.

Но начинать сопротивление надо сейчас, пока Россия не оказалась в кольце военных баз НАТО и США, пока вокруг нее не выстроена система ПРО, пока ее ближайшие соседи — Украина и Грузия — не вступили в НАТО. Достаточно и того, что в НАТО оказались страны Балтии и тем самым, по сути дела, заперли Россию в Финском заливе, блокировали Балтийский флот, отрезали от России Калининградскую область и составили прямую и не-

посредственную угрозу Санкт-Петербургу и всему Северо-Западу. В случае, если в НАТО войдет Украина, мы получим нечто подобное линии фронта в сентябре 1941 года или границе Советской России по Брестскому миру. Тогда Москва окажется под непосредственным ударом натовских войск.

Только с помощью жесткой и принципиальной политики мы можем уберечь мир от сползания к Третьей мировой войне и сдержать натиск США и НАТО на Россию.

Елена СЕМЕНОВА

МИФОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ ЗАКОНОВ

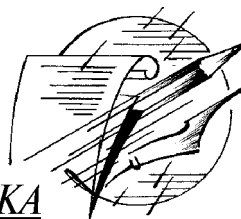
Авторитаризм «фантомасов»

Прежде чем обратиться к рассмотрению сегодняшних догм российского права, попытаемся определить, в каком государстве мы живем? Как можно охарактеризовать существующий уклад? Кому реально принадлежит власть сегодня?

Есть очень много определений самого понятия «государство». Аристотель, к примеру, давал следующее: средоточие всех умственных и нравственных интересов граждан. Увы, эта характеристика великого философа кажется теперь почти утопической. Так должно быть, но было ли? И, тем более, есть ли? Видимо, справедливо остается утверждение В.И. Ленина: государство — машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы удержать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы...

При демократическом строе, который формально существует в нашей стране, подобное положение дел исключается, ибо таковой режим основан на следующих фундаментообразующих принципах:

- а) реальные гарантии прав и свобод человека и гражданина;
- б) независимое судопроизводство;
- в) активное участие населения в формировании внешней и внутренней

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

политики путем выборов высших и местных органов власти, проведения референдумов, создания и деятельности общественных и политических организаций;

г) широкие возможности граждан в выборе рода деятельности во всех сферах жизни;

д) плюрализм политики и идеологии;

е) реальное разделение властей.

Официально все эти принципы работают на текущий момент в российском государстве. Однако было бы опрометчиво воспринимать официальные декларации как реальность. Здесь уместно вспомнить, что самой демократической Конституцией за всю историю отечественного права была сталинская, 1936-го года. В частности, в ней декларировалась свобода совести, слова, печати, митингов и собраний, уличных шествий и демонстраций, неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, право граждан на объединения в общественные организации, открытое рассмотрение дел в судах, обеспечение права обвиняемому на защиту и т.д. Так же, согласно Конституции, на территории СССР отсутствовала смертная казнь... В реальности же дело обстояло, мягко говоря, иначе.

Остается задаться вопросом, какие из вышеприведенных постулатов реально (не декларативно!) действуют сегодня на территории РФ? Выясняется, что целиком не функционирует ни один. Подтверждения сему печальному выводу мы, дабы не повторяться и не отнимать у читателя времени, будем приводить по ходу данной работы. Теперь же определим: какой строй мы имеем? Рискнем охарактеризовать его как авторитарный, то есть режим, при котором формально действует демократические институты, однако фактически власть находится у одного лица.

Но у нашего авторитаризма есть некоторая специфика. Она заключается в том, что лицо, которому принадлежит власть, коллективно. Это, если так будет позволено выразиться, маска, символизирующая собой тот класс, который, по В.И. Ленину, угнетает все прочие. Класс этот — чиновничество, серая прослойка. Это — ржа на металле, тля на растениях, короеды в стволе дерева — одним словом, все то, что ведет паразитирующий образ жизни. Каждый паразит в отдельности и незаметен глазу, но стоит ему проникнуть в тело, как он начинает беспрерывно множиться, высасывая из организма все соки, медленно,

но верно убивая его. Чиновничество образует вместе безликую массу, в бесчисленности которой и заключается его сила. Чиновник теперь проник всюду, и мы можем уже наблюдать чиновников от армии, журналистики, искусства, Церкви! Бесплодные сами, они преуспевают в том, что удушают все животворное. Стоит даже и изначально даровитому человеку попасть в эту серую массу, как он самоуничтожается, теряет свое лицо и уже ничем не выделяется из нее. Подобный авторитаризм страшнее классического. Ибо, когда известен один диктатор, то ясно, с кем бороться, и вступивший в неравную борьбу становится героем. Но сложно бороться с тем, чего нет! Почти бессмысленно сражаться с аморфной массой, ибо для нее не придумано оружия. И как биться с тем, что и лица не имеет?

Странно звучат слова о демократии в стране, где 30% населения находятся за чертой бедности. «Свобода. Какая свобода? — недоумевал Достоевский более века назад. — Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все, что угодно? Когда имеешь миллион? Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно». А Петр Столыпин говорил в одной из речей своих: «Бедность — худшее из рабств. Смешно говорить этим людям о свободе. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным». 30% нищих... А с другой стороны — десяток миллиардеров... Демократическое государство!

Философы всех времен немало рассуждали о том, какой должна быть власть, и кому должна принадлежать она. Так, Платон считал, что к управлению обществом следует допускать людей, достигших 50-ти лет, высокообразованных и талантливых, которые должны вести суровый образ жизни и не предаваться земным утехам... Аристотель выдвинул три составляющих благополучия государства: 1. Масса бедняков не отстранена от участия в управлении; 2. Эгоистические интересы богатых ограничены; 3. Средний класс многочисленнее и сильнее, чем два других. В России на сегодняшний день средний класс, в традиционном понимании этого термина, является весьма малочисленным, а правящий слой старательно увели-

чивает свои материальные блага, не брезгуя ничем и руководствуясь законами Макиавелли: 1. нашими действиями правит честолюбие и мотив власти; 2. правитель не должен выполнять все свои обещания; 3. творить зло надо сразу, а добро постепенно... Не забывают власть имущее и золотое правило: если одна и та же рука отнимет у человека все, а потом станет возвращать немного малыми дозами, то он будет благодарно целовать эту руку.

Видимо, именно это правило стало главным в социальной политике российского государства. Разрушив до основания прежнюю систему и ввергнув в нищету миллионы людей, им время от времени выделяют копеечные прибавки к зарплатам, мало заботясь о том, что и после того она подчас не дотягивает даже до прожиточного минимума. А между тем к главнейшим функциям государства относится как раз, в частности, обеспечение достойного жизненного уровня социально наименее обеспеченных слоев населения, охрана здоровья населения, развитие науки, образования и культуры... К слову сказать, о науке, которую государство должно поддерживать, один из главных поборников демократии, Е.Гайдар, в бытность свою премьером, высказался так: «Наука может подождать! Север нам не нужен. Старое поколение провинилось...» Совершеннейшее равнодушие правящего класса к данным направлениям и даже усугубление положения в социальной сфере, не мешая, между тем, российскому государству называться социальным...

Вообще, надо сказать, равнодушие — одна из характернейших черт власть имущих. Чиновничество — каста особой душевной структуры, точнее отсутствия оной. Самые главные чувства человеческие, такие как любовь, вера, совесть, атрофированы у этих людей. Такую болезнь можно условно назвать паралич души. Собственно, такая внутренняя хворь отражается и на внешнем облике, делаемымся идентичным, точно всю эту многотысячную армию, вполне могущую сказать о себе хрестоматийное: «Имя нам легион!» выращивали в одном инкубаторе. Когда они говорят, то напоминают попугая из стихотворения П.А. Вяземского, «который, весь оторопев, /твердит с усердием докучным /ему насвистанный напев!». Затверженные слова, резиновые лица, похожие на маски... Или же иные маски, более яркие, одеваемые поверх первых, чтобы играть ту или иную роль. Последние меняются часто и быстро. Таким образом, великолепным символом

нашего правящего класса могла бы стать знаменитая маска Фантомаса, а строй, установленный им, должен носить название «авторитаризм фантомасов».

Основной закон или «филькина грамота»?

Обратимся же теперь к собственно Праву. Российское государство, как известно, именуется правовым, но насколько верно такое определение? Для начала разберемся, что вообще подразумевается под понятием «правовое государство», рассмотрим его признаки и сравним их с реально действующими на территории РФ принципами.

1. *Законы должны быть обязательны для всех: как для лиц, находящихся у власти, так и для других граждан. Все граждане изначально должны иметь равные права вне зависимости от социального положения, расы, пола, вероисповедания.* Эта норма даже официально не может считаться существующей, так как по отношению к власти имущим в законодательстве РФ содержится принцип личной неприкосновенности (в случае с бывшим президентом Ельциным — распространенный и на его семью).

2. *Принимаемые законы должны быть правовыми, т.е. отражать действительные интересы и потребности большинства населения.* На практике основная масса законов в РФ принимаются в интересах узкой группы людей, элиты (подчас они лоббируются преступными элементами, с начала 90-х проникнувшими во властные структуры), и в ущерб большинству.

3. *Власть в государстве разделяется на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Ветви эти должны образовывать систему взаимных сдержек и противовесов, контроля для предотвращения узурпации кем-либо всей власти и таким образом получать дополнительные стимулы к повышению профессионализма.* В нашем случае эти три ветви срослись вплоть до образования единого ствола, вертикали, руководимой тем коллективным диктатором, коего в прошлой части мы условно окрестили Фантомасом. Стоит ли говорить, что при таком положении о стимулах к повышению профессионализма и говорить не приходится. Наоборот: стимулируется чуть ли ни принудительное «посерение» и «обездаривание» представителей всех трех ветвей. А российский парламент, превзошел даже самые мрачные прогнозы такого врага этого института, как К.П. Победоносцев. Последний в своих

трудах давал следующие определения данной структуре и народному представительству: *«Парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение... Избиратели в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя... Избиратели являются для него стадом для сбора голосов, и владельцы этих стад уподобляются кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе»*. Помимо перечисленных «достоинств» наш парламент стал структурой вполне формальной, обслуживающей лишь интересы власти и свои собственные. Наши депутаты именуются «слугами народа», но весьма странно положение, когда слуги имеют привилегии по сравнению с «господином» и живут в разы богаче его. Дорого ж обходятся «господину» такие «слуги»! К слову сказать, народные представители в царской Думе не имели и десятой доли тех даруемых мандатом благ, кои имеют нынешние. В том числе, неприкосновенности. Посему в ту Думу избирались, по крайней мере, люди идейные. В нынешнюю — из десяти, в лучшем случае, один идейный. Остальные попросту идей не имеют и идут в Думу ради материальных и иных благ.

4. *Государство обязуется обеспечивать права и свободы человека и гражданина, закрепленные в нормах права, и отвечает перед гражданином за нарушение этого обязательств путем выплат компенсаций, привлечения к ответственности конкретных служащих, виновных в нарушениях и т.д.* В реальности власть не только не обеспечивает исполнения указанных принципов, но и исподтишка (а подчас и открыто) сокращает их, и уж, конечно, ничем не отвечает за их нарушения, кроме отдельных вопиющих случаев, привлечших внимание всей общественности и используемых в качестве «показательных». Из тысячи случаев избирается один, на котором демонстрируется условная «справедливость»; все же прочие, не получившие широкой огласки, остаются без каких-либо последствий.

5. *Каждый человек в стране должен обладать свободой самоопределения, т.е. выбором рода деятельности, досуга, установления семейных отношений и т.д.* В государстве должны быть необходимые социально-экономические условия для реализации каждым человеком провозглашенных прав и свобод. Говорить об исполнении этой нормы в стране, где огромный процент людей живет за чертой бедности, по меньшей мере несерьезно...

В советские времена одним из требований правозащитников-диссидентов было знаменитое «выполняйте вашу Конституцию». Этот призыв не утратил своей актуальности и теперь. Рассмотрим некоторые положения основного закона РФ.

Любопытно, что противоречия содержатся уже в самом вступлении к нему: «Мы, многонациональный народ РФ... сохраняя исторически сложившееся государственное единство... возрождая суверенную государственность России... принимаем Конституцию РФ». Интересно, когда же это Россия потеряла свою суверенную государственность? Очевидно, тогда же, когда стала «независимой», в честь чего был даже провозглашен праздник... Но, однако же, обратимся к содержанию статей:

Статья 2. *Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.* Характерно, что как раз в то время, когда принималась российская Конституция, крупные чиновники декларировали принципы, совершенно обратные указанным в ней. Так, к примеру, министр экономики Е.Ясин заявлял: «Чудес не бывает. Эта страна должна выпить чашу до дна... Есть только один способ — это затягивать пояса. Снижение жизненного уровня!» И жизненный уровень снизили радикально. Так снизили, что уже в период с 1990-го по 1994 год уровень мужской смертности увеличился на 53%, женской — на 27%. Средняя продолжительность жизни мужчин снизилась с 64-х до 58 лет, женщин — 74-х до 71-го. Один из самых низших уровней продолжительности жизни в мире... Между тем Ясин хладнокровно пояснял: «Японцам и немцам было проще, потому что у них была просто разрушенная промышленность, была оккупационная власть, и уже многое было сделано для того, чтобы расчистить почву и начать сначала. Россия, к сожалению, не находится в такой ситуации». Значит, следовало до нее довести... «Место расчистить», «разрушить все до основания»... Узнаете мотив? Небольшевизм в действии. Что ж, ломать — не строить. А разрушители, как показывает история, не бывают способны к созиданию.

Пожалуй, мало найдется стран, в которых человек ценится столь ничтожно, как у нас. Свидетельством тому служит и бедственное положение российских пенсионеров, ученых, военных и катастрофическая беспризорность, уровень которой превзошел послевоенные годы. Только

в Москве, по официальным данным, насчитывается 10,5 тысяч беспризорных детей... По России же их более миллиона. В 90-х годах из-за чудовищной нищеты в России в разы возрос уровень суицидов. В период с 1992-го по 1997-й год 229 000 россиян покончили жизнь самоубийством. Были случаи, когда из жизни добровольно уходили целыми семьями. Так, в одной из областей мать, которой нечем стало кормить детей, убила их, а затем повесилась сама. Еще свежи в памяти забастовки шахтеров и реакция на них представителей власти: «У них там орехи есть: пусть орехи едят». Такая позиция власти озвучивалась и в отношении других категорий граждан. «Пока не вымрет старшее поколение, нормальной жизни не будет...» Доказательством полного равнодушия государства к человеку служат и события Чеченской войны, когда на территории мятежной республики были оставлены на расправу бандитам тысячи русских людей (до 90-х годов русское население Чеченской Республики составляло более 800 000 человек, к 1999-му это число сократилось до 50 000: все это время власти России закрывали глаза на истребление русских, на их насильственное выдворение из Чечни, оставалась глуха к их мольбам о помощи). Те, кому удалось уехать на «большую землю» сделались беженцами в своей же стране, совершенно ненужными государству, по вине которого лишились всего. Сюда же следует отнести положение соотечественников, возвращающихся из бывших союзных республик и встречаемых на родине бесчисленными препонами и унижениями. В свое время Наполеон дал такое определение гражданину: «Гражданин отличается от иностранца тем, что он господин в своем Отечестве». Законом о гражданстве РФ, принятом в 1992 году указывается, что гражданство РФ устанавливается «по признанию» (ст.13, п.1). То есть даже коренные россияне, проживавшие на территории России из поколения в поколение, не являются, а лишь признаются гражданами. А ведь при такой норме теоретически возможно и «непризнание». Для сравнения даже в законе 1938-го года указано, что «гражданами СССР являются...». Тогда составителям законов было понятно, что формулировка «признаются» как минимум некорректна. Продолжая мысль Наполеона, русский философ Ильин добавил: «С исчезновением граждан исчезает государство». Таковое исчезновение происходит тогда, когда государство перестает выполнять главную свою функцию — защиты своих граждан.

В ответ на это в самих гражданах утверждается дух нигилизма по отношению к государству, к его законам, и это взаимное отчуждение, переходящее во вражду, приводит, наконец, к ослаблению и распаду государства, существование которого невозможно без наличия гражданского самосознания в каждом отдельно взятом гражданине. Это понимают в большинстве стран мира. Соединенные Штаты, к примеру, всю свою политику основывают именно на святости американского гражданства. Если даже один гражданин США оказался в опасности за их пределами, то весь государственный аппарат работает на то, чтобы вызволить его. Многие свои военные операции руководство Штатов подает своим гражданам как защиту их интересов. Так агрессия против Панамы была преподнесена как наказание за изнасилование американской гражданки панамскими солдатами.

При распаде СССР сотни тысяч наших граждан не своей волей оказались на территории других государств, власти которых часто проводили по отношению к ним весьма жесткую политику, притесняя в правах, а подчас прибегая и к откровенному насилию. Так, в странах Балтии, русские официально именуется «негражданами», поражены во многих своих правах (даже в праве учиться на родном языке), подвергаются унижениям и даже депортациям. Из многих азиатских республик наши соотечественники были вынуждены бежать, спасаясь от развернувшейся против них кампании. За все эти годы Россия не сделала ничего, чтобы облегчить участь своих граждан, забыла о них, а возвращавшихся встречала как незваных гостей. Приведу лишь один случай, характерный по своей крайней вопиющейности. Александр Руденко, русский, родился на Сахалине. В 14 лет оказался в Таджикистане, куда направили работать отца. Отслужил в армии под Москвой. Окончив институт, работал журналистом по всей стране. После распада Союза гражданства не переменил. В Таджикистане был заключен в тюрьму и лишен всего имущества. Спасаясь от преследований, был вынужден перебраться в Россию. Но с получением российского гражданства и нового паспорта возникла большая проблема. Во всех инстанциях, куда обращался Руденко, ответ был таким: возвращайтесь в Таджикистан, получайте таджикское гражданство, приезжайте в Россию и просите у президента политического убежища. При этом угрожали арестом и депортацией в Таджикистан... Таких

случаев бесчисленное множество. И какой же гражданской сознательности можно требовать от людей, если государство вспоминает о них лишь тогда, когда нужно взыскать налоги, призвать в армию и т.д., но никогда — в случае, если им нужна помощь? Не будет преувеличением сказать, что граждане РФ не чувствуют ни защиты, ни заботы со стороны государства, но, более того, ждут от него лишь очередных унижений. Государство оказалось по разные стороны баррикад со своими гражданами. И это подлинная трагедия.

Статья 7, п.1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; п.2. В Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб...

О степени социальности российского государства можно рассуждать долго. Является ли социальным государство, в котором инвалиды войн, отдавшие свое здоровье, защищая интересы государства, оказываются брошенными на произвол судьбы, не имеют средств на лекарства, инвалидные коляски, протезы и вынуждены просить милостыню? Где тысячи людей живут в бараках и аварийных домах без воды, тепла и света, ежечасно опасаясь, что давно прогнившие конструкции обрушатся им на головы. Вспомним лишь недалекие события на Дальнем Востоке, где жители замерзали без электричества. Может ли называться социальным государство, где минимальная заработная плата меньше прожиточного минимума (в 2007 году МРОТ была равна 800 руб. в месяц)? Где оплата коммунальных услуг в иных местностях превышает сумму зарплат и пенсий. Где для инвалидов не созданы даже элементарные условия. В той же Америке инвалиды могут свободно передвигаться по городу, ездить на общественном транспорте и не испытывать недостатка средств на лечение и пропитание, благодаря многочисленным пособиям и льготам. У нас инвалид зачастую оказывается вырванным из жизни. Хотя Административный Кодекс РФ и предусматривает ответственность должностных лиц за организацию транспортного обслуживания населения без создания условий доступности для инвалидов, но таковых условий как не было, так и нет. И ответственности

за это никто не несет. Замечательно и то, как осуществляется поддержка семьи в РФ. Сегодня детское пособие в нашей стране составляет смехотворную сумму, упразднено звание матери-героини, забота о многодетных семьях (да и о льготниках вообще) переложена на плечи областных властей, как будто демографический вопрос в стране с вымирающим населением не является федеральным и общенациональным. Все, на что имеют право многодетные семьи, согласно Указу президента РФ, это скидка в размере 30% на коммунальные услуги, бесплатные лекарства по рецептам врачей детям до 6-ти лет, бесплатный проезд, школьная форма и питание для учащихся в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях. Может ли называться социальным государство, где власти лишают граждан льгот, оставляя их себе, и назначают прибавки к пенсиям столь копеечные, что пенсионеры организованно отправляют их обратно? Так, например, в законе №176 от 18 февраля 2005-го года назначается доплата к пенсии лицам, проходившим военную службу или службу в иных силовых органах, в размере 240 руб...

Статья 17, п.3. *Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.* Это правило вообще сложно осуществимо, ибо еще очень давно французы вывели другое: свобода одного человека кончается там, где начинается свобода другого. И доказательство последнему мы можем наблюдать ежедневно. Строители возводят дом в жилом квартале, и жители соседних домов обречены слушать шум стройки и топтать грязь. Один сосед любит слушать громкую музыку, а другой хочет в это время спать. Примеров масса, и ясно, что поделаться с этим законодательно, в принципе, ничего нельзя. В этом случае, как и в ряде других, остается вспомнить лишь золотые слова Екатерины Великой: «Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями».

Статья 24, п.1. *Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается.* Однако постоянно на страницах желтой прессы и в различных телепередачах такого рода информация выдается, часто перемешанная с откровенным вымыслом и злостной клеветой. Особенного накала достигает ситуация в этой сфере в разгар так называемых «войн компроматов», когда политические и иные общественные силы пытаются очернить конкурентов. Дошло

до того, что появились журналисты, специализирующиеся по таким делам и именуемые «телекиллерами». Среди пишущей братии встречается также и специфическая категория, называемая «папарацци», без спросу сующаяся в личную жизнь знаменитых людей и вынося на публику ее подробности. Разумеется, все это наличествует не только в России, но и во многих странах мира. Однако у нас практически невозможно получить компенсацию за нанесенный подобными «разоблачениями» моральный, а подчас и материальный ущерб. Таких случаев известно очень мало. Так, известный актер, возмущенный публикациями в газетах о якобы плохом состоянии своего здоровья, предъявил иск соответствующим изданиям. Иск был удовлетворен, но компенсаций взыскать не удалось. Если даже потерпевшей стороне и удастся добиться справедливости, то стоит это такого количества времени, сил и средств, что в большинстве случаев оказывается дешевле закрывать глаза на нарушения своих прав, что, в конечном итоге, лишь поощряет ощущения безнаказанности нарушителей.

Статья 42. *Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.* Пожалуй, это одна из самых нарушаемых норм российского законодательства. Нарушается она повсеместно и всеми: от состоятельных граждан, строящих свои коттеджи в недопустимой близости к водохранилищам и сбрасывающих в них канализацию, и чиновников, выдающих разрешения на подобные застройки, до руководства государства, ничуть не заботящегося о том, сколько его граждан проживает в зоне ядерного заражения (Челябинская область). И уж, конечно, вся информация, касающаяся экологии, строго засекречена. Крупные и мелкие компании, экономя на очистных сооружениях, отравляют великие русские реки и озера (который год экологи бьют тревогу о ситуации вокруг озера Байкал), а подкупленные чиновники закрывают на это глаза. Известно, что на территории России проводились испытания различных видов оружия разной степени опасности, но места их засекречены. К слову сказать, ни одна страна не проводила испытания смертоносного вооружения на своей территории, создавая угрозу здоровью своих граждан. Мало известны и места скотомогильников, где захоронены, в частности, животные,

погибшие от сибирской язвы. Могильники эти подчас оказываются в поймах рек и (опять же из экономии) даже не залиты бетоном. В крупных городах норма содержания вредных веществ в атмосфере зачастую многократно превышена. Не так давно в СМИ прошла информация о заводе по переработке мусора, расположенном вблизи жилых поселков, жители которых, едва возникает ветер в их сторону, вынуждены дышать ядовитым дымом. В городе Москве у детей все чаще регистрируются заболевания легочной системы. Виной тому отравленный выхлопными газами и иными вредными веществами воздух. Экологическая ситуация в России ухудшается с каждым годом, но исправлять ее никто не спешит. Когда дело идет о деньгах, об экологии уже не помышляют. Тем более те, кто делает их за счет ее порчи, имеют возможность жить и отдыхать в районах экологически чистых. Между тем, опыт Германии показывает, что очистить можно даже годами отравляемые реки, в которых давно вымерла вся рыба. Немецкие бизнесмены проделали такую работу, и по реке, на которую недавно не садилась ни одна птица, теперь плавают лебеди... Будет ли когда-нибудь такое у нас?

Статья 44, п.3. *Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.* По-видимому, вначале заботиться и беречь их должно само государство. Однако у него, по официальной версии, «нет денег» на содержание «такого количества объектов». Есть деньги на проведение безобразных выставок, пропагандирующих разврат и оскорбляющих нравственные чувства любого нормального человека, есть деньги на многомиллионные «киноблокбастеры», представляющие отечественную историю в кривом зеркале, есть деньги на строительство новых торговых центров и устройство многочисленных празднеств, карнавалов, фестивалей, а на реставрацию древнейших памятников, старинных усадеб, музеев денег нет! Если и начинают что-то реставрировать, то процесс этот не имеет конца. Пока реставрируют одну часть, начинает сыпаться другая, и так многие годы великолепные образцы архитектуры и искусства стоят в лесах, отпугивая своим заброшенным видом немногочисленных туристов. Рассыпаются на глазах старинные усадьбы. Например, усадьба графов Орловых, Отрадное. Государство оставило ее своим попечением, а местные жители стали понемногу рас-

таскивать ее... И стоит великолепный архитектурный ансамбль с вынутыми стеклами, выбитым паркетом и осыпающимися стенами. Не так давно едва не был вырублен парк усадьбы Архангельское, и лишь вмешательство ряда общественных деятелей помешало этому. Рядовые же граждане подчас не отстают от власть имущих, о чем свидетельствует судьба Отрадного. Мародерствует государство, мародерствуют граждане — и культурное, историческое наследие исчезает, а с ним память народа, и без того слабая, и душа его. А народ, забывший свои истоки, потерявший душу, перестает быть народом. Фактически, то, что свершается сейчас в этой отрасли, не что иное, как акт коллективного самоубийства.

Статья 58. *Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам.* В этом вопросе российские граждане также берут пример с государства, разрушающего экологию. Варварская вырубка лесов, истребление фауны, браконьерство, наконец, простая беспечность в виде непотушенного костра или брошенного окурка, приводящего к огромным лесным пожарам, — все это расцвело в нашей стране буйным цветом. Впрочем, и здесь велика ответственность государства, наряду с прочими функциями забытого и функцию охраны природы. В СССР подобное уничтожение ее не допускалось. Граждане, нарушавшие соответствующую норму, несли ответственность, весьма тогда существенную. Сейчас же штраф, взимаемый с браконьера, ничтожен по сравнению с прибылью, которую он получит от реализации товара. Вообще же, при той фактической войне между государством и его гражданами обе стороны действуют весьма решительно. Государство устанавливает законы, разоряющие население, граждане же изыскивают способы обойти эти законы. Нарушать их — это, в какой-то степени, отплатить государству его же монетой, отомстить ему. Недоплатить налоги или где-то обобрать государство — это вернуть свое, им прежде украденное. Такова во многом психология российского обывателя, подчас не до конца им осознанная. К сожалению, в случае с памятниками и природой жертвами этой безумной войны станут будущие поколения, о которых обе стороны отчего-то упорно не желают думать...

Обратимся теперь к некоторым другим нормам российского законодательства, более детально дополняющим отдельные статьи Конституции. Административный Ко-

декс, в частности, содержит статьи о нарушениях в период избирательных компаний:

Статья 5.45. Использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума... влечет наложение административного штрафа в размере от тридцати до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда.

Статья 5.52. Невыполнение должностным лицом требований законодательства о выборах об обеспечении равных условий предвыборной деятельности зарегистрированных кандидатов, избирательных объединений, избирательных блоков... влечет наложение административного штрафа в размере от 30 до 50 МРОТ.

Между тем, бросается в глаза, как на всех выборах, проводимых в РФ, местные и федеральные власти пускают в ход все административные ресурсы, чтобы победу одержали поддерживаемые ими силы. При этом не гнушаются почти ничем. Практикуются снятия с выборов негодных кандидатов, срыв мероприятий, ими проводимых, неравное количество времени, выделяемого на агитацию в СМИ. Более того, списки партии-фаворита обычно возглавляют чиновники из властных структур, даже не думающие снимать с себя эти полномочия. На выборах как 2003-го, так и 2007 годов списки одной из партий возглавляли сплошь губернаторы и министры, то есть чиновники класса А, участие которых в какой бы то ни было партии было запрещено вовсе федеральным законом. Однако, ни у Центризбиркома, ни у правоохранительных органов, столь бдительных в отношении кандидатов-конкурентов, подобные нарушения вопросов не вызвали. Но, как известно, перед законом все равны, но есть более равные... Некоторым закон не писан.

Говоря о мероприятиях, не грех припомнить и статью 5.35. того же Кодекса, предупреждающую о наказуемости воспрепятствования организации или проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, проводимых в соответствии с законодательством РФ, либо участию в них, а равно принуждение к участию в них. На деле срыв митингов оппозиции стал уже обыденным явлением, а на мероприятия, устраиваемые проправительственными силами, обычно сгоняют студентов. Были случаи, когда за отказ от участия в таких мероприятиях последних просто отчисляли из институтов. Конечно, подобное положение дел усугубляет пассивность са-

мих граждан, не привыкших отстаивать свои права, да и не всегда их знающих. Сталкиваясь с подобными нарушениями, лишь единицы обращаются в соответствующие инстанции. Впрочем, обращения эти обычно результатов не дают. Однако, если бы они носили не единичный характер, то дело могло бы повернуться иначе. Но, увы, большинство из нас живет по принципу «своей хаты с краю»... И выходит, что «в России две напасти: внизу власть тьмы, а наверху тьма власти» (Гиляровский). И единственным реально действующим в рассматриваемой отрасли правом остается право телефонное...

Суррогат совести

Вероятно, неверно было бы с нашей стороны винить во всех бедах государство. Ведь всякое общество состоит из отдельных членов, определяющих, в конечном итоге, моральный климат в этом обществе. В России, к сожалению, прогрессирует такая грозная болезнь, как равнодушие, наплевательское отношение друг к другу, разобщенность. «Человек человеку волк» — мораль, которая стала у многих в ходу. А главный принцип, по которому живет большинство из нас: «Моя хата с краю — ничего не знаю!» Достоевский писал в своем «Дневнике»: «Не единичным злодеянием того или иного индивидуума надо ужасаться, но привычке нашей к ним...» То-то, что привычке! За последние годы мы привыкли к разгулу криминала, привыкли к ежедневным сводкам, от которых в былые времена у нормального человека волосы встали бы дыбом, привыкли к крови и насилию, мало уже отличая кровь силиконовую из бесчисленных кинофильмов от настоящей, показываемой в «Новостях». Нас уже ничего не ужасает и не удивляет. И если сосед стал жертвой преступления, это зачастую лишь повод, чтобы обзвонить знакомых и притворно повздыхать о его участи. Став свидетелями преступления, большинство из нас пройдут мимо, справедливо опасаясь, что и нам «достаться» может. Совершая дурной поступок, многие оправдывают себя: «Все так делают!» Но следует помнить, что подлость общества никогда не оправдывает подлости отдельного его члена. К сожалению, в российском обществе все более распространяется явление, которое можно назвать «дефицитом совести». И это — одна из главных опасностей на сегодняшний день.

Законы, даже самые лучшие, все равно не могут быть панацеей, ибо в жизни слишком много нюансов, которые невозможно предусмотреть. Есть непреложная истина — не укради. Но представьте, если отец больного ребенка, не имея средств к существованию, ограбит своего более богатого соседа, — прав ли он будет? Или же другой случай: «отморозок» убивает ребенка, правоохранительные органы по каким-то причинам отпускают его на свободу, тогда отец жертвы вершит самосуд (примерная история «Ворошиловского стрелка») — прав ли он? По закону этот человек преступник, и его осудят. А по справедливости? Что оставалось ему, если закон отказался покарать убийцу? Таких случаев немало. И выходит, что справедливость может оказаться вне закона, а закон — несправедливым. Истина — одна, но правда у каждого своя.

Наивысшей формой правосознания считается такая, когда субъект относительно бессознательно, на основе сформировавшихся у него навыков, умений, установок, потребностей выполняет, не задумываясь, в любой, даже самой сложной и кажущейся безвыходной ситуации, правовые предписания, например, не совершает преступления, административного правонарушения.

Между тем, говоря об особенностях российского правосознания, следует помнить, что в России, в широкой массе не существовало той правовой культуры, которая столетиями формировалась в западных странах, где все отношения между субъектами были строго регламентированы посредством различных договоров. В России главным, а часто единственным мерилom была совесть. Вспомним, например, русских купцов. С них, по крайней мере, до XIX века и в голову не приходило никому брать расписки, потому что «слово купеческое» уже являлось нерушимой гарантией. То же и в других слоях населения, в независимости от положения и материального благополучия. Не зря писал И. Крылов:

*В ком есть и совесть, и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет.*

В то время, как в «развитых» странах люди все закрепляли на бумаге, не доверяя друг другу, русские люди ве-

рили друг другу на слово. Потому что существовал куда более значимый институт, чем право, регламентирующее лишь внешнюю сторону отношений. Институт этот — Совесть. Внутренний закон. Живя по нему, человек не совершал преступления не потому, что не имел возможности, но потому, что не хотел того, боялся поступить «не по совести» и навлечь на себя гнев Божий. Вот она — наивысшая форма правосознания! Совесть ей имя! И эта форма искони была на Руси до тех пор, пока не погнались мы за Европой и, напялив платье ее, перенесли на родную землю многие ее достижения, в то же время неосмотрительно перенесли то, что нельзя было переносить ни в коем случае, то, что разрушило тот внутренний закон, который был у нас. В Российскую империю хлынули дельцы иной веры, а часто и вовсе без оной. Их мораль была: оправдано все, что выгодно. Столкнувшись с такими жесткими конкурентами, приходилось перенимать правила их игры. Тогда-то в России появились ростовщики, которые вскорости приобрели весьма большое влияние на все происходящее в Империи. Совесть была забыта — оставались законы. Поэтому с середины XIX века в России установилась правовая система, надо сказать, очень «демократичная». Были введены суды присяжных, судебные заседания проходили открыто, обвиняемых защищали адвокаты, стяжающие себе славу на громких делах. Приговоры также были весьма гуманны, если не сказать больше. Нередко преступников выпускали из зала суда. Так, присяжными была оправдана террористка Вера Засулич. Но отчего-то, несмотря на демократичные законы, преступность лишь возрастала, и характерно, что многие тяжкие преступления совершали представители образованного сословия. А дело все в том, что эта часть российского общества была духовно тяжело больна, и болезнь ее медленно просачивалась и в народ, еще сохранявший в себе прежний внутренний закон. Этот духовный недуг прогрессировал все последние годы существования Российской империи, затем развивался весь XX век и грозит достигнуть своего апогея в веке XXI...

У Святителя Николая Сербского в «Мыслях о добре и зле» есть статья под названием «Пять импульсов», кою мы приведем, поскольку в ней изумительно прописан процесс разрушения человека:

«Существует пять основных импульсов, которые управляют людьми в их делах:

*личная корысть и собственное удовольствие;
родственные или кровные узы;
законы сообщества;
совесть;*

ощущение присутствия живого Бога.

Первые три импульса имеются и у животных, предпоследний — у многих людей, а последний у некоторых людей.

Если выразиться военным языком, то:

5-й импульс — это передовая линия борьбы, сдав которую, человек отступает и занимает вторую линию (соответственно, 4-й импульс), сдав которую, отступает и занимает 3-ю линию (соответственно, 3-й импульс), а когда не может удержать ее, отступает на 4-ю линию (соответственно, второй импульс), когда же потеряет и 4-ю, отступает и занимает 5-ю линию (соответственно, первый импульс).

Так происходит разложение человека, разложение и гибель. Говорим: и гибель, потому что человек может потерять и последнюю линию борьбы (соответственно, первый импульс), а тогда ему не остается ничего, кроме тупого безразличия по отношению ко всему, кроме отчаяния и — самоубийства».

Когда-то давно русский народ жил, руководствуясь, преимущественно, 4-м и 5-м импульсами. Однако за последние три века он оставил их, и сегодня, докатившись до животного уровня (2-й и 3-й импульсы), мы рискуем отступить на последнюю, 5-ю линию, ту линию, модель которой старательно навязывают нам, за которой — небытие. Иные и пришли уже к ней. Но есть же и те, кто, несмотря ни на что, удерживается на 2-й линии! Есть и праведники. Именно ими, «передовыми отрядами», стойко стоящими на своих рубежах, удерживается все общество от окончательного распада, падения в бездну.

Ни экономический, ни какой-либо иной дефицит не опасен так, как дефицит совести. Совесть не заменят никакие законы, ибо законы нужны лишь там, где совести не осталось. Закон — суррогат совести. И печальна судьба того общества, в котором не осталось совести. А потому закончим мы словами Петра Бернгардовича Струве: «Нам нужно возрождение духа. А остальное приложится!»

Михаил АНТОНОВ

РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)

Глава 12. МИРОВОЕ ЛИДЕРСТВО РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

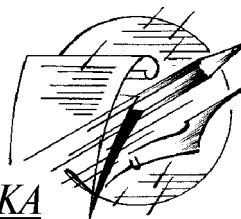
Не пора ли перестать гадать на кофейной гуще?

Будущее России вызывало, вызывает и всегда будет вызывать жгучий интерес не только в нашей стране, но и во всем остальном мире. Россиянам сегодня очень важно знать, *«что век грядущий нам готовит»*. Другие народы, изумленные, если верить Гоголю, непрекращающимся полетом *«птицы-тройки»*, гадают, *«что значит это наводящее ужас движение»*, долго ли им еще придется *«косясь постораниваться и давать ей дорогу»*, а главное — нельзя ли поживиться за ее счет? И неудивительно, что работ на эту тему всегда будет предостаточно.

Но если количество таких исследований велико, то их качество обычно оставляет желать лучшего. Говоря откровенно, в большинстве случаев исследователи, прямо или завуалированно, выдают желаемое за действительное. Но аргумент типа *«я хочу, чтобы было так»*, как правило, недостаточно убедителен.

Продолжение. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Чаще всего такого рода соображения имеют под собой некое подобие обоснования вроде анализа предполагаемого соотношения сил на мировой арене. Так, например, экономист Михаил Хазин в интервью газете «Завтра» (2008, №2) «Глобальный кризис и Россия» размышляет над тем, как предстоящий крах мировой экономики отразится на судьбах нашей страны. По его мнению, надвигающийся общецивилизационный кризис ведет к распаду глобального рынка и мировой долларовой системы и, как следствие, к образованию нескольких «центров сил» с самодостаточными экономиками. Это — США плюс Великобритания, ЕС, Китай, Япония, Индия, Ближний Восток, отдельная еврейская карта. А что же Россия? Пока это — *«огромная территория с огромными ресурсами, где полностью отсутствует национальная элита... России как самостоятельного «центра силы» сегодня нет... она неминуемо распадется... все, что восточнее Урала, попадет в руки Китая... после этого Китай явно становится первым среди равных в рамках мировой геополитики, что не устраивает никого. Кроме самого Китая. Хотя и там очень многие не сильно в восторге от перспективы мирового лидерства. Потому что в Китае тоже начинается острейший внутренний кризис, а если в рамках этого острого кризиса им придется «переваривать» еще и Сибирь, которую, если не схватить ее сразу, потом Поднебесной просто не дадут — последствия оказываются непредсказуемыми. В этой ситуации единственный шанс всех участников глобальной игры — сделать из России самостоятельный «центр силы»... Но ...если начинать делать в России «центр силы», то нам нужна самостоятельная российская элита, каковой сегодня в системе государственного управления не существует вообще. Все, кто пытался отстаивать национальные интересы страны, с начала 90-х железной рукой из власти выкидывались. Все. И при Путине тоже».*

Вот такие обоснования прогноза будущего России. И не хотелось бы другим мировым игрокам видеть ее «центром силы», а придется им на это пойти, потому что иначе всем будет плохо. Но эти доводы выглядят не очень убедительно, ведь из истории известно, что часто правящие классы и государства, даже предвидя неизбежные губительные для себя последствия, предпочитали решения, отвечающие их сиюминутным эгоистическим интересам.

Множество других конструкций грядущего России строится по тому же принципу, что и у Хазина, хотя и с вари-

ациями. Скажем, кому же быть мировым лидером, как не России, если только она — воплощение альтруизма в мировой политике и готова прийти на выручку заблудившемуся человечеству даже ценой ущемления собственных интересов?

А мне больше по душе та линия в науке, которая при определении места того или иного народа или государства в грядущем мире исходит из объективных критериев. Вот, скажем, линия, которая основана на идее смены цивилизаций. Начало ей положил знаменитый труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869 г.), где впервые было высказано понимание истории человечества как последовательной смены цивилизаций («культурно-исторических типов»), создаваемых разными народами. Культурно-исторические типы развиваются подобно биологическим организмам, и со временем, при переходе от одной цивилизации к другой, усложняются и становятся более совершенными. Качественно новым, наиболее развитым, по Данилевскому, должен был стать славянский (русский) тип.

Хотя идея толкования истории как последовательной смены цивилизаций порождена русской мыслью, ее разработку принято считать заслугой немецкого философа Освальда Шпенглера, который развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов» (которых он насчитал восемь — египетский, индийский, китайский и т.д.), выражающих коллективную «душу» народа и проходящих определенный жизненный цикл, длящийся около тысячелетия. Зарождение каждой исторической культуры связано с определенной религией. Умирая, органическая культура перерождается в свою противоположность — цивилизацию, в которой господствует голый техницизм, а на смену творчеству и развитию приходят бесплодие и окостенение. В своем главном сочинении — двухтомнике «Закат Европы» (1918—1922) Шпенглер, в частности, предсказал, что западноевропейская культура, сложившаяся около 1000 года н.э. на основе католицизма, примерно к 2000 году исчерпает свой творческий потенциал, и **духовное лидерство в мире перейдет к православной русской культуре.**

Такой вывод вряд ли кого обрадовал на Западе, и даже в Германии, на родине, этого мыслителя подвергли забвению. Может быть, отчасти поэтому там популярна теория английского историка и социолога Арнолда Джозефа

Тойнби. Согласно его теории, история есть круговорот сменяющих друг друга локальных цивилизаций, каждая из которых проходит аналогичные стадии возникновения, роста, надлома и разложения. Движущая сила их развития — «творческая элита», увлекающая за собой «инертное большинство». Прогресс человечества заключается в духовном совершенствовании, эволюции от примитивных анимистических верований к единой религии будущего. В духовном обновлении Тойнби видел и выход из противоречий и конфликтов общества. Его основной 12-томный труд «Постижение истории» выходил с 1934 по 1961 год.

В наши дни популярна теория американского ученого Сэмюэля Хантингтона, который предсказывает, что самые острые конфликты ближайшего будущего разгорятся между странами — представительницами разных цивилизаций.

Все эти теории по-своему интересны, однако они не дают ответа на главный вопрос: почему в тот или иной период истории человечества на первый план выходит данный конкретный народ?

Ответа на этот вопрос (и не только на этот) в рамках существующей (то есть официально признанной науки) нет. Но он есть в работах нескольких наших соотечественников, которые не побоялись взглянуть на ход истории и на состояние мировой исторической науки с нетрадиционных позиций. Очень кратко остановлюсь лишь на двух авторах такого рода исследований.

Не настало ли время «другой науки»?

Первым поставил этот вопрос философ Виктор Тростников в статье «Конец науки — начало познания» («Москва», 1993, №1). Она начиналась с констатации ошарашивающего положения: ушла в прошлое настоящая (европейская) наука. *«Возникнув в конце XVII века, она за какие-то два с половиной века... полностью преобразила окружающую нас материальную действительность и в немалой степени изменила нас самих... стала на какое-то время всемирным фетишем, породила грандиозные надежды и мечтания, а затем, не попрощавшись, по-английски, навсегда покинула нас».* Но ведь множество и отдельных лиц и коллективов до сих пор занимается деятельностью, которую они называют научной работой! Да, *«но это лишь обычное*

перенесение популярного термина на вещи, уже не соответствующие его первоначальному смыслу».

Говорят, что европейскую науку породили практические потребности. Но потребности существовали у людей тысячи лет, а наука появилась только на рубеже XVII — XVIII веков и лишь в Западной Европе. Значит, только тогда и там сошлись вместе следующие условия, необходимые и достаточные для ее появления:

1. Осознание себя инициативной творческой личностью.
2. Отношение к умственной работе как к святому делу.
3. Концентрация исследовательского интереса на материальных объектах.

Все три одновременно они до XVII века нигде не удовлетворялись, поэтому не было и науки. Была мудрость, были знания, была систематизация знаний, а науки не было! Аристотель с его необъятной эрудицией и с раскладыванием всего по полочкам — еще не наука, а Роберт Гук с его простеньким законом *«деформация пропорциональна силе»* — уже наука.

Все эти три условия были связаны с христианством, так что возникнуть в странах, которые никогда не были христианскими, наука не могла. Не могла она возникнуть, например, в античном мире, который у нас принято, начиная с эпохи Возрождения, изображать как нечто светлое и прекрасное, как волшебное *«детство человечества»* (Маркс). А на деле античная цивилизация — это был многовековой *«период застоя»*, хотя и довольно пышного. И корни этой застойности уходили в религию. У греков выше всех богов стояли мойры, прядущие нить судьбы, изменить эту судьбу не мог никто, даже сам Зевс. И сутью античного мироощущения был фатализм, что рождало апатию. Этот великий застой угрожал вырождением человека. Души каменели, распространились содомский грех и немотивированные самоубийства, в том числе и в высших слоях общества, утопавших в роскоши. И не предвиделось никакого выхода из этого тупика.

Христианство отменило рок и сделало каждого человека хозяином своей судьбы, да еще какой судьбы — вечной! Он мог теперь сделать более головокружительную карьеру, чем любая карьера на земле — войти в Царствие Небесное. Но это потребует напряжения всех душевных сил. И эта Благая Весть постепенно переродила дикого европейского человека, создав из него *«новую тварь»*. Ранние христиане были максималистами, им нужна была толь-

ко Истина в ее последней инстанции, они носили в своем сердце образ Спасителя. В них и началось то горение, которое необходимо для создания науки.

Однако мощный импульс веры мало-помалу поглощался сопротивлением греховной человеческой природы. И высшей формой познания стало представляться уже познание не Бога, а проекции Бога на материальную вселенную. Но сосредоточиться на изучении этой проекции мешала мысль о Том, Кто проецируется.

Это препятствие устранил послабляющий ортодоксальное христианство прагматичный протестантизм, провозгласивший, что спасает исключительно одна только вера. Веруешь в душе — и этого достаточно, жить же можешь так, как требуют обстоятельства. Работаешь палачом — хорошо руби головы, занимаешься ростовщицеством — дери хорошие проценты, изучаешь свойства материи — отдай этому занятию все свои способности и выкинь из головы все остальное. Веру имей, но помести ее в самую глубину сердца, где она ничему не будет мешать.

В области хозяйственной деятельности эта концепция привела к бурному развитию капитализма, а в области интеллектуальной — к бурному развитию науки. О чем говорит тот факт, что почти все основатели европейской науки были протестантами. Они были не первыми естествоиспытателями, какими их принято изображать, а последними великими богословами. Богословская схоластика средних веков выработала качества души и ума, понадобившиеся потом для создания науки.

Мир управляется религиозно. Поэтому та наука, деятельности которой относились с религиозным рвением к безрелигиозным предметам, по самой своей сути не могла существовать бесконечно долго. Последними ее искорками стали квантовая теория и математическая логика. С тех пор в области физики и математики не появилось ни одной значительной идеи. Бывшая натурфилософия вырождается в технологию, а бывшая царица наук — в программирование. Правда, в биологических дисциплинах идет фейерверк открытий, но это открытия описательного характера, для которых не нужно ни вдохновения, ни самоотречения, а нужны только большие деньги. Но в них у биологии нет недостатка, ибо общество ждет от нее решения единственно волнующей его проблемы, как продлить срок жизни человека и получать максимум телесных наслаждений, не расплачиваясь за них болезнями

вроде СПИДа. На отпускаемые им триллионы долларов лаборатории ведут монотонные наблюдения, чтобы время от времени открыть на клеточном или субклеточном уровне какое-то неизвестное ранее явление. Но никаких философских обобщений увиденного никто уже не делает, ибо это было бы уже познание истины, а воля к такому познанию нашей цивилизацией утеряна.

Тростников оговаривается, как он понимает науку. Образно говоря, Жак Паганель с его крайней рассеянностью и непрактичностью — ученый, а директор современного НИИ, ловко добывающий для своих лабораторий субсидии, — не ученый. Но образ ученого Паганеля ушел из нашей жизни, а с ним ушла и наука. Нынешние работники в сфере производства продолжают называть эту сферу наукой, но это, конечно, никакая не наука. Раз нет ученых, нет уже пафоса познания и горения духа, значит, нет и науки. Это такое же ремесло, как любое другое, — скажем, вставление стекол, хотя более престижное и лучше оплачиваемое.

И как только бывшая наука стала одним из ремесел, в нее хлынули представители неевропейских народов — японцы, индийцы, китайцы и т. д., которых в той, ушедшей в историю, науке не было ни одного. Это еще одно подтверждение того, что та наука была порождена христианством.

В последней фразе нет ничего обидного для нехристианских народов. Ныне уже ясно, что в европейской науке было больше отрицательного, чем положительного. Тем, кто не принимал участия в ее создании, не о чем сожалеть. Да, она породила обеспечившую комфорт технологию, но теперь эта технология так быстро начала уничтожать среду нашего обитания, что вот-вот прикончит не только комфортную жизнь, но и жизнь вообще. А остановить этот процесс наука не смогла, потому что она сделала нашу цивилизацию безбожной, поставив на место живого Бога мертвую материю.

Далее Тростников писал о том, как процесс добывания объективных сведений об окружающем мире с неизбежностью приведет к возвращению ученых к Богу, но это уже отдельная тема.

Дальнейшее развитие темы «другой науки» — заслуга профессора социальной психологии Александра Алексеевича Михайлова, на труды которого я уже ссылался на страницах данной работы. Но прежде чем рассказать о

его новых идеях, напомним один важный эпизод в истории отечественной науки, да и самого Отечества.

2 января 1946 года академик Петр Леонидович Капица направил Сталину письмо вместе с рукописью книги Гумилевского «Русские инженеры», которая была написана по его, Капицы, просьбе. В письме говорилось:

«Мы мало представляем себе, какой большой клад творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли. Из книги ясно: первое — большое число крупнейших инженерных начинаний зарождались у нас; мы сами почти никогда не умели их развивать; третье — часто причина неиспользования новаторства в том, что мы обычно недооценивали свое и переоценивали иностранное. Обычно мешали нашей технической пионерной работе развиваться и влиять на мировую технику организационные недостатки. Многие из этих недостатков существуют и по сей день, и один из главных — это недооценка своих и переоценка заграничных сил. Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом подымать нашу собственную оригинальную технику. Мы должны делать по-своему и атомную бомбу, и реактивный двигатель, и интенсификацию кислородом, и многое другое. Успешно мы можем это делать только тогда, когда будем верить в талант нашего инженера и ученого и уважать его и когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других и на него можно смело положиться. Что это так, по-видимому, доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не сумел проглотить» (цит. по: Мартиросян А.Б. Сталин после войны. 1949—1953 годы. М., 2007, с.168).

Сталин ответил Капице, что в письме академика «много поучительного». Книга Гумилевского вышла в начале 1947 года. Одновременно по указанию Сталина развернулась мощная кампания по борьбе с низкопоклонством перед иностранцами, сыгравшая, при всех ее перехлестах (без которых на Руси не обходится ни одно начинание власти), важнейшую роль в росте нашего национального самосознания.

Но за послесталинские годы это чувство национальной гордости было почти полностью утрачено, и прежде всего вследствие разрушительной деятельности российских либералов, деятелей хрущевской «оттепели», шестидесятников, Горбачева и его окружения и низкопоклонника Ельцина с его командой. И сегодня это чувство упало, можно сказать, до нуля. Тем более ценна позиция Ми-

хайлова, утверждающего, что настал век русской культуры, и никто и ничто в мире не сможет нам помешать занять лидирующее место в ряду других цивилизаций.

Провозвестник всемирной русской славы

Александр Михайлов, недавно отметивший свое 60-летие, по образованию физик. Но в силу сложившихся обстоятельств (о чем речь пойдет ниже) ему пришлось глубоко вникнуть в историю развития науки, и там он нашел много нового и необычного.

Прежде всего, он пришел к выводу, что наше почти всеобщее представление о XX веке как об эпохе невиданного научно-технического прогресса — это глубокое заблуждение. Так, еще лет сорок тому назад известный советский ученый член-корр. АН СССР Е.М. Лившиц заявил с высокой трибуны: *«Полеты в космос являются выдающимся успехом науки»*. На что тогда совсем еще молодой человек, а ныне академик, И.Р. Шафаревич возразил ему: *«В космонавтике разработаны сотни новейших технических решений, но там нет ни одного научного открытия. При чем же здесь наука?»*

И в самом деле, спросите сегодня у любого физика, например, что, по их мнению, представляет собой магнитное поле? Кто из них поумнее, тот промолчит и в ответ лишь пожмет плечами, а все другие, «со знанием дела», ответят, что магнетизм — это особый вид материи. Однако подобное бессодержательное умозаключение, разрабатываемое во всех современных учебниках, недостойно ученого. Официальная наука в настоящее время не знает о природе магнетизма ровным счетом ничего. Но в то же время колоссальное количество технических средств активно использует его, и все это относят сегодня к числу наших «научных достижений».

А каково современное представление человечества о том, как устроены атомы? Оно сродни древнегреческой астрономии двухтысячелетней давности, когда считалось, что Землю нашу окружают сто двадцать хрустальных сфер, по которым катаются звезды. Современные представления о так называемых стационарных орбитах электронов в атоме ничем не лучше хрустальных космических сфер античности. Но, несмотря на все эти околонуточные домыслы, есть у нас сегодня и атомные бомбы, и атомные электростанции, и много других атомных технологий,

выдаваемых за результаты не технической, а научной деятельности.

А вот пример, иллюстрирующий математическое невежество современного человечества. Когда преподаватели в вузах, а теперь уже и в школах, объясняют учащимся, что представляет собою производная функция, то они обычно рассказывают про некую бесконечно малую точку, в которую помещают треугольник. Однако подобное толкование совсем не научное, оно носит сугубо бытовой характер, что является грубейшим нарушением математической аксиоматики. Ведь точка не может быть ни большой, ни маленькой, потому, что данный математический объект не имеет ни одного измерения. Откуда же там треугольнику взяться? И вот прошло уже триста лет со дня открытия дифференциального исчисления, но ничего более логичного, чем этот наивный бытовизм, ученые пока что не придумали. В то же время «Теория бесконечно малых величин» — это самое серьезное достижение современной математики, о котором часто говорят, что весь мир написан на языке интеграла.

Все приведенные выше примеры, иллюстрирующие дремучесть современного человечества, были взяты Михайловым навскидку, а если покопаться в достижениях современной науки как следует, то вполне можно прийти к выводу, что там и конь не валялся. Какой уж тут прогресс, и кто будет разгребать эти авгиевы конюшни, если главное для нас сегодня — это материальная выгода, и свой интеллектуальный потенциал мы используем только для того, чтобы «хапнуть» как следует. Никакая наука сразу же прибыли не дает, и поэтому многих талантливых исследователей сегодня загнали в нефинансируемые общественные организации, до отказа забитые людьми не в себе. И попробуйте тут разберитесь, кто из них ученый, а кто просто больной человек, если как те, так и другие претендуют на способности к «чудесам».

В настоящее время русская наука является двигателем всей земной цивилизации, но при том антиинтеллектуальном положении вещей, которое сейчас сложилось в России, промышленное переоснащение человечества вскоре обязательно захлебнется. А для того, чтобы успешно развиваться, нам необходимы новые фундаментальные познания, но это не выдумывание каких-нибудь модных ныне софистических небылиц и даже не разработка уникальных технологий, а поиск истины, которую способны найти очень немногие.

XX век — это эпоха быстрого технологического прогресса, а наука, как деятельность по открытию новых законов природы, за последнее столетие фактически не сдвинулась с места. Как заметил академик Дмитрий Львов, *«непреложным фактом остается снижающаяся фундаментальная результативность индивидуальных открытий и пионерных разработок последних десятилетий. По-видимому, век великих открытий остался в прошлом. Наступила эра великих «отверточных технологий»* («Завтра», 2006, №47).

В нынешней науке наблюдается та же печальная картина, что и во всех остальных сферах человеческой деятельности. Часто на авансцене и в центре внимания обществу оказываются дутые величины, всевозможные проходимцы, шарлатаны и мошенники. Подлинные же творцы нового знания остаются непризнанными и вовсе неизвестными, а их труды, знаменующие новую эпоху в развитии науки, если и доходят до потомков, получают должную оценку лишь спустя десятилетия. Особенно печально положение ученых-теоретиков. С одной стороны, их теснят софисты (к числу которых Михайлов относит и Эйнштейна, впрочем, мнение о научной некомпетентности этого «нобелевского лауреата» уже становится среди ученых довольно популярной точкой зрения). А с другой стороны, идеи теоретиков немедленно подхватывают и присваивают себе ученые-практики (как наш гений Д.И.Менделеев, о чем речь пойдет ниже), занимающиеся внедрением научных знаний.

В то же время всевозможные академии наук воспринимаются обществом как собрания наиболее авторитетных ученых и как главный двигатель прогресса науки. Но в действительности академики стоят на страже уже полученного знания, и эта их функция очень важная, даже имеющая для науки первостепенное значение. Эта деятельность призвана охранять достигнутый нами уровень познания от дилетантов-авантюристов и психически ненормальных ниспровергателей, которых всегда хватало. Академики совершенно не способны на открытие чего-либо нового, потому что не их эта задача. Прежде всего они являются энциклопедистами, хранителями знаний, и администраторами (директору академического института как бы по штату положено быть академиком).

Современное кризисное состояние науки грозит полной деградацией общества и даже самоубийством человеческого рода. Поэтому время **«другой науки»** действитель-

но настало. И эта наука возникает на наших глазах, но творят ее не академики и даже не младшие научные сотрудники, а, так сказать, «свободные художники», не состоящие в штатах научных институтов и потому не подверженные гипнотическому воздействию ученых авторитетов.

За свою свободу творчества такие новаторы в науке дорого платят. Они отключены от всяких источников финансирования, их труды не принимаются к публикации, а потому подлинные открытия остаются неизвестными обществу десятилетиями. А бессодержательные так называемые научные труды так называемых ученых льются столь мощным потоком, что грозят полностью затопить информационное пространство и тем самым окончательно парализовать движение человеческой мысли вперед.

Приведу краткое изложение только двух фрагментов «другой науки», как она вырисовывается в работах Михайлова, имеющих прямое отношение к нашей теме.

Русская цивилизация — высшее достижение человечества

Именно Михайлов нашел ответ на вопрос, почему смена цивилизаций должна была происходить и происходит в определенном порядке.

С целью обеспечения условий нашего выживания перед человечеством стоит задача познания и последующего преобразования среды своего обитания. Существуют две основные мировоззренческие категории, через которые решается данная задача, это понятия пространства и времени, но они качественно различны.

Пространство — вещественно, то есть **реально**, оно **дискретное**. **Время** — не материальное, а **идеальное** понятие, и оно **непрерывное**.

В связи с принципиальной разнокачественностью этих двух мировоззренческих категорий постигать их совместно, на дохристианских ступенях нашего развития, человечеству не удавалось. Одни цивилизации ставили во главу угла только пространство, другие только время, что было связано с менталитетом того или иного народа, его характером и религией.

Например, Древний Египет в своем мировосприятии был сосредоточен на параметре времени (вспомним строительство пирамид, бальзамирование трупов и обеспечение покойника всем необходимым для загробной жизни

и пр.), а Древнюю Индию интересовало только пространство. Поэтому, как говорил Шпенглер, *«египтянин помнил все, а индус ничего»*. «Пространственниками», подобными индусам, были и древние греки. «Временщиками», подобными древним жителям дельты Нила, были представители арабской культуры, которые, кажется, искренне верили в то, что дорога от Бухары до Самарканда в два раза длиннее, чем путь в обратном направлении.

Так продолжалось до появления христианства, которое, благодаря менталитету принявших его народов и знаниям, накопленным предшествующими культурами, сумело связать воедино пространство и время. Но имеются два способа проделать эту манипуляцию, и потому христианское мировоззрение реализует себя в два этапа (в двух направлениях): в католицизме и в православии.

Западноевропейская католическая культура пространство уподобила времени, то есть сделала его непрерывным, а затем с легкостью соединила эти две мировоззренческие категории. В результате из натурфилософии родилась современная физика — наука о движении. И если бы не христианство, Ахиллес из известного парадокса древнегреческого софиста Зенона так никогда бы и не догнал черепаху. Только европейская наука смогла постичь процесс движения, которое, как мы теперь с вами знаем, есть функция расстояния от времени, и выражается формулой $s = F(t)$, где s — пространство (путь), а t — время.

Теория бесконечно малых величин — вот становой хребет европейской науки: математики и физики. В дифференциальном исчислении к нулю стремится приращение пространства и сопоставляется с таким же бесконечно малым приращением времени. Европейским ученым удавалось создать такой математический анализ, который способен смоделировать процессы плавного **непрерывного** характера. И ему принадлежала ведущая роль в достижениях науки с XVII по XX век.

Но западная наука уже закончила свой жизненный цикл, так как данное мировоззрение и, соответственно, наука, основанная на идее всеобщей непрерывности, решили почти все стоявшие перед ними теоретические задачи, и тем самым они исчерпали себя. Следовательно, умерла и западноевропейская цивилизация в целом. Последней ее социальной «творческой» идеей был нацизм. После этой предсмертной агонии в западном мире идут только про-

цессы разложения, будь то в науке, искусстве, общественных нравах или политике. В настоящее время европейская историческая культура мертва, а ее представители лишились своего творческого начала, стали прагматиками. Политический строй, установившийся в их странах, сейчас представляет собой разные формы олигархической демократии.

И пришла очередь выхода на мировую авансцену для русской православной культуры. Развивая идеи Данилевского и Шпенглера, Михайлов утверждает, что сейчас пришло время для второго этапа реализации христианского мировоззрения. То есть для решения познавательных научных задач вторым способом, связывая время и пространство, где время «пространствоводно», то есть дискретно.

Констатируя неудачи современных физиков, пытающихся создать термоядерный реактор, Михайлов считает, что успеха у них не может быть, потому что в корне неверно само их представление о строении атома. Атомы — это объекты, имеющие дискретные характеристики, и для их изучения «непрерывное» мышление европейцев и их научная методология не годятся. Правда, ученым-физикам удалось создать достаточно лаконичную модель атома — некое подобие Солнечной системы — с ядром в центре и вращающимися вокруг него электронами. Но эта модель атома далека от истины.

Ученые-физики, куда бы они свой взгляд ни обращали, кругом видят только одно движение. Наука физика предлагает рассматривать атом в качестве планетарной системы только потому, что, кроме как изучать движение, она ничего другого делать не умеет.

Атомная физика — это не наука, а сплошная эквилибристика. Вы только вдумайтесь в такое физическое понятие, как **квантовая механика**, да это же ведь логический абсурд. Поэтому Нильс Бор в свое время выдал бредовый аргумент оценки истинности научных достижений: *«Достаточно ли новая теория безумна для того, чтобы быть правильной?»* При таком подходе к науке получается, что настоящие ученые — это завсегда психиатрических клиник, а все остальные (нормальные) люди совершенно не способны к научному творчеству.

Что же нового ввел Михайлов в науку?

Новшество первое. Опираясь на суждения своего учителя, заслуженного деятеля науки и техники, профессора

М.М.Протодряконова, Михайлов считает, что электроны вовсе не нуждаются в непрерывном вращении вокруг ядра. Внутри атома они пребывают в состоянии статического равновесия, и силы, притягивающие их к ядру, уравновешены силами взаимного отталкивания электронов. Но если это действительно так, то в таком случае физики-атомщики занимаются не своим делом, и каких-либо серьезных теоретических результатов от них ожидать не приходится. Согласно выводам Михайлова, успешно исследовать атом смогут только химики, изучающие дискретные объекты — химические элементы, и химия сегодня уже выдвигается на передний край мировой науки.

Новшество второе. Русская культура, так же как и все остальные культуры белой расы, имеет линейное мышление, у католиков оно непрерывное, а у православных дискретное. Физика — это наука, порожденная западным мировоззрением, а наука химия соответствует стилю русского мышления, и берет она свое начало из диалектики. В отличие от физики, химия изучает не движение материи, а ее превращения. Если, например, поджечь железные опилки, смешанные с порошковой серой, то произойдет процесс образования совершенно нового вещества — сернистого железа, со свойствами, каких нет ни у железа, ни у серы.

Для западного человека периодический закон химических элементов представляет собою отражение химического движения материи. А для русских людей — это закон превращения химической материи, где в табличной форме поэтапно изображен процесс эволюционного развития атома. В этом законе связаны воедино пространство и время, но параметр времени здесь представлен в дискретном виде, то есть «пространствоподобным».

Новшество третье. Именно химии придется в будущем решать теоретические проблемы так называемой атомной физики. Но для этого ей необходимо подняться на более высокий уровень своего развития. Науке химии придется создать и освоить совершенно новый математический аппарат, пригодный для описания дискретных процессов. Известный математик и философ академик Н.Н. Моисеев как-то сетовал по поводу отсутствия такого аппарата: *«Если бы в нашем распоряжении были хорошие дискретные модели физических процессов, то, наверное, нам, математикам, не пришлось бы создавать сложнейшие теории разностных аппроксимаций»*. Никита Николаевич считал, что

«подобно тому, как анализ непрерывных моделей создал практически универсальный инструмент для объединения классических физических теорий в единую систему, создание средств анализа моделей дискретной природы будет одним из важнейших элементов синтеза естественнонаучных знаний». Далее он утверждал: *«Еще не найдены способы для описания и анализа дискретных структур. Я думаю, что успехи именно в этой области определяют качественный прорыв в будущее».*

В этой новой математике, предназначенной для изучения неравномерных процессов, так же, как в классическом анализе, будут соединены пространство и время. Но не пространство выразится через времяподобие, а время через пространствоподобие.

В нынешнее время самой актуальной научной проблемой для всего человечества стало изучение дискретных процессов, но кроме представителей русской культуры, никто в мире решить эти задачи не сможет.

Имеется глобальный исторический процесс, который идет, подчиняясь определенным математическим алгоритмам, и он не спрашивает разрешения — ни у Запада, ни у нас. И как бы сейчас ни старалась Европа, какие бы судорожные попытки ни предпринимала с целью удержать ведущие позиции в мире, какие бы козни против России она ни строила, — ничто не может отменить назревшей потребности человечества в переходе к более высокому мировоззрению, которым ныне обладает только русская историческая культура. Современные русские люди — это творцы. В нас заложены высокие интеллектуальные способности, и почти каждый русский человек — это потенциальный ученый, художник или изобретатель. Мы не годимся для нудной однообразной работы, например, у конвейера, и у нас есть определенные трудности по исполнению технологической дисциплины. Правда, такого количества творческих людей при нынешнем устройстве общества не требуется, и большинство нашего народа не находит своего призвания. Отсюда тоска, алкоголизм, наркомания и пр., получившие такое широкое распространение, что это стало угрозой самому существованию нации.

Но можно установить такой строй, при котором каждому, стремящемуся следовать своему призванию, такая возможность будет предоставлена, и он будет установлен. Вот почему **Россия ныне становится авангардом мировой культуры.** Таков главный вывод из теории Михайлова.

Периодический закон химических элементов А.А. Михайлова

Новшество четвертое. Михайлов много лет работал над периодическим законом химических элементов, который Д.И. Менделеев оставил после себя с серьезными недостатками. Так, более трети разновидностей атомов не находят себе места в его знаменитой таблице. В течение ста с лишним лет предпринимались попытки сотен, если не тысяч исследователей усовершенствовать таблицу Менделеева, но они не увенчались успехом, и ученое сообщество, в конце концов, отказалось рассматривать подобные предложения. Словно речь идет не об усовершенствовании всемирно признанного научного достижения, а о какой-то несурзаице вроде идеи создания вечного двигателя.

Но Михайлов понимал, что эти многочисленные попытки ни к чему и не приведут, потому что предпринимались они с негодными для этой цели средствами. Все стремились разгадать секрет периодического закона в рамках химии или физики, тогда как решение данной задачи может быть получено лишь на основе соответствующего математического аппарата. И Михайлов сумел создать такую математику еще в свои студенческие годы, а затем, с ее помощью, он в течение тридцати лет исследовал периодический закон.

В итоге была получена идеальная таблица, в которой каждый атом занимает только ему принадлежащее место. Отпала нужда в графической маскировке прежних неувязок периодического закона и усилились его эвристические возможности. А это открывает громадные перспективы для дальнейшего развития химических технологий. Поэтому тут можно говорить не об усовершенствовании таблицы Менделеева, а об открытии нового **периодического закона химических элементов**.

Попутно была внесена полная ясность в спорный вопрос о первоначальном приоритете в открытии данного закона, о чем пойдет речь ниже.

Новшество пятое. Михайлов установил, что явление периодичности, отмеченное Менделеевым при классификации атомов, является не сугубо химическим законом, а универсальным свойством материи. Это теоретическое предположение Михайлова подтверждается на практике фактом уже давно открытых периодических законов в географии и в геологии, выдающимися русскими учеными

А.А. Григорьевым и А.Б. Наливкиным. Законы эти разные, но они математически связаны друг с другом, и открыто их будет несколько десятков. Поэтому сегодня можно уже говорить о существовании в природе целой системы периодических законов.

Новшество шестое. Михайлову удалось сформулировать, как он полагает, **универсальный закон развития материи**, что является результатом разработки математических начал диалектики. Собственно, с этого все и началось, а таблица Менделеева лишь первоначально послужила ему для проверки правильности алгоритмов для описания процесса развития любой природы. Универсальностью этого математического аппарата и объясняется феноменальный спектр его практического приложения. Так, взявшись за какую-либо область познания (например, за психологию), ранее Михайлову почти неизвестную, он применяет свои алгоритмы и буквально через год получает результаты, каких не могут добиться первоклассные специалисты, подвигающиеся на этом поприще десятилетиями (здесь, в пределах этого краткого очерка, говорить об этих результатах не представляется возможным).

Таким образом, в работах Михайлова заключается то новое слово громадного общечеловеческого значения, которое так необходимо для преодоления нынешнего интеллектуального кризиса и для выхода русской науки на передовые позиции. Не сверхмощные компьютеры и не нанотехнологии выведут Россию в мировые лидеры, а вот это новое слово в науке, составляющее аналитическую основу русского миропонимания.

Некоторые закономерности смены цивилизаций

Новая культура возникает не на пустом месте. В основе ее лежат мировоззрение, религия, ценности, выработанные народом на его историческом пути. Но этот народ, выходя на всемирную арену, впитывает в себя и достижения всех предыдущих культур.

В России до начала XVIII века науки (в том смысле, в каком писал о ней Тростников) не существовало. Петр I учредил Академию наук «*для славы среди иностранцев*» (Энциклопедия «Россия» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. 1898. С.383) и членами ее сделал европейских ученых, которых соблазнил большими деньгами, и они переехали в Россию на заработки. Но замысел его был иной.

«Кто бы мог подумать, братцы, — говорил Петр в 1714 году, — ...тому 30 лет, что вы, русские, будете со мною здесь, на Балтийском море строить корабли и пировать в немецких платьях? Историки... полагают древнее седалище наук в Греции, оттуда они перешли в Италию и распространились по всем землям Европы. Но невежество наших предков помешало им проникнуть далее Польши, хотя и поляки находились прежде в таком же мраке, в каком сперва были и все немцы и в каком мы живем до сих пор, и только благодаря бесконечным усилиям своих правителей могли наконец они открыть глаза и усвоить себе европейское знание, искусства и образ жизни. Это движение наук по земле сравниваю я с обращением крови в человеке: и мне сдается, что они опять когда-нибудь покинут свое пребывание в Англии, Франции и Германии и перейдут к нам на несколько столетий, чтобы потом снова возвратиться на свою родину, в Грецию» (Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Изд. 2, т. 5. М., 1838, с. 261—262).

В то время русская культура переживала период детства и училась у западноевропейской культуры. Но шли годы, и она вступила в подростковый возраст. И тут важнейшую роль в ее становлении сыграл Д.И. Менделеев. Для понимания этой его роли в работах Михайлова приведен короткий исторический очерк.

Родоначальником современной научной методологии был французский математик, физик и философ, Ж.А. Пуанкаре, который установил, что главная функция познания заключается совсем не в поиске новой информации, а в ее обобщении. *«Ученый ищет новые факты — мудрый на известных фактах делает новые открытия»*, — говорит известный афорист В.П. Рычков.

Основываясь на своем постулате, Пуанкаре предложил универсальный метод, позволяющий сравнивать между собою познавательное значение любых научных достижений. Но, — пишет Михайлов, — *«по своей обобщающей способности ничто на свете не может сегодня сравниться с законом Менделеева, который охватывает собою весь вещественный мир, и любые свойства атомов являются функцией их порядковых номеров, присвоенных периодическим законом. А свойств у химических элементов, пожалуй, не меньше чем звезд на небе»*. Кстати, Дмитрий Иванович говорил про свою таблицу, что это *«телескоп... в безграничной области химических эволюций»*.

Тем неожиданнее должен прозвучать вывод Михайлова, основанный на глубококом изучении истории науки:

честь открытия этого закона принадлежит не русскому ученому Д.И. Менделееву, а англичанину Джону Ньюлендсу.

К XVIII столетию человечество накопило достаточно много знаний о нескольких десятках простых веществ, и в 1808 году англичанин Джон Дальтон расположил все известные ему химические элементы в один ряд, по мере возрастания их атомного веса. Незамысловатая с виду систематика Дальтона не только навела определенный общий порядок в нашем представлении о мире атомов, но и в явном виде уже содержала в себе периодический закон химических элементов. Но как «вещь в себе» он существовал еще более пятидесяти лет.

Для того чтобы совершить это великое открытие (периодический закон — самое значительное научное достижение за всю историю человечества, как это сейчас признано в мире), достаточно было лишь разглядеть в линейно упорядоченном ряду химических элементов закономерное повторение кvasцовых свойств (то есть свойств элементов, проявляющихся в растворах).

Следующий шаг к открытию периодического закона сделал французский ученый геолог Александр Эмиль Бегуйе де Шанкуртуа. Он в 1862 году первым заметил, что в ряду ранжированных по массе атомов прослеживается некоторая закономерность. Но его опубликованная статья, по заключению современников, *«была написана таким туманным языком, что трудно сказать, понял ли действительно автор связь между свойствами элементов и их атомными весами»*. И предложенная им таблица осталась в истории науки как «винтовая линия Шанкуртуа».

И только в 1864 году английский ученый Джон Александр Рейна Ньюлендс пришел к выводу, что обнаруженная французом закономерность представляет собой семикратную повторяемость свойств химических элементов, и он опубликовал соответствующую таблицу, которую назвал «Законом октав». Необходимо признать, что этот химик первый определенно указал на периодический характер соотношений, наблюдаемых между свойствами элементов, если их расположить в один ряд по порядку возрастающих атомных весов. Сообщение об этом научном достижении было опубликовано англичанами в журнале «Chemical News» в 1864 году.

Как обычно бывает со значительными интеллектуальными достижениями? Вначале их, как правило, не признают, и это естественно, потому что серьезные научные

открытия противоречат бытующему мировоззрению. Именно по этой причине «Закон октав» Ньюлендса и не был принят научной общественностью того времени, а автора этого великого научного открытия, попросту осмеяли. Присутствующий во время исторического доклада профессор Форстер задал Ньюлендсу иронический издательский вопрос: «*Не пробовал ли distinguished докладчик располагать элементы не по атомным весам, а по алфавиту и не нашел ли бы он при этом аналогичную правильность, как и при расположении элементов по их атомным весам?*» Вопрос вызвал одобрительный смех в зале.

И эта глупая выходка чванливого физика, некомпетентного в вопросах химии, на века очернившая его имя, самым отрицательным образом подействовала на решимость первооткрывателя периодического закона продолжать работу над совершенствованием своего детища. Он «ушел в себя» до 1872 года.

Все, что происходило с периодическим законом после 1864 года, было лишь его детальной доработкой и увенчавшимся головокружительным успехом практическим приложением. В этом архиважном деле и сыграл свою первостепенную роль наш великий соотечественник Менделеев. В частности, ему удалось решить сверхтрудную задачу — как добиться от мирового научного сообщества признания права на существование периодического закона. Не удивительно, что «днем рождения» периодического закона принято считать 18 февраля 1869 года, когда Менделеев составил свой вариант периодического закона, хотя эта его работа не только не была пионерской, но и представляла собою пока еще совсем не таблицу, а некую совокупность символов атомов с их массовыми числами. И это его творение называлось вовсе не законом, а всего лишь «Опытом системы элементов». Никаких порядковых номеров химических элементов, этой главной атрибутки периодического закона, у Менделеева в его таблицах никогда не было.

Но Менделеев не был плагиатором, он не знал о работе Ньюлендса и над своей таблицей работал долго. Эта идея уже носилась в воздухе, и работы Менделеева попали на подготовленную почву. Но все же, как это ни прискорбно, нам, русским людям, необходимо признать, что не Менделеев, а Ньюлендс является первым автором данного открытия.

У Дмитрия Ивановича была очень развита прагмати-

ческая сторона характера, вероятно, поэтому он сразу же и почувствовал, что обнаруженная им закономерность является грандиозным научным достижением. Менделеев в спешном порядке позаботился о своем приоритете, и буквально тут же разослал копию этой своей работы чуть ли не по ста адресам известных ученых того времени. И уже через три недели, то есть 6 марта 1869 года, он устроил так, что на заседании Русского химического общества было заслушано сообщение ученого секретаря Н.А. Меншуткина о предложенной Менделеевым системе классификации химических элементов. (Но и здесь ни о каком законе речи не шло, термин «периодический закон» Менделеев впервые употребил лишь в ноябре 1870 года.)

Когда же до Ньюлендса дошло сообщение о повторном открытии его закона в России, он выслал Дмитрию Ивановичу свои публикации, подтверждающие приоритет Запада на данное научное достижение. Однако слаб человек, и у Менделеева не хватило духу отказаться от грозящей ему всемирной славы первооткрывателя. Дмитрий Иванович слукавил, заявив, что работы Ньюлендса лишь частично содержали его периодический закон, хотя на самом деле все было наоборот. К тому же Менделеев был убежден, что подлинный автор научного достижения — не тот, кто первым открыл новое, а тот, кто показал его практическую применимость. Как говорят в народе, *«не тот отец, кто породил ребенка, а тот, кто его воспитал»*.

Таким образом, приоритет на данное научное достижение закрепился за Россией, а не за Англией. Даже академик Бонифатий Михайлович Кедров, который всю свою жизнь боготворил Менделеева как первооткрывателя периодического закона, в конце концов, был вынужден признать, что не у Менделеева в его «опыте системы», а именно у Ньюлендса *«в законе октав» впервые был установлен факт периодичности свойств элементов при возрастании атомного веса»*.

Англия без особого труда смирилась с потерей приоритета на это величайшее научное достижение, потому что Европа того времени активно занималась развитием рыночных отношений, и ей было не до интеллектуального престижа. Менделеев открыл такие перспективы применения периодического закона, которые обещали огромные прибыли. А ведь буквально полусотней лет ранее Запад был настолько болезненно честолюбив, что даже не гнушался присваивать себе чужие научные достижения. Так,

лидерство нашего М.В. Ломоносова в разработке теории атомистики было приписано англичанину Дальтону, а приоритет Михаила Васильевича на открытие основополагающего для науки Закона сохранения вещества был отдан французу Антуану Лавуазье.

Громадная заслуга Менделеева заключалась в том, что он упорно отстаивал свой периодический закон, который далеко не сразу был принят научной общественностью. Ведь тем, кто первыми сумели сформулировать этот закон, еще, как минимум, двадцать лет никто не верил. Ньюлендса подняли на смех, и он отступил. А Менделеев, хотя его периодическую систему ученые называли не иначе как *«предвзятой спекулятивной конструкцией»* и *«примером неприемлемой в науке голой спекуляции»*, неумоимо продолжал свое дело, непрерывно совершенствуя свой закон. Несмотря на все насмешки и оскорбления, он не отступил и сумел преодолеть многолетнее отчаянное сопротивление всегда консервативно настроенной научной общественности. Однако основная заслуга Менделеева перед наукой заключается в том, что он превратил «Закон октав» Ньюлендса из умозрительного теоретического построения в широко применимый на практике «Периодический закон химических элементов». Что же касается вопроса о приоритете, то этот спор здесь носит чисто риторический характер и подобен тяжбе за родительские права между теми, кто произвел ребенка на свет, и теми, кто его воспитывал.

Кстати сказать, по мнению Михайлова, многие, в том числе и некоторые великие открытия науки надо отнести к преждевременным, потому что человечество, при нынешнем его нравственном состоянии и господстве рыночных отношений, не сумеет ими разумно распорядиться. Создание ядерного оружия, которое может привести к уничтожению всего живого на Земле, — яркое тому подтверждение. Вот и открытие Менделеева послужило толчком к бурному развитию химии, которое привело к тому, что «плюс химизация» отравила окружающую среду, опять-таки поставив под вопрос само существование рода человеческого. Это, конечно, не вина Менделеева, и прогресс науки не остановить, но рынок с его алчностью и спешкой, не позволяющей подумать о возможных последствиях применения того или иного открытия, извращает самые благородные идеи и устремления ученых-первооткрывателей.

Подростку для его самоутверждения бывает очень важно почувствовать себя взрослым, ради этого он часто идет на обман. То же происходит и с культурами. Когда открытие Менделеева было признано всем миром, подростковая русская культура почувствовала себя взрослой. И с этого времени она осознала, что культура Запада уже не только не образец, а стала тормозом в развитии отечественной мысли. Менделеев поднял знамя национально-освободительной борьбы русских в области науки (и не только науки, как я уже писал на страницах «МГ» в статье «Гений русской экономической мысли»). Вот почему так велика роль Менделеева в становлении русской культуры.

Как стать здоровым без врачей и лекарств

В предыдущей главе я писал о безлекарственной медицине, когда больные в клинике получают исцеление благодаря применению новейших информационных технологий, не употребляя таблеток и микстур. Но еще более важным шагом и громадным достижением отечественной культуры станет переход от безлекарственной медицины к безлекарственному образу жизни. Тогда каждый человек, желающий избавиться от мучающих его болезней и предотвратить появление новых болячек, сможет сам, без врачей и без лекарств, стать здоровым. Для этого он должен научиться использовать те механизмы саморегуляции, которые природа (или Бог) заложили в организм человека. Остановлюсь лишь на одном из таких механизмов, воспользовавшись изложением основы здорового образа жизни в книге Юрия Вилунаса (пусть читатель не пугается ее названия, тем более, что оно не выражает сути метода) «Рыдающее дыхание — здоровье без лекарств» (М. — СПб. 2008).

Вилунас от рождения был слабого здоровья, много лет сильно болел, принимал лекарства в огромных количествах. В итоге оказался на грани смерти и умер бы, если бы и дальше следовал рекомендациям врачей. Но случайно он наткнулся на «рыдающее дыхание», и это его спасло. Главная его заслуга — в том, что он первым публично сказал о назревшей революции в науках о человеке и обществе, которые слишком увлеклись социальными факторами, специфическими для человека, и забыли о факторах природных, физиологических, общих для людей и животных. Ему удалось восстановить принцип возврата

к инстинктивному, правильному природному дыханию, и в этом ценность книги. Итак, вот ход его мыслей.

В настоящее время трудно найти здорового человека. Подавляющая часть населения, в том числе и молодые — это больные люди.

Основной упор в оздоровлении населения врачи делают на лекарства. Но это самый гиблый вариант. И понятно, почему:

Лекарство не даст умереть,
Но и сделать здоровым не может.
Врачи лечат нас всю жизнь,
Оставляя полубольным-полуздоровым.
Причина этого в том,
Что, спеша нам на помощь,
Врачи лечат всего лишь симптом,
Но никак не причину болезни.

Как только кончается действие лекарства, боли и повышенное давление появляются снова, а с возрастом — все чаще и чаще. Приходится принимать новые, все более сильные лекарства, и все больше. Но это уже бесполезно: болезни становятся неизлечимыми. И последние 10—15 лет жизни больной без лекарства уже не может сделать и шага, возможны инсульты и инфаркты, инвалидность, слепота, гангрена, ампутация ног и т. д. — и преждевременная смерть (мужчины в России живут в среднем 58 лет, женщины — 65).

А как обстояло дело в историческом прошлом, когда люди жили, ощущая себя органичной частью природы? Они пользовались всеми механизмами оздоровления на уровне инстинкта. Надо было, например, человеку подышать ртом — он так дышал; захотел почесаться — почесывался, хотел зевнуть — зевал, чихнуть — чихал и т. д. (в природе, как известно, условностей не существует).

Но с развитием общества и цивилизации, особенно с выделением «элиты», такие условности стали появляться. Стало неприлично в обществе зевать, почесываться, чихать, потягиваться, дышать ртом, громко кричать и т. д. Введя правила «хорошего тона», «этикета», «приличного поведения в обществе», человек отсек себя от природных механизмов здоровья и, естественно, стал болеть. А когда он стал болеть, то начал искать лекарства: раньше это были травы, теперь — химия.

В Священном Писании упоминаются личности, жившие, согласно преданию, 500—600 лет и более. С уверен-

ностью можно сказать, что если были такие долгожители, то они хорошо знали законы природы и жили в соответствии с ними. Значит, поиски, которые ведут в настоящее время специалисты от медицины (имеются в виду разработка чудодейственных лекарств, а то и замена отдельных органов, словно человек — робот), совершенно бессмысленны и бесперспективны.

Но как обойтись без этих поисков, если современные люди болеют? А почему они болеют? Одна из причин — неправильное дыхание, порожденное отступлением от природных законов.

Дыхание — главное условие жизни и регулятор всех процессов в организме, без воздуха человек не может прожить и несколько минут. Но люди могут дышать правильно и неправильно. Последние научные исследования показали: правильным может считаться только такое дыхание, при котором в организме поддерживается оптимальное соотношение углекислого газа и кислорода в пропорции 3:1. Только при шестипроцентном содержании углекислого газа в крови кровеносные сосуды раскрываются полностью и обеспечивают беспрепятственное движение крови по ним. И никакие холестериновые бляшки и прочие препятствия для тока крови, которыми дурачат нас кардиологи, при этом не могут возникнуть, а значит, не может быть ни инфарктов, ни инсультов. Только при таком газообмене весь кислород, который вы вдохнули, без всяких проблем попадает в клетки органов и мышц, обеспечивая наилучший обмен веществ и высокий уровень здоровья. А при нарушении этого соотношения молекулы кислорода слишком прочно оказываются связанными с гемоглобином крови, никак не могут преодолеть такую прочную сцепку и попасть в клетку. В итоге при наличии в организме даже более чем достаточного количества кислорода возникает явление кислородного голодания клеток, что и вызывает сбой в работе как отдельных органов, так и организма в целом.

Избежать этого можно при правильном, природой предписанном дыхании. В последние годы появилось много методик, имеющих целью выработать правильное дыхание, но это все было дыхательными упражнениями.

Здоровые люди, то есть люди с правильным дыханием, в лекарствах вообще практически не нуждаются, так как у них в режиме саморегуляции организм сам постоянно нормализует обменные процессы. Значит, и больные люди

могут легко и быстро отказаться от лекарств, если начнут сами регулировать обменные процессы, научившись рыдающему дыханию. Почему оно так названо?

Этот идеальный вариант дыхания приводится в действие самим организмом во время плача. Он быстро нормализует состояние человека, снимает стресс, успокаивает. В народе это давно заметили (отсюда совет: «*ноплачь — полегчает*»). Секрет этого оздоровительного воздействия — в особенностях дыхания, которое появляется при плаче:

вдох и выдох делаются только ртом;

выдох продолжительнее вдоха.

Но если человек просто начнет заставлять себя соблюдать эти условия, он только повредит свои легкие. Для того, чтобы овладеть правильным рыдающим дыханием, нужно использовать приемы, изложенные в книге Вилунаса.

С позиций официальной медицины, невозможно понять и объяснить, почему в процессе рыдающего дыхания, буквально за считанные минуты, происходят такие разительные улучшения (нормализуется давление, снимаются боли). Теперь это стало понятным: рыдающее дыхание — данный человеку самой природой идеальный механизм, призванный создавать оптимальное соотношение углекислого газа и кислорода в пропорции 3:1 и, значит, снимать препятствия для доставки кислорода к клеткам органов.

Нормально человек должен дышать и дышит носом. Но вот какой парадокс: когда больной при использовании рыдающего дыхания начинает дышать ртом, его состояние немедленно улучшается. Но когда он снова переходит на обычное носовое дыхание, состояние его снова ухудшается (давление может повыситься, появляются головная и сердечная боли и т. д.). Это происходит потому, что все больные дышат носом неправильно, и требуется эту неправильность исправить. Вот для этого и нужно рыдающее дыхание в течение нескольких минут. А когда благодаря этому неправильность устранена, можно снова переходить на носовое дыхание, уже правильное — не бесшумное (а слышимое, с легким «сопением»), с выдохом продолжительнее вдоха.

Вилунас ошибся в самой постановке проблемы. Не рыдающее дыхание позволяет исцеляться без лекарств и врачей, а нормальное, природное носовое дыхание. А рыдающее дыхание — лишь инструмент, который позво-

ляет преобразовать неправильное носовое дыхание в правильное. И этот инструментарий он разработал, хотя, видимо, и не для всех жизненных ситуаций (скажем, при необходимости перейти от состояния возбуждения к состоянию покоя должны применяться одни приемы, а для перехода от спокойного состояния к энергичному действию — другие). Рыдающим дыханием человеку надо заниматься, допустим, минут 20 в день, а все остальное время суток он дышит природным дыханием. Так что правильнее было бы назвать книгу (если говорить не о форме, а о существе) «Природное дыхание — здоровье без лекарств, и рыдающее дыхание — инструмент для этого».

Отличие рыдающего дыхания от других систем, которых появилось очень много, в том, что оно заложено в организме самой природой, а не придумано человеком, как все прочие дыхательные системы (дыхание йогов, система Бутейко, «Самоздрав», цигун, ребефинг и т.п.).

Что же лечат рыдающим дыханием?

Опыт тысяч исцелившихся людей показывает: самые разные болезни. В особенности такие, как сердечно-сосудистые заболевания (ишемия, стенокардия, аритмия, мерцательная аритмия), гипертония и гипотония. Успешно лечатся им бронхиальная астма, болезни почек, печени, поджелудочной железы, язвы желудка и двенадцатиперстной кишки, остеохондроз, пародонтоз, артриты, аллергия и многие другие. Предполагается, на основе нескольких случаев исцеления также излечиваются и туберкулез, и рак. Ведь они имеют одну общую причину — нарушение обмена веществ и соответственно одно общее средство излечения — нормализацию обмена веществ с помощью правильного рыдающего дыхания.

Понятно, что в таком контексте проблема излечения болезней упрощается, причем до невероятной степени.

Тот факт, что это открытие произошло не в какой-то другой стране, а именно в России, тоже не случаен. Русский народ всегда отличался высокой духовностью, чело-веколюбием, благородным стремлением к решению гуманистических задач мирового значения, готовностью поделиться своим опытом с другими народами.

Кроме рыдающего дыхания, предметом естественной медицины, как она понимается Вилунасом, являются следующие механизмы саморегуляции:

1) импульсный самомассаж (то есть те естественные поглаживания, почесывания, которые каждый человек

совершает много раз в течение суток), это стимулирование тех биологически активных точек на коже, которые связаны с тем или иным органом, нуждающимся в помощи;

2) естественное питание (прием пищи не по диетам, не в заранее определенные часы и по заранее определенной методике, а сообразуясь только с естественными желаниями организма);

3) естественные движения (то есть движения, многократно совершаемые каждым человеком в течение суток: легли, сели, встали, пошли, побежали — только тогда, когда этого хочет сам организм), для большинства людей они бывают полезнее, чем занятия спортом;

4) естественное чередование физического и умственного труда;

5) естественное чередование нагрузок и отдыха;

6) естественный ночной отдых, то есть такой, когда сон сочетается с периодическими естественными пробуждениями (так называемая бессонница), их надо использовать для занятий рыдающим дыханием, для импульсного самомассажа, энергичных естественных потягиваний и т.п.

Чтобы быть здоровым, надо владеть этими механизмами естественной саморегуляции в комплексе так, чтобы каждый из них органично сочетался со всеми другими подобными механизмами, не мешая ни одному из них проявляться в полной мере.

Я не стал бы рассказывать об этой системе, если бы не проверил ее на себе. За два года до этого я перенес два инфаркта миокарда, причем первый был весьма обширным, после таких поражений сердца выживает только один из пяти пациентов. Естественно, мне были прописаны лекарства — в день нужно было принимать их целую пригоршню. А после недели занятий (в день раза четыре по пять минут) я полностью отказался от лекарств. Когда артериальное давление повышается, прибегаю к рыдающему дыханию. После пяти минут занятий давление снижается на 10 — 15 — 20 миллиметров. Если этого мало, упражнение можно повторить. Когда нужно остановиться, организм подскажет сам — давление слегка повысится. Значит, стоп, большего снижения ему не требуется. Не могу не сказать о радости, которую я испытал, когда у меня (в 80 лет!) открылось правильное носовое дыхание. Ощущение было такое, будто я после целой жизни в душной комнате впервые вышел на свежий воздух. Убежден, если бы я знал о рыдающем дыхании раньше, то инфаркт-

тов у меня и не было бы. Но, как говорит Вилунас, тем у кого уже был инфаркт или инсульт, использовать его метод не рекомендуется. Мои часто болеющие близкие, которым я советовал использовать этот опыт, с разной степенью серьезности отнеслись к этому, и потому результаты их занятий тоже оказались количественно различными, но у всех — положительными.

Мой опыт занятий рыдающим дыханием по времени слишком мал, чтобы я рекомендовал его другим, но не рассказать о нем нельзя, возможно, для многих людей это шанс на спасение. Если развить этот случайно найденный механизм, возможно, он станет важным шагом на пути к выводу русской культуры в мировые лидеры и в области здравоохранения, точнее даже — здравовосстановления (более того — здороворазвития). Но официальная медицина этого открытия не признает. Такой консерватизм и косность медицинских работников дорого обходятся и науке, и обществу. Но кроме консерватизма, тут сказывается также и противодействие фармацевтических компаний, годовой оборот которых в мире исчисляется сотнями миллиардов долларов, и они не хотят терять свои громадные прибыли.

Из того, что здесь сказано о естественной медицине, вовсе не следует, что привычная нам медицина и врачи не нужны. Напротив, и медиков нужно больше, и ассигнования на здравоохранение нужно увеличить. Но врачам нужно самим овладеть методами естественной медицины и пропагандировать их среди населения. Если естественная медицина и получит признание медицинской общественности, все равно значительная часть пациентов не захочет работать над собой, а будет полагаться на целительную силу таблеток. К тому же врачам будет много работы в период эпидемий, никакие методы естественной медицины не избавят от необходимости хирургического вмешательства при травмах и пр. Так что работы хватит на всех, кто причастен к делу народного здоровья.

Вот некоторые из тех открытий, которые знаменуют прорыв русской культуры на ведущие позиции в мире в науках о природе (химия) и о человеке (природное дыхание). Очень хотелось бы рассказать и о прорыве в науке об обществе, но, к сожалению, там полнейшее засилье архаистов, и есть лишь некоторые намеки на скорый пересмотр устоявшихся предрассудков. Укажу на одну-две из таких попыток.

Великое дело для «архивных юношей»

Героиня романа Пушкина «Евгений Онегин» Татьяна Ларина, как известно, вышла замуж за генерала и князя и вступила в высший свет. И вот «*архивны юноши толпою на Таню чопорно глядят...*».

Кто такие «архивны юноши»? Это группа молодых московских дворян, служивших в 20-е годы XIX века в архиве Министерства иностранных дел. Часть их стала основоположниками «славянофильства» — первого идейного течения, резко выступившего против преклонения российской интеллигенции перед Западом и за самобытность русской мысли.

Страна без истории. В России до сих пор настоящей исторической науки нет. Многие страницы истории России фальсифицированы — либо своими борзописцами-приспособленцами, либо враждебно настроенными к нам кругами Запада. И результатом воспитания русских людей на антирусских «исторических трудах» и учебниках мог быть только комплекс неполноценности русского народа. Создание и упрочение этого комплекса было важнейшим условием порабощения России Западом, а в конце XX века — развала СССР. Это был новый вид «сетевых» войн — информационных, финансовых, идеологических и психологических, к которым ни СССР, ни тем более нынешняя Россия оказались совершенно не готовыми. Пока комплекс исторической неполноценности России не будет нами изжит, о возрождении России как великой державы нечего и думать.

Россия так и осталась без объективной собственной истории, хотя вообще понятие об объективной истории весьма относительно, каждая эпоха истолковывает исторические события по-своему. И дело здесь не только в историках-конъюнктурщиках — народ, время требуют такой, а не иной трактовки прошлого. Надо было разрушить старый строй — и люди жадно ловили разоблачения преступлений минувших дней, другой трактовки событий они бы не приняли. Настало время созидания — и те же люди с одобрением воспринимают разоблачения недавних разоблачителей, одна историческая мифология сменяется другой мифологией. Но какой-то баланс необходим, и он со временем устанавливается — до следующего исторического поворота.

Начало прорыва. Непосредственным поводом для написания этих заметок послужила статья А.Прозорова «Ис-

тория» против России» в газете «Завтра» (2006, №51), в которой опровергаются мифы, утвердившиеся благодаря идеологическим диверсиям Запада.

Так, три века ига монголо-татар преподносятся как время покорности русских. На деле новгородские ушкуйники за время «ига» многократно захватывали города Орды, в том числе и ее столицу Сарай.

Пишут, что до Петра I Русь была отсталой. На деле же именно Россия в XVI — XVII веках снабжала всю Европу передовым вооружением — пушками и мушкетами.

А наши учебники исходят из принципа: все, что говорится про Россию мерзостного, — правда. Все, что говорится хорошего или вразумительного, — ложь.

Вы не верите Прозорову? Почитайте исследования историков Михаила Саяпина и Дмитрия Зенина, где найдете еще более поразительные факты.

А вот еще два примера того, как искажаются исторические факты, — это уж из моих исследований.

Правда об опричнине — вопреки клевете. Уже почти 450 лет спорят ученые, кем же был Иван Грозный — гением или злодеем, создателем или разрушителем российского государства. Так получилось, что царь, до начала XIX века почитавшийся как самый славный из российских государей, предстал в курсах истории кровожадным деспотом и злодеем. Не поняты и проведенные им реформы, в особенности учреждение им в 1565 году так называемой опричнины.

Умный, разносторонне одаренный, начитанный, глубоко верующий Иоанн глубоко проникся идеей о Божественном происхождении и высоком назначении царской власти как гаранта справедливости и в 1547 году провозгласил себя царем, что сразу же подняло его над прочими князьями на недостижимую высоту. Однако и после этого царь, видя бесчинства бояр и угнетение ими народа, понимая, что страна при таких порядках придет к гибели, ничего с этим поделать при существовавших порядках (местничество и пр.) не мог. Поэтому он совершил в 1565 году государственный переворот, разделив Русь на опричнину — удел самого царя, и земщину, управляемую Боярской думой. Опричниной называлась и организация, созданная Грозным, как разъясняется историками, *«для борьбы с предполагаемой изменой в среде знати»*.

Историки немало потрудились над обличением опричнины: *«...Это был какой-то орден отшельников, подобно*

инокам... царь устроил дикую пародию монастыря, подобрал три сотни самых отъявленных опричников, которые составили братию, сам принял сан игумена... за трапезой, когда веселая братия обедалась и опивалась, царь за аналоем читал поучения отцов церкви о посте и воздержании...»

Многие историки не поняли политического смысла опричнины, потому что рассматривали ее изолированно, вне связи с давней традицией русской мысли — стремлением государства обеспечить правильное миропонимание, правильную веру всех жителей.

Грозный был убежден, что государь в ответе за благочестивую веру и благочестивую жизнь своих холопов, каковыми он считал и смердов, и священников, и бояр, и князей. И опричники должны были стать религиозно-просветительским полумонашеским рыцарским орденом и одновременно военной организацией на страже правильной идеологии народа, особенно «верхов». Для этого опричники должны были быть поставлены выше любого из подданных царя, даже боярина и князя.

А в чем нравственное значение опричнины? Царь, в соответствии со своей концепцией христианской государственности, жаждал построить государство на основах справедливости и братства всех людей. Все опричники — братья, и царь — старший брат для всех них. И постепенно эти братские отношения надо будет распространить на всю Русь.

Замысел опричнины был ложным в своей основе. Никакая государственная организация не в состоянии обеспечить правильное миропонимание и правильную веру человеческой личности. Христос обращается к каждому человеку, который свободен в своем выборе, в определении собственной судьбы. Человек может откликнуться на Его призыв, принять его или отвергнуть. «Загнать железной рукой человечество к счастью» никому не удалось и никогда не удастся. «Христианское государство», где все живут по закону любви, невозможно. Но как попытка приблизиться к высокому идеалу, отвечающему глубинной потребности русской души, начинание Ивана Грозного имело продолжение и в создании Николаем I корпуса жандармов, по замыслу призванного осуществлять прежде всего духовно-просветительскую миссию, а уж затем — охранительную и карательную, и в стремлении коммунистов поставить всю духовную жизнь в СССР под контроль государства.

Тайна и урок «военных поселений». Эта система замышлялась Александром I как подлинная революция в экономике, общественных отношениях и военном деле, которая приведет к совершенно новому государственному строю в России. Александр все более убеждался в том, что крепостное право — главная причина технического и экономического отставания России, и его необходимо отменить. Но он знал, чем грозит лично ему такая инициатива. Поэтому Александр решил идти к своей цели постепенно.

Идея совмещения обычной хозяйственной деятельности крестьян и военной службы носилась в воздухе, ее разрабатывали и в Пруссии, и во Франции. В России, всегда жившей «боевым строем», тенденция к милитаризации труда никогда не исчезала. В XVI — начале XVIII века у нас существовало целое служилое сословие — стрелецкое войско. Стрельцы жили в слободах, в свободное от службы время занимались ремеслами и торговлей.

И Александр выработал тайный план ликвидации крепостного права в России.

Ведь если создать военные поселения на месте помещичьих имений, то крестьяне, одновременно ставшие и солдатами, перестают быть крепостными. А помещики становятся офицерами. Помимо того, что уничтожаются крепостные отношения, армия становится еще и дешевой, ее не надо кормить за счет государства, потому что солдаты-крестьяне сами себя прокормят.

Но, чтобы не восстанавливать против себя помещиков, Александр решил, что начать надо с казенных крестьян. Когда полоса военных поселений протянется через всю Россию, царь сможет опереться на эту своего рода опричнину, и ему уже не страшны будут никакие дворянские заговорщики.

Осуществлять этот свой план Александр и поручил Аракчееву. Александр не раз бывал в имении Аракчеева, и его приводило в восхищение то, что он там видел.

Аракчеев, получив большое имение, поставил себе правилом: хозяйство должно служить не его обогащению, а улучшению благосостояния крестьян, вверенных ему Богом и царем. И он решил осчастливить своих крестьян — заставить их неустанно работать для собственного их блага и избавиться от пороков, в первую очередь от пьянства. Ту же цель он поставил и при устройстве военных поселений.

Вместо обычных российских запущенных деревень Аракчеев создавал новые. Он прокладывал шоссе и вдоль него ставил ровными шеренгами, на равном расстоянии друг от друга новые, чистые, просторные избы, на каменном фундаменте, к которым вели аккуратные дорожки. Дороги и пруды обсаживались деревьями.

У Аракчеева каждый, даже самый бедный, крестьянин должен был иметь хотя бы одну здоровую лошадь и несколько коров. Если скотина подыхала, вотчинный голова обязан был немедленно заменить ее или купить новую, в противном случае нерадивые наказывались. Графу представляли списки женихов, и после проверки знания молитв парням разрешали свадьбу. Бедным женихам и невестам оказывалась помощь. Предписывались и правила содержания младенцев матерями, чтобы снизить детскую смертность и заболеваемость. И на любой случай жизни у Аракчеева были разработаны инструкции, за крестьянами велся неустанный надзор. Суд над провинившимися граф творил сам. Быт крестьян улучшался, достаток увеличивался, но они проклинали своего благодетеля, поскольку каждый шаг их жизни контролировался, и они чувствовали себя как в тюрьме.

Именно в Грузии, имении Аракчеева, Александр увидел воплощение того, что он хотел бы иметь в военных поселениях. И вот солдаты принялись за строительство всего необходимого для своего жительства и одновременно — за земледелие. Земледельцами они оказались неумелыми, особенностей здешних почв не знали, выданный им скот, купленный за большие деньги за границей, погубили. Лишь к 1812 году их быт кое-как наладился, и Аракчеев доложил царю, что все идет хорошо.

После Отечественной войны военные поселения появились в Новгородской, Петербургской, Херсонской и других губерниях. Эти военные поселения организовывались иначе, чем довоенные. Солдат селили в избы местных жителей, которые не изгонялись на чужбину, а зачислялись в военные поселяне и распределялись по ротам. Это позволило быстро увеличить численность поселенных войск до 750 тысяч человек. Александр намеревался перевести на эту систему всю армию, создать «государство в государстве», и считал это главным делом своей жизни.

Аракчеев со всей душой отдался делу устройства военных поселений. Как и в своем имении, он хотел благо-

детельствовать поселенцев, сделать их счастливыми — так, как он понимал их счастье. Его образ мышления был типичным для властвующих в России. Властитель — это отец и благодетель, а подвластные — неразумные дети, не знающие собственного блага и потому требующие неустанной заботы и опеки со стороны властей.

Аракчеев смотрел на свою деятельность как на дело чрезвычайной государственной важности. Он стремился создать оазис чистоты, порядка и культуры в России, своего рода русский фаланстер, военно-рабочую коммуны, в которой человек не принадлежал себе, а был ее частью. Но у поселян не было даже той свободы, какой пользовались крепостные и даже рабы. У них он отнял личную жизнь и всю жизнь обратил в службу. И за малейшее отступление от установленного порядка следовали наказания.

Аракчеев в службе не жалел ни себя, ни других. Он не принимал во внимание того, что русский крестьянин не может работать равномерно в течение года, исторически так сложилось, что в силу суровых климатических условий он должен выполнять большой объем работ в страду, а затем ему необходимо расслабиться. Аракчеев же требовал от поселян упорного труда ежедневно, причем работа чередовалась со строевой подготовкой.

Аракчеев добился хорошего продовольственного и хозяйственного обеспечения поселенных войск, заботился об обучении поселян грамоте. Там не знали, что такое нищенство, бродяжничество, пьянство. Обедневшим, пострадавшим от стихийных бедствий оказывалась помощь. Но каторга все равно оставалась каторгой.

Александр не раз посещал военные поселения. Аракчеев знал о его приезде заранее, и поселяне, в соответствии с разработанным порядком, приветствовали царя радостными криками. Поэтому он, убежденный в благоденствии военных поселенцев, был удивлен Чугуевским бунтом 1819 года, но не увидел в нем грозного предзнаменования.

После смерти Александра Аракчеев подал в отставку. Управление военными поселениями перешло к генералу Клейнмихелю.

А в 1831 году в военных поселениях Новгородской губернии вспыхнул новый бунт, который был подавлен. Но с этого времени начался закат военных поселений. Аракчеев этого уже не увидел, он умер в 1834 году. Но военные поселения были ликвидированы лишь при Александре II в 1857 году.

Почему возникали эти бунты? Лучше всех разобрался в этом писатель Глеб Успенский. По его наблюдениям, крестьянин, как бы бедно он ни жил, в своей хозяйственной деятельности был творцом. (Успенский даже писал о «*поэзии крестьянского труда*».) Крестьяне могли выдерживать любые напасти и лишения, но когда Аракчеев вторгся со своими инструкциями в святая святых земледельцев, стал за них определять, когда им пахать и сеять, мучения стали невыносимыми.

Поэтому главный урок, который следовало бы извлечь из опыта военных поселений, заключается в том, что даже самая благая идея, тем более заимствованная из-за рубежа, если она не отвечает духу русского человека, неизбежно будет посрамлена, и дело кончится провалом. К сожалению, сколько руководителей ни сменялось с того времени в России, этот урок почему-то остается невостребованным, и страна вновь и вновь попадает из огня да в полымя, как в наши дни она оказалась в глубоком кризисе вследствие антинародной политики либеральных реформаторов.

Нужен подвиг. Желающих взяться за разработку подлинной истории России пока не видать, хотя сейчас открываются невиданные ранее возможности доступа к подлинным историческим документам. Где вы, «архивные юноши» наших дней? Вас ждет подвиг во имя Родины и истины.

Но даже если Россия утвердит свое первенство в мировой науке, но не преодолеет экологическую катастрофу, это страну не спасет. В следующей главе обратимся к экологической проблеме страны.

Продолжение следует

Олег ПЛАТОНОВ

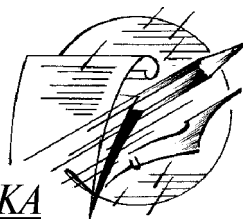
РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

Встречи с митрополитом Иоанном. — Духовный вождь русского народа. — Его отношение к личности старца Григория Распутина. — Союз православных братств. — Приглашение на Комиссию по канонизации святых Русской церкви. — Беседы с владыкой. — В особняке петербургских митрополитов на Каменном острове

С особым трепетом приступаю к главе о встречах с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Иоанном. Их было всего несколько, но в моей жизни они сыграли ключевую роль, ибо именно на них окончательно утвердилась идеология моих работ, а огромный материал, собранный мною за десятилетия исканий, исследований и путешествий, обрел законченную форму. Все лучшее, что было сделано и написано мною с 1992 года по сей день, носит влияние мысли митрополита Иоанна.

В XX веке Россия обрела двух величайших православных подвижников, один из которых открыл XX век, другой прославился на его завершении. Первый, святой Иоанн Кронштадтский, предупреждал русский народ о грозящей катастрофе, указывая на ее виновников, вто-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

рой, митрополит Иоанн (Снычев), обозначил пути выхода из этой катастрофы.

Свое духовное служение митрополит начал в 19 лет. Вначале ему было очень трудно. Физически слабый и больной, преследуемый насмешками сверстников, он стал объектом нападок обозленных на него начальников-безбожников. Одна еврейка-врач пыталась отправить его в дом для умалишенных. Его спасло покровительство епископа Мануила (Лемешевского). Будущий митрополит помогал ему в составлении многотомного «Списка русских епископов за 60 лет. 1897—1956 гг.».

Преодолевая физическую немощь, владыка Иоанн через непрестанный, кропотливый труд получил блестящее образование, стал магистром богословия и доктором церковной истории. Мудрый, предельно простой в общении, глубокий и тонко чувствующий человек, владыка Иоанн стал для миллионов верующих источником чистоты православной веры, лучом света посреди тьмы, надеждой на возрождение Святой Руси. С первых выпущенных им статей мощно и убежденно над всей нашей страной зазвучал голос Духовника, Проповедника России, истинного сына нашего Отечества.

С того момента, когда владыка прибыл на служение в Санкт-Петербургскую епархию, он стал главным духовным наставником и водителем современной России, в проповедях и книгах которого содержались ответы практически на все вопросы, которые тревожат русского человека.

Первые статьи владыки Иоанна я прочитал в 1992—1993 гг. в патриотических газетах и журналах «День», «Советская Россия», «Наш современник», «Молодая гвардия». Его статьи передавались у нас из рук в руки, зачитывались до дыр. В этих статьях четко и емко выражалась суть происходящего в нашей стране.

Принимая огонь на себя, владыка Иоанн повторил путь святого Иоанна Кронштадтского. Подобно великому святому митрополит Иоанн указал на корни многих бед России. По его мнению, они уходят в Талмуд и еврейский религиозный экстремизм. Иудейский, антихристианский экстремизм, считал митрополит, оставил в русской судьбе страшный, кровавый след. Еврейский экстремизм есть отражение в мире богоборческой ненависти сатаны к Богу нашему Иисусу Христу.

В доказательство митрополит Иоанн приводил нам

выдержки из Талмуда: «Еврейский народ достоин вечной жизни, а другие народы подобны ослам»; «Евреи, вы люди, а прочие народы не люди...»; «Одни евреи достойны названия людей, а гои... имеют лишь право называться свиньями». Подобным утверждениям Талмуда, выводящим деятельность иудеев за рамки нравственных оценок и лишаящим их каких бы то ни было этических и моральных норм в общении с другими народами, талмудизм отводит центральное место, сознательно подменяя вероисповедание национальной принадлежностью, противопоставляя себя всем другим нациям как неполноценным и обязанным прислуживать иудеям.

Экстремизм Талмуда привел иудеев к богоубийству, а впоследствии к подрывной деятельности против всех христианских государств и народов. После падения Византии главным объектом подрывной деятельности иудаизма стала Россия. Вся тяжесть ненависти народа-богоубийцы закономерно и неизбежно сосредоточилась на русском народе-богоносце, много веков назад сделавшем задачу сохранения веры смыслом своего бытия.

Неспособность русских подавить смуту в 1917 году митрополит объяснял падением христианской веры в русском народе. Только она могла спасти и объединить народ в борьбе с иудеями и масонами. Антирусская, антихристианская революция 1917 года повторилась в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В результате — Русское государство разрушено. Русский народ расчленен на части границами новоявленных «независимых государств». Россия отброшена в своем территориальном развитии на триста пятьдесят лет назад. Общество оказалось совершенно беззащитным перед шквалом безнравственности и цинизма, обрушившимся на людей со страниц «свободной» прессы и экранов телевизоров. Церковь подвергается бешеным атакам еретиков и сектантов, понаехавших в Россию со всего света, чтобы «просветить» русских «варваров». Ростки здорового национально-религиозного самосознания погребены под грудой нечистот массовой культуры и фальшивых ценностей «общества потребления». Страной по-прежнему правят богоборцы, космополиты и русоненавистники».

На вопросы многих людей, как бороться с антихристианскими силами, владыка неизменно отвечал, что единственный путь спасения — путь объединения вокруг русских вековых святынь, путь спасения русской соборнос-

ти и державности, путь духовного прозрения и очищения. «Сумеем пробиться к Богу сквозь толщу лжи и клеветы, нагроможденную христоненавистниками, — учил владыка, — значит, сумеем возродить Святую Русь. Отступимся — Россия окончательно погибнет».

Статьи и выступления митрополита Иоанна перед православной и патриотической общественностью стали главным событием русской жизни 90-х годов. Абсолютное большинство русских сразу же признало владыку Иоанна своим духовным вождем. Ярость и ненависть к нему со стороны врагов России стали подтверждением верности этого выбора. Злобные нападки, угрозы расправы, непрерывающаяся клеветническая кампания, начавшаяся против владыки Иоанна в России и за рубежом, продолжались даже после его убийства.

Особенно нагло и вызывающе вели себя еврейские экстремисты и особенно хасиды. Мои информаторы сообщали, что митрополит приговорен к смерти и жить ему осталось совсем мало. Первый съезд Конгресса еврейских организаций и общин объявил о своем намерении обратиться к патриарху Алексию II с требованием «принять неотложные меры в связи с публикациями митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна».

Моя первая встреча с митрополитом произошла именно в этот период, осенью 1992 года, в Москве, когда он приехал на очередное заседание Синода. Владыку заинтересовала моя только что вышедшая книга о Григории Распутине. Через общих знакомых он попросил привезти ее ему. Я немедленно это сделал. Несмотря на тревожное время, митрополит был спокоен. Мне он сказал, что знает мою точку зрения на Распутина и полагает, что она близка к истине. По его мнению, Распутин был «черным старцем», старцем в миру. Его жизнь следует тщательно изучать и документально опровергать все наветы противников православного царства. Революция 1917 года была проверкой веры русского народа, ее он не выдержал, за что был наказан братоубийственной бойней. Религиозный смысл революционных событий не вызывает сомнения. Дело Распутина стало поводом для расшатывания православного царства. Стремилась уничтожить Россию как Престол Божий, а русский народ — как народ-богоносец.

Убийство Распутина было первым шагом к убийству царя, как бунт против Бога, вызов Его Промыслу, богоборческий порыв сатанинских сил. Закономерно, что это

убийство старца Распутина совершили масоны и такой «патриот» без царя в голове, как Пуришкевич... На особенно грязные дела иудеи всегда бросают масонов. В 1917 году, захватив с их помощью власть государственную, масоны бросились на разрушение власти церковной, назначив масона Львова управлять Русской церковью...

Через полтора года 19 апреля 1994 года по инициативе митрополита Иоанна я был приглашен на заседание Комиссии по канонизации святых Русской церкви. Заседание состоялось в Новодевичьем монастыре и было посвящено вопросу канонизации Царской семьи. Меня попросили сделать доклад о Григории Распутине и его отношениях с Николаем II. Заседание проходило в неформальной обстановке с чаем и плюшками. Меня посадили между митрополитом Иоанном и митрополитом Ювением, возглавлявшим Комиссию. Доклад я делал час и два часа отвечал на вопросы.

Во время этого заседания я понял, как остро стоит вопрос о канонизации Царской семьи и как много у нее противников среди церковных либералов и чиновников. А именно они больше всего были представлены в комиссии. Особенно либерально-агрессивно вели себя преподаватели петербургской духовной академии (профессор Воронов, архимандрит Януарий и др.). Для церковных либералов Распутин был главным предлогом отказаться от канонизации Царской семьи. Фактически они ждали, что я представлю им компромат на старца Григория. Больше всего вопросов задавал митрополит Иоанн, направляя мое выступление в русло тех выводов, которые были сделаны нами во время частной беседы в 1992 году. Петербургским «академикам» это явно не нравилось, но открыто перечить владыке они не решались.

Митрополит Иоанн, оценивая труды советских историков, клеветавших на старца Григория, подчеркивал, что они были источником не истины, а заблуждения. Поврежденный безверием взгляд этих историков на русское прошлое, взгляд, во многом концентрировавшийся на зле, мешал им правильно объяснить происхождение и природу этого зла, которое и привело в конце концов к его воплощению в событиях так называемой перестройки и развала СССР. Продолжающаяся и ныне кампания клеветы на Григория Распутина свидетельствует, что источник зла продолжает существовать и кочегары преисподней не прекращают своего подлого дела.

Тайна беззакония, одной из ритуальных жертв которой стал Распутин, создает непреодолимую пропасть между христианством и иудаизмом. Все разговоры об «общей исторической почве» христианства и иудаизма — ложь. Две тысячи лет назад вообще не было такого понятия как иудаизм. Религия нынешних иудеев после духовной катастрофы богоубийства уже совсем не та, что была у их далеких предков — ветхозаветных патриархов и пророков, удостоившихся за свое благочестие благодатных даров. Это две совершенно разные религии.

На Комиссии по канонизации некоторые ее члены из числа церковных либералов высказывали неуважительное отношение к Николаю II и к монархии вообще, чем вызвали отповедь со стороны митрополита Иоанна. Я воочию убедился, каким последовательным монархистом был владыка Иоанн. Для русского православного народа, говорил он, монархия — самая совершенная форма власти. Православный царь — помазанник Божий, выразитель воли Бога, а не представитель какого-либо класса или сословия, или даже всех сословий.

Верховная власть православного царя одновременно есть покровительница народных святынь и гарантия политической жизни стабильного общества, преграда на пути разрушительных партийных сделок, защита России от беспредела амбициозных и властолюбивых политиканов, рвущих страну на части во имя удовлетворения своих сребролюбивых и тщеславных вождлений.

Власть царя — это не диктатура, не произвол бесконтрольной власти, а наоборот, самая совершенная форма правовой государственности, возводящая ответственность как правителей, так и подданных к высшим источникам правосознания — к совести, к патриотизму, к Богу и его святым заповедям.

Русская монархия может быть восстановлена только после того, как русский народ в большинстве своем вернется к Православию. Без Православия русская монархия невозможна. Не правы те, кто предлагает «реставрировать» монархию по образцу Англии, где она носит опереточный, марионеточный характер, за ширмой которой таится сатанинская власть «тайны беззакония».

В 1991 году по инициативе митрополита Иоанна была создана Всероссийская монархическая организация «Союз православных братств», поставившая своей целью борьбу с иудейскими сектами, сатанизмом и масонством. Пер-

вый съезд этой организации прошел в Петербурге по благословению и под духовным руководством митрополита Иоанна. Уже на съезде православные монархисты столкнулись с хорошо организованной либеральной оппозицией, предлагавшей восстановить в России монархию по английскому образцу. После жаркой дискуссии победили последовательные православные монархисты, опиравшиеся на авторитет владыки Иоанна. Съезд закончился триумфальным исполнением молитвы русского народа «Боже, Царя храни».

Союз православных братств стал материальным воплощением воли и мысли владыки Иоанна. Под духовным руководством митрополита Иоанна Союз православных братств выступал за сохранение чистоты православной веры, за возврат нашей церковной жизни в каноническое русло, за восстановление Церковного Суда. Члены Союза были убежденными противниками компромиссов в области вероучения, стояли за выход Русской Православной Церкви из так называемого Всемирного Совета Церквей, считали экуменические молитвы грубым попранием церковных правил. Выражая мнение большинства русских православных людей, Союз выступал за укрепление церковной дисциплины, против повсеместного распространения сомнительного «обливательного» крещения, так называемой общей исповеди, небрежного отправления богослужений, неуместного в церкви концертного стиля песнопений и западной живописи. Члены братств протестовали против любых попыток модернизма и обновленчества: намерения перевести богослужения на русский язык, ввести новый календарный стиль и т.п.

Союз православных братств выступал за восстановление самодержавного православного царства, против антихристианских сил, которые стремятся уничтожить Святую Русь, против талмудического иудаизма, сионизма, масонства, сатанизма, а также требовал ограничения деятельности протестантских миссионеров, сектантов, католиков и униатов.

Выражая дух живого народного Православия, Союз выступил первым инициатором канонизации царской семьи. В 1991 году его активисты собрали подписи под исповедническим воззванием за канонизацию Царственных Мучеников. В Москве, Санкт-Петербурге, Сергиевом Посаде, Екатеринбурге, Царицыне, Ялте, Архангельске, Пскове и других городах были организованы православ-

ные заставы по сбору подписей. Были собраны тысячи подписей. Многие православные на коленях, со слезами на глазах молились перед святыми ликами Царственных Мучеников о заступничестве их перед Богом. В значительной части русских церквей появились святые иконы Царя-Мученика Николая и других Царственных Страстотерпцев. На 2-м съезде Союза православных братств было принято решение просить церковное священноначалие осуществить канонизацию Царственных Мучеников, а в 1992 году Союз обратился с этой просьбой прямо к Патриарху.

Почитание Царственных Мучеников уже в 1993 году приобрело всенародный характер, священники на местах совершали им богослужения по текстам Русской Зарубежной Церкви в положенные дни, иконки Святых Мучеников находились почти в каждой православной семье и почти в каждом храме.

Всенародное почитание Николая II и его семьи вынудило изменить отношение к ним и со стороны иерархии, которая в большинстве своем занимала в этом вопросе двойственную позицию. Большую роль в изменении отношения иерархов к канонизации Царя сыграла активная позиция митрополита Иоанна, которую невозможно было игнорировать. Именно владыка Иоанн стоял за официальным посланием Патриарха и Священного Синода к 75-летию убийства Царской семьи, в котором говорилось: «...Грех царевубийства, произошедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании. И сегодня мы, от лица всей Церкви, от лица всех ее чад — усопших и ныне живущих — приносим перед Богом и людьми покаяние за этот грех. Прости нас, Господи! Мы призываем к покаянию весь наш народ, всех чад его, независимо от их политических воззрений и взглядов на историю, независимо от их этнического происхождения, религиозной принадлежности, от их отношения к идее монархии и к личности последнего Российского Императора... Ныне, отрекаясь от грехов прошлого, мы должны понять: благие цели должны достигаться достойными средствами...»

Синодальная комиссия по канонизации святых Русской Церкви, возглавляемая митрополитом Ювением, в течение пяти лет «рассматривала» вопрос о прославлении Царственных Мучеников. Фактически это была намерен-

ная проволочка, устроенная через членов Комиссии некоторыми из действующих иерархов, связанных с обновленчеством и экуменизмом и склонных к сотрудничеству с криминально-космополитическим режимом и иудо-масонской властью. Комиссия фактически игнорировала как мнение миллионов верующих, почитавших Государя, так и факты канонизации Царственных Мучеников в Русской Зарубежной и Сербской Православных Церквах. В работе Комиссии практически не были отражены архивные источники и современные исторические исследования, позволившие в корне пересмотреть ошибочные взгляды на жизнь царской семьи и ее окружения. Комиссия опиралась на либеральную концепцию оценки царствования Николая II, многие положения которой были фальсифицированы масонами и революционерами в целях дискредитации царской власти и самого Государя. С этой масонской концепцией владыка пытался бороться, приглашая на заседания православных ученых. Однако после его смерти митрополит Ювеналий стал приглашать на заседания Комиссии по канонизации святых преимущественно церковных либералов. Будь жив владыка Иоанн, Комиссия никогда бы не позволила сделать такой чудовищный вывод: «Подводя итоги государственной и церковной деятельности последнего Российского Императора, Комиссия не нашла в ней достаточных оснований для его канонизации». В такой формулировке сказалась склонность части православных иерархов к политическому компромиссу с нынешней иудо-масонской властью, являющейся прямой наследницей антирусского, антиправославного режима еврейских большевиков 1918 года, осуществившего ритуальное убийство Царской семьи.

Митрополит Иоанн отмечал несомненный ритуальный характер убийства Царской семьи. Убивая Николая II, говорил митрополит, убивали русскую православную государственность. Убивая наследника престола царевича Алексея, преступники убивали будущее России, провоцировали гражданскую войну и распад страны. Эту мысль владыка Иоанн часто повторял как в своих выступлениях, так и в письменных трудах.

После завершения заседания Комиссии по канонизации в апреле 1994 года владыка Иоанн перед уходом позвал меня и попросил подобрать некоторые материалы по истории русского масонства. Он знал, что я работаю в Особом архиве КГБ СССР.

Между прочим, речь зашла о русских как уникальной нации. Владыка Иоанн мягко, но очень убедительно попенял мне за «однобокое увлечение русским вопросом». По мнению митрополита, вопрос этот носит скорее религиозный, чем национальный характер. Тяжелые испытания, обрушившиеся на русских, являются следствием того, что они в течение последних столетий были народом-Богоносцем, главным хранителем христианской веры. Поэтому именно на русских пришелся основной удар врагов рода человеческого.

Понятие «русские», сказал митрополит, не является исключительно этнической характеристикой. Соучастие в служении русского народа может принять каждый, признающий Богоустановленность этого служения, отождествляющую себя с русским народом по духу, цели и смыслу существования, независимо от национальности.

В нашей стране, говорил владыка Иоанн, национальный вопрос был преимущественно только внешней формой, за которой скрывалось стремление русских сохранить свою веру. Все видимые противоречия — социальные, экономические, политические, имели второстепенное значение, а главным для коренного русского человека всегда оставался вопрос о вере, о Святой Руси, воспоминания о которой хранились в тайниках его души. Возрождение Святой Руси во всем величии и единстве Православия, Самодержавия и Народности — главный смысл жизни коренного русского человека. Эту мысль великий православный подвижник постоянно проводил в своих трудах и беседах.

Мою последнюю встречу с митрополитом Иоанном за десять дней до его смерти я никогда не забуду. Она произошла в резиденции петербургских митрополитов на Каменном острове. Один из величайших русских духовных подвижников и мыслителей XX века неуютно чувствовал себя в роскошном особняке. Лепнина и позолота, картины в дорогих багетах были явно не по душе истинному монаху — молитвеннику за русский народ. Из множества апартаментов резиденции владыка Иоанн выбрал себе небольшую комнатку на втором этаже, где стояли его узкая монашеская кровать, небольшой письменный стол, несколько полок с книгами и, конечно, киот с иконами в красном углу.

Встреча продолжалась около трех часов. Привожу слова владыки по своим запискам, сделанным в тот же день.

Обсуждалось несколько вопросов: итоги моей трехмесячной поездки в США и встречи с видными деятелями Зарубежной церкви, работа над очередными томами серии «Терновый венец России», идея создания энциклопедии «Святая Русь».

Из поездок по Америке я привез несколько посылок и книг от его почитателей. Рассказал ему свое видение положения Зарубежной церкви. Митрополит Иоанн высоко оценивал подвиг русских православных людей, сохранивших веру в духовно тяжелых условиях жизни в зарубежном рассеянии. Зарубежное духовенство разнесло искры православной веры по всему миру. Это, считал владыка, очень важная миссия, которую Зарубежная церковь выполнила с честью.

Митрополит Иоанн считал, что нет никаких серьезных канонических препятствий к возвращению Зарубежной церкви в лоно Матери-церкви. Его удивлял менторский, ультимативный тон некоторых иерархов Зарубежной церкви, которые пытались поучать Московскую патриархию, ставить ей условия, а тем более устраивать на территории России самопальные епархии.

Иерархи Зарубежной церкви, считал владыка, вышли далеко за рамки, дозволенные в братской полемике. Часть этих иерархов превратилась в заурядных скандалистов.

Совершенно нелепый характер носит обличение «зарубежников» в адрес Русской церкви за то, что она десятилетиями молилась за богоборческую советскую власть. Можно подумать, что «зарубежники» в своих службах не молились за не менее сатанинскую иудейско-масонскую власть США и западных стран. Я подтвердил митрополиту эту мысль, будучи сам неоднократно свидетелем молитв Зарубежной церкви за американское правительство и войнство. Запад, и прежде всего США, — известные враги России, и порабощение ее мечом ли, лукавством ли — их главная цель. Обе мировые войны начались с Запада, острие их было направлено против России. Молиться за правительства США и других западных стран значит молиться за будущего агрессора.

Разговор незаметно перешел на обсуждение причин церковного нестроения, как в зарубежье, так и в самой России. По мнению митрополита, большую роль в этом играют крещеные евреи и даже священники из евреев. Отрицать серьезность этой проблемы, считал он, нельзя, учитывая тот страшный след, что оставил еврейский ре-

лигиозный экстремизм в судьбе русского народа. Православных священнослужителей, продолжающих нести в себе иудейские «идеалы», следует отсекают от Русской церкви. В Зарубежной церкви эта проблема стоит острее и болезненнее, чем в России. В этом главное объяснение причин, почему Зарубежная церковь до сих пор не воссоединилась с Матерью-церковью.

На мой вопрос, что мешает евреям всем сердцем принять христианство, владыка ответил: «Особенности менталитета, воспитанные Талмудом, которые препятствуют значительной части евреев войти в христианский мир». Многим евреям с детства внушаются талмудические истины, что иудеи самим Богом избраны для господства и должны всемерно стремиться к достижению этой цели. Отсюда проистекает еще одно фундаментальное положение иудаизма, гласящее, что иудей не имеет никаких нравственных обязательств перед иноверцем. Понятия справедливости и милосердия, честности и благодарности, с этой точки зрения, неприменимы к христианину или мусульманину, ибо они, строго говоря, не могут даже считаться людьми... Итак: православное понимание своего избранничества есть понимание обязанности служить ближнему своему. Избранничество иудея есть избранничество на господство над окружающими людьми...

На этой встрече также обсуждалась моя работа, посвященная архивным, документальным изысканиям о деятельности тайных сил иудаизма, сатанизма и масонства против России. Еще до этой встречи сам владыка дал общее название этой работе — «Терновый венец России» и рекомендовал издать ее «как можно большим тиражом и на все деньги». Необходимо также, говорил он, на основе документов написать еще продолжение этой книги, посвятив ее той борьбе, которую с зарождения христианства вела Церковь с посягательствами «сынов дьявола». История человечества последние две тысячи лет — непрекращающийся конфликт между верными Новому Завету Христа и Его смертельными врагами. Тайна беззакония уже в действии. В священной схватке столкнулись народ-Богосец и народ-богоубийца. Все первоначальные, истинные христиане принадлежали к народу Божию, народу-Богосецу, однако в смертельной схватке их оставалось все меньше. Отпадение от Православия Западного христианства было первым шагом к установлению Царства антихриста. Падение Константинополя вывело христианство за пределы Западного мира.

С этого времени главным хранителем православной веры, народом-Богоносцем стал русский народ. «Удерживающий» из Константинополя — Второго Рима перешел в Москву — Третий Рим. В борьбе за веру русские люди оказались жертвой всемирных богоборческих сил, и они должны до конца испить свою чашу страданий.

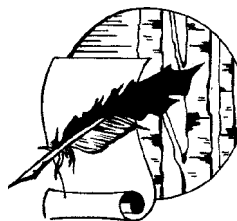
Спасение русского народа только в возвращении Святой Руси, но это уже будет как Дар Божий и ненадолго. Все, что происходит сегодня в мире, — свидетельство ближайшего пришествия антихриста...

Прощаясь, митрополит Иоанн подарил мне свою книгу «Одоление смуты», сопроводив ее напутственными словами «об умножении любви к Святой Руси». Эти слова стали для меня духовным завещанием владыки... Через десять дней он был убит в питерской гостинице «Северная корона».

Я не имею прямых доказательств этого убийства. Но все, кто близко общался с митрополитом в последний год, утверждали, что преступление было спланировано заранее. По ряду косвенных признаков некоторые эксперты спецслужб рассказывали мне, что в этот день митрополиту было впрыснуто специальное вещество, спровоцировавшее паралич сердца. Срочная медицинская помощь могла бы спасти его, но по «странному» стечению обстоятельств, «скорая» прибыла только через 40 минут. Официального расследования обстоятельств гибели митрополита Иоанна в городе, которым руководил на то время А.Собчак, не производилось, всё списали на старость, хотя владыке было только 68 лет.

Продолжение следует

ПОЭЗИЯ

*СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА
имени СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА*

Ирина СУРНИНА

ЗАЗИМЬЕ

* * *

Пахнет морозом.
Становится тихо, прозрачно.
Бабка сидит у окна,
Ледяная старуха.
Солнце гостит в огороде,
А в доме — невзрачно.
— Ходишь, шатаешься! —
Шамкает беззубо и глухо.
Что же! Сиротское дело.
Пальто, рукавицы
И за водой по дорожке
Спешить до колодца.
Холодно в старом.
И даже примолкнули птицы.
А поскользнешься —
Водица на снег и прольется.
И покраснелось лицо,
Растрепалась косица.
Туго вода
По железу ведерному ходит.
Весело. Нет никого.
А снежок-то искрится!
Вдруг перстенек
По дороге обратной находит.

Только надела его,
Как земля покачнулась.
Ветер тотчас подхватил,
Как сухую былинку.
Девушка в теплых,
Высоких покоех очнулась.
Все-то ей здесь
Показалось чудным и в новинку.
Ванна-джакузи,
Блестящие золотом стены,
Двери бесшумные,
Окна, вместившие небо,
Плоский экран,
Излучающий виды Вселенной,
Пища такая, что в праздники,
Не на потребу.
Тут молодой человек
В дорогом на пороге.
— Ты бы оделась, —
И шубу ей бросил небрежно.
— Времени мало,
Я все расскажу по дороге. —
И посмотрел как-то прямо,
Не то, чтобы нежно.
— Знаешь, — и мягко машина
Несла по асфальту, —
Я ведь давно
Вот такую простую приметил.
В принципе, можем с тобою
Податься на Мальту.
На две недели, —
И что-то в блокноте пометил:
«Только мешает старуха,
Упёртая дура:
В центре хибара.
И рядом такие же черти.
Мне расширяться —
Гоняю хорошие фуры.
Место нужнее», —
И схемы какие-то чертит.

— В общем, сегодня старуху
И всякое быдло
Мы аннулируем:

Будем отстраивать точку.
Я им не должен вообще-то
На хлеб и повидло.
Сколько тянуть канитель
И терпеть проволочку!

Плавно машина
К знакомой избе подлетела.
Следом другие —
И всё почернело в округе.
Девушка перстень скорее сняла —
И взлетела
Стая ворон,
Недовольно кричавших в натуге.
А из ведра-то
Водица на снег проливалась.
И ледяная старуха
Примерзла к окошку.
Девушки нет,
А ведро на месте осталось.
Льется и льется вода из него на дорожку.

* * *

Яблоки плавают в бочке
И раннее солнце.
Август в Сибири.
И стая над крышей несется
Темным ликующим ветром
Молча и мимо.
Воздух такой,
Что уехать — невыносимо.
В бане кедровой помыться,
В дорогу собраться
И — раздвоиться.
Опять от себя оторваться.

* * *

Пожилой москвич
Ищет иногороднюю,
Молодую, дородную.
Покажет Москву.

Научит жить,
Готовить, стирать,
Убирать, шить
В его однушке на Выхине.
А будет с характером — выкинет.
Понаехали тут, аферистки.

* * *

— Бабушка, что ты шепчешь?
— Молитвы.
— Непонятно.
Она зевает, бормочет невнятно,
Охает, засыпая.
А я удары сердца ее считаю.
Слышу,
Как она дышит.
Трогаю теплый, большой бок,
Зажатая между ним
И стадом оленей стенного ковра.
Далеко до утра.
И где-то есть Бог.
Наверное, строг.
Для чего смертное в комодё?
Новенькое
И какое-то грустное вроде?
А самый большой олень
Лучше всех.
Стоит уже сколько — не лень,
И глаза такие черные
Из-под век.
Скорее бы утро.
Боюсь почему-то.

* * *

Тихо, тихо в сонной кухне
В банках высушенных лето.
Никого. И дверь не ухнет.
Лифт умолк в провале где-то.
Шелестят секунды сухо.
Свет, поблекнув, в тень уходит.
Ничего не режет слуха.
Я сажу, а всё проходит.

* * *

Пришла пора приглаживать бока,
Зализывать случившиеся раны.
И сыростью пропахли облака,
Кусты, земля в лохмотьях снега рваных.
И снова жизнь, откуда ни возьмись,
В холодном пробивается и грязном.
Смотрю с девятого обрадованно вниз.
Свежо. И думать так легко о разном.
Вот почки лопнут, вырастет река,
Пробьется позаброшенное семя.
И в птицах всё, и родина легка,
И сладко ускользящее время.

Марина ЯКОВЕНКО

УЛИЦА ДЕТСТВА

ОТЦОВСКИЙ ВЗГЛЯД

Весна травую пробивалась
И зеленела с палисадом.
Затосковав, я возвращалась
В наш старый дом с резной оградой.

Веревку мокрых полотенец
Мотало ветром за калиткой,
Вдоль бани ровный ряд поленниц,
С крыльца отец шагнул с улыбкой.

Он стал как будто ниже ростом.
Его теперь все реже вижу.
Сама давно я стала взрослой,
И с каждым днем он мне все ближе.

На лбу добавились морщинки,
Совсем седыми брови стали,

В глазах запрятались слезинки:
— А мы тебя на Пасху ждали.

И мама в дверь, всплеснув руками,
Засуетилась возле печки,
Погас вдруг свет, искали свечку,
А в доме пахло пирогами...

От радости углы светились.
Мурлыкал кот — седой и старый.
И чай мы пили, не напились,
И шаньги ели с пылу с жару.

В часах кукушечка дремала,
Свечи огарок таял воском,
Вот так всегда бы: рядом мама,
И добрый, теплый взгляд отцовский.

* * *

Я иду по радуге забытой,
Бьется сердце иволгой в груди.
Огороды солнышком залиты,
Просят огуречики воды.

Похрустеть бы ими как бывало,
Пробежать по вызревшей росе...
Деревенька, как же ты устала
Думать о картошке и овсе.

Замирает дух при виде ставень,
Мостик, палисадник, зимовье...
Кто-то поселился рядом с нами —
Строит двухэтажное жильё.

Пусть себе стучат с утра до ночи —
Не тревожит доброе покой.
Мама заждалась, встречает дочку,
Прижимаясь теплою щекой.

Здравствуй, детство, — милое раздолье!
Золотом подсолнухи горят.
Кажутся родными эти колья,
Что подперли старый палисад.

* * *

Вечер подпоясал жаркий день.
Куры взгромоздились на насесты.
Клонится подсолнух на плетень
И ромашку сватает в невесты.

Солнце покатилося за лесок —
В зареве пылают лес и поле.
Гармониста слышится басок:
— Ты мое сибирское раздолье!

СЮДА МЫ НЕ ПРИДЕМ

Нет матери. И продан дом.
Всем вышло по семьсот.
Сюда мы больше не придем,
Не отопрем ворот.

Такая малая цена —
Чужому не понять.
Она за дом нам отдана,
А будто бы за мать.

Никто не выйдет на крыльцо,
Не кинется обнять,
Как мать, накинув пальтецо,
Моя святая мать.

Никто нам чая не нальет,
Не испечет пирог,
Никто, как мать, нам не споет,
Сколь не тори дорог.

МОЛОДОЕ ВИНО ЛИСТОПАДА

Я сорвусь гроздью красной рябины
На шуршащий ковер листопада...
Праздник лета казался мне длинным —
Отчего же нет с чувствами слада?

Круче утренник — ягода слаще.
В черном локоне снежная нить,

Ты в глаза стал заглядывать чаще,
Я — все чаще свой взгляд отводить.

Молодое вино листопада!
Полыхнул бабий век второпях.
Растревожил приход снегопада,
Может, счастье мое в снегирах?

ПОПРОШУ У БОГА

Осень. Тихий вечер.
Зорька искры мечет.
Голуби на звоны
Низко бьют поклоны.

Растопила печку,
Засветила свечку.
Попрошу у Бога
Я совсем немного:

Чтобы детям нашим,
Ваням и Марьяшам,
Не забыть дорогу
К отчему порогу.

Елена САПРЫКИНА

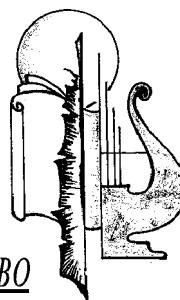
ПО ЗАКОНУ СОВЕСТИ

(ПОЭТ И ТРАГЕДИЯ РОССИИ)

К 60-летию Валерия Хатюшина

Есть в России поэты, жизнь и творчество которых не вмещаются в рамки самовлюбленной псевдопатриотической критики, поэты, свободные от ежедневной околотрепьяльной мышиной возни, поэты, своим свободным дыханием разметающие завалы литературной шелухи и подвластные лишь одному хозяину — голосу совести. Таков поэт Валерий Хатюшин. В этом году мы отмечаем его 60-летие. Нынешняя разделенность общества на многие и многие непересекающиеся множества не позволяет никому получить известность «всемирную», тем более, что сам «народ» сегодня стоит в стороне от настоящих литературных событий. Тем не менее имя Валерия Хатюшина давно известно читателю русской прессы, как московскому, так и читателю из российской глубинки, рассуждающему непредвзято и честно.

В течение восьми лет этого века вышли четыре объемных тома его произведений — книга публицистики «Черные годы. История нашей борьбы» (2000 г.), «Собрание стихотворений» (2003 г.), книга критики «Во имя истины» (2004 г.) и книга прозы «Не изменяй себе» (2008 г.), а также несколько сборников стихов и множество

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

критических публикаций в прессе, наделавших немало шуму. Что касается поэзии (если посмотреть на все его творчество в целом), то здесь вспоминаются слова Н.Гоголя о так называемом «лирическом упреке», который присутствует в произведениях истинно народных поэтов. Не этого ли упрека так боятся нынче старые и новые враги русского дела? Упрекать волен всякий — и в стихах, и в прозе, но «лирический упрек» страшен тем, что проникает в самую сердечную ткань русского читателя и кажется ему чуть ли не собственным открытием, а стало быть, почти что озарением: так вот, оказывается, кто виноват! Так вот, оказывается, что надо делать! И потому со времени самого первого тлетворного выброса пресловутой перестройки на всех трудных и кровавых путях нашей борьбы имя Валерия Хатюшина воспринимается читателем как появившееся внезапно знамя на переднем крае, как холодный всплеск праведного оружия.

Русское сердце никогда не смирится с порционными, мелкими радостями неволи. «Мы работаем в офисе! Нам хорошо платят!» — восклицают иные. Но стоит спросить их: а чем вы там занимаетесь? И сразу становишься «врагом», «свихнувшимся патриотом», в лучшем случае — «юродивым». А ведь это как раз вопрос вопросов — проблема нашей совести. Нынче многие поэты ушли от ответа на этот вопрос, освободили свои души от крыльев. Вот и бродят они по страницам нынешней печати, как бескрылые уродцы. Приглядишься — дрожь пробирает. Но ими всегда был полон литературный мир. Пусть хоть его трижды назовут «новым»! Истинному поэту нельзя спрятаться. Его замечают сразу и потому долго «не замечают» в печати. А когда он всё же грянет, как солнечное утро, как летний проливной дождь, как нечто такое, без чего уже невозможно представить саму ткань эпохи, они говорят: это мы, это мы были рядом, это нас он называл друзьями и кровными братьями.

Валерий Хатюшин пришёл в литературу очень молодым. В его юношеских стихах можно разглядеть всю будущую палитру зрелого мастера. И это понятно — ведь он учился у природы, а она хороший учитель, только надо знать, как с ней разговаривать, как понимать её. Всякому человеку способность **слышать тайну** дана с рождения, но упустишь время — и способность эта умирает в твоём сердце. Валерий Хатюшин уже в восемнадцатилетнем возрасте знал свое предназначение:

*...Ухожу, как бы вслед ни смотрели,
удивленья и страха полны.
Просто мне не до буйных веселий,
просто хочется тишины.*

*Оставляю хорошую память,
ухожу, сентябрем шурша,
И деревья мне машут руками,
тяжело и тепло дыша.*

(1967)

Я думаю, напрасно некоторые видят в ранних стихах поэта лишь «тихую», «умиротворенную» лирику (А.Байгусев). Здесь уже есть «тайна снайпера», словно бы скрывающегося до времени там, где «звуков живых полна таинственная тишина» (В.Хатюшин).

*Потаенная тишь, свежий ветер в лицо,
неуютная светлая ширь.
И куда ни взгляни — горизонт, горизонт,
бесконечная наша Сибирь.*

(1967)

В двух последних строках этого отрывка слышатся отголоски долгой российской истории, полной величия истинного. Слышны они в самой интонации, дыхании стиха. Полное владение этой интонацией, этим естественным дыханием пришло к поэту позже, когда он проникся жизненной стихией, основой, почвой русской жизни. И вся его судьба, и рабочие будни на стройках великой страны, где «свистел промозглый Север, дремал седой Байкал», и горячие молодые думы, когда мерз он в траншее «в непросохшей робе», и первые опыты сердца — все это многоцветной мозаикой ложилось на полотно его поэтического мира. Можно долго цитировать «молодые» стихи поэта. Об этом много уже писали. Чтобы не повторяться, добавлю, что сам он редко говорит о своём прошлом. Быть может, сокровенность его стихов и их светлая простота нуждаются в некотором «замалчивании» и «непроговаривании» основ. Не будем многословны и мы. И всё же — попробуем представить, как, будучи монтажником-высотником, на строительстве КамАЗа, где-то под буйно-ветренными небесами, молодой поэт

слагал крепкие строки, а потом читал их своим первым слушателям — таким же рабочим:

*...Стиснув зубы, у края
я впивался в металл
и, по балкам шагая,
о земле забывал.
И отвык я качаться,
и у всех на виду
вдруг опомнился: «Братцы,
я по небу иду!..»*
(1973)

Пространство таких стихов предельно ясно. Поэтическое слово разбивает миражи, подменяющие действительность, миражи, насаждаемые туманным сознанием воинствующей обывательщины и околонаучного философствования. А ведь стихотворцев, утопающих в таких миражах, — отнюдь не единицы. Их тьмы, и тьмы, и тьмы. Тем более обидно, что некоторые из них надеются «остаться» в литературе за счет выигрышной темы, за счет безадресных восклицаний о природе «небесного». Но право сказать правду принадлежит не всем. Говорят, один в поле не воин, но когда само это поле до малого своего колоска прорастает в душе воина, когда она, душа эта, непостижимым родством спаяна с этим полем, — тогда и один, поднимающийся на битву, воистину неодолим.

Сколько же можно страдать «хатюшинофобией» сомнительному критику В.Бондаренко, стремящемуся сразиться всеми своими огнедышащими головами с поэтом, вышедшим из народа? Зачем ему, этому всеядному «критику», в своём псевдолитературном «Дне» обвинять поэта во всех смертных грехах, когда исход битвы предрешён? Поэзия — тот самый меч-кладенец. У кого он в руках, тот спокоен. Все же остальные «литературные» ернические умствования попросту не имеют смысла, ибо они, образно говоря, виртуальны.

Валерий Хатюшин успел высказаться и в прозе, и в публицистике, и в критике, несмотря на гвалт, шипение и сплетни, которые бушуют вокруг его творчества (причем не только в либеральных СМИ). Бóльшая часть нынешних «писателей-патриотов» желают (ох, как желают!) найти положительный момент в некотором (очень тонком) союзе с властью (хотя бы — с московской). Писа-

тельские союзы расплзаются, расчлняются на глазах, как медузы, и бесхребетность эту выдают за плюрализм. Все это «болото» бесконечно радует наших врагов, дает им силу и уверенность в нашей слабости и в нашем пустословии. Немногие, очень немногие живут по закону совести. Среди них, повторюсь, — Валерий Хатюшин. И, думается, не случайно творчество его отмечено такими престижными международными премиями, как премии имени А.П. Платонова и М.А. Шолохова.

В обществе потребления и к литературе отношение потребительское. И в этом сегодня — корень зла. Некоторые признать сей факт не хотят — стремятся быть «узнанными», «признанными» как раз тем самым обществом, которое есть могила культуры, саркофаг духовности. Стремясь к поставленной цели (к признанию, к известности), писатели сами становятся в ряд «раскрученных» (то есть закрученных) винтиков маскультуры, и лучшие из них, сгорая в маховике, погибают физически, худшие — становятся частью маховика, движителя «новой литературы», толкача реформ — и погибают духовно. Малая часть оставшихся не у дел идет на скармливание обывателю ради усмешек и кривых подмигиваний. В.Хатюшин в статье «По закону и букве Талмуда» говорит об этом точнее, ссылаясь на известные документы. Что ж, одни живут и действуют по данному «закону», другие — по закону совести. Но в одном из стихотворений, написанных в 2005 году, — нам всем печальный приговор:

*Мы идём всё дальше от Христа,
впереди — немая пустота,
впереди — отчаянье и страх
и блужданье смертное впотьмах.*

Такое страшно представить, но жить в такое время пришлось и еще придется именно нам. И тем не менее никто из нас не хватается за голову и не бежит с покаянием к храму, не берется за оружие, не уходит в леса, не мстит врагу. «Нас заставляют приспособиться к жизни во тьме», — говорит поэт. Что же мы делаем, чтобы не подчиниться этому насилию? Большинство из нас — ничего! Нас радует, что в темноте — больше свободы, так называемой «свободы творчества». «Когда же наступит настоящий ДЕНЬ?» — хочется воскликнуть по прочтении газеты «День литературы». И это не просто каламбур, это иро-

ния катастрофы, пронизанной ядовитыми бациллами «бондаренковщины». «Те из людей, которые всё время кричат о свободе и неких «свободах», — есть дети погубели, лишенные Святого Духа, а значит, имеющие темную душу. Достоевский называл их бесами», — пишет В.Хатюшин в своих «Протуберанцах». Этот цикл прозаических миниатюр, год от года пополняющийся новыми размышлениями и наблюдениями писателя, приоткрывает нам завесу над светлой тайною жизни, но в то же время полон печали поэта, вкушающего «горькие плоды» современности.

«Телевизор в наши дни — это хладнокровный убийца, который медленно вытравливает в человеке душу и забирает его жизнь», «Писатели пишут какие-то стишки, повестушки, пьески, а эта власть истребляет народ физически с дичайшей интенсивностью и ехидно ухмыляется: мол, пишите, пишите, продолжайте своё дело, ну а мы будем делать своё», «Придёт время, когда будет спрошено с каждого мужчины: а что ты сделал для освобождения страны от иноплеменного ига?» — это ли не настоящие протуберанцы, вспыхивающие в сознании редких единиц при полном затмении разума в масштабах страны?!

Сорок лет своей творческой деятельности поэт материализует, озвучивает голос совести, существующий в природе, в душе, в мироздании. А вокруг — та самая бездна, которую предсказывали нам в самых страшных пророчествах.

*Глохнет Слово, и за часом час
Божий образ покидает нас.
Мы уходим дальше от Христа.
Впереди пустая немота.*

Итак, бездна открылась. Она поглотит любого, стоящего перед нею в оцепенении, она поглотит того, кто волею заглядывает внутрь. А те, кто надеется уцелеть в полете «над бездной», — наивные утописты. «Уцелеть» можно лишь вне бездны. Ибо слово истинного поэта всегда обращено к Творцу. Надежда, которую дарит нам поэзия Валерия Хатюшина, сродни музыкальному аккорду, звучащему вне мирового хаоса.

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*(РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ)*

2005 г.

Оглядываюсь на двадцать лет назад и с горечью думаю: что же случилось с нами? Как мы смогли потерять нашу великую Родину? Почему, отчего наш народ в большинстве своем безвольно и малодушно наблюдал за гибелью страны? Ответов на эти вопросы есть множество, но все они не способны оправдать свершившейся народной катастрофы и реального факта: обескровленная, вымирающая Россия поставлена на колени. Это не значит, что она погибла и что народ русский окончательно смирился перед мировым злом и сатанинской мощью Америки, но гекатомбы русских жертв, накрывших нас с головой, наполнили многие сердца страхом и безысходностью. Народ наш деморализован и духовно опустошен.

Мы не можем знать воли и целей Провидения. В земном мире все имеет закономерность и смысл. Собственно, мы и должны были встать на колени после семидесяти лет атеизма, чтобы осознать свои грехи, чтобы раньше других очиститься и, содрав с глаз коммуно-демократическую пелену, воочию разглядеть истинных врагов — своих и всего человечества.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Нет, не все молчали в эти последние двадцать лет. Среди нас было немало тех, кто боролся за освобождение Родины от дорвавшихся до власти моральных уродов и их лживой демагогии. Нас было немало — тех, кто вышел на битву с врагами и предателями. И эта битва шла не на жизнь, а на смерть. Летопись той борьбы со многими подробностями, именами, историческими хитросплетениями изложена мною в книге «Черные годы», изданной в 2000 году. Может быть, эта книга кому-то в будущем поможет разглядеть и понять наше жуткое время, поможет увидеть то, что не все испуганно сидели сложа руки. Да, мы на сегодняшний день проиграли. Но если даже в поражении у народа были герои, ему есть чем оправдаться перед судом истории.

* * *

В конце 90-х годов прошлого века телевидение нам каждый день показывало русских рабов, сидящих на цепи в чеченских подвалах. Но население российское это почти не волновало, оно тут же переключало телящик на американский боевик, на футбол или на «Поле чудес». Всем казалось, что домашняя скорлупа уберезет от ненужных душевных переживаний. Но оказалось, что скорлупа эта — ничто перед силой гексогена. Равнодушные далеко не для всех оказались спасительным...

* * *

Либеральная пресса из года в год обзывала баркашовцев, лимоновцев и скинхедов «русскими фашистами». Но, собственно, что фашистского они сделали? Зарезали кого, изнасиловали, довели до самоубийства, заморили голодом? Например, Чубайс, Гайдар и Кириенко каждый в отдельности всю страну нещадно ограбили и довели народ до вымирания. И ничего, никто из либералов фашистами их не называет.

* * *

И пятнадцать и десять лет назад многие русские газеты и журналы отказывались публиковать мои статьи из-за наличия в них так называемой «еврейской темы». «Ну что ты, старик!.. — говорил мне с дрожью в голосе какой-нибудь редактор. — Это у нас не пойдет... Нет... Это не для нас... Еще закроют...» Ну прямо как в старом советском анекдоте: сидят двое чукчей на берегу Ледовитого

океана. Один говорит: «Хочешь расскажу антисоветский анекдот?» Другой отвечает: «Нет, что ты, еще сошлют куда-нибудь...»

Как ни смешно, вот это «еще сошлют...», «еще закроют...» до сих пор присуще большей части нынешней полуживой, полупридушенной, с позволения сказать, «русской» прессе.

* * *

Российское население, как это ни странно звучит, антинародно. (Я резко различаю эти два понятия: народ и население.) Оно всегда (скорее всего из трусости) голосует за власть, какой бы эта власть ни была.

* * *

Всё, чем владеет человек, на самом деле человеку не принадлежит. Человек смертен.

* * *

Так называемым «диссидентам» в 70-е годы было намного легче, нежели теперь нам. У них была моральная и материальная поддержка Запада, радиоголоса, им было куда уезжать. У нас же нет ничего, нам неоткуда ждать помощи и негде скрываться от репрессий власти.

* * *

Президент Всемирного еврейского конгресса Эдгар Бروفман в своем выступлении в январе 1991 года в культурном центре «Уай» в Нью-Йорке сообщил, что «суть демократии не во власти большинства, а в защите евреев от большинства».

* * *

Истину нельзя получить со стороны, ее нужно найти внутри себя.

* * *

Над Москвой — в центре русской столицы — в 2001 году над синагогой поднята шестиконечная звезда. На этой церемонии присутствовал мэр Лужков. Данный факт означает, что отныне Москва официально стала еще одним

форпостом сионизма. И не случайно здесь же, рядом со Старой площадью, была открыта еще одна еврейская «стена плача».

Простые русские люди, как это ни горько, не умеют понимать происходящее и не хотят задумываться о грядущем. В этом их слабость и в этом корень всех их бед.

* * *

Каждый день в России — жуткие катастрофы, диверсии, теракты, каждый день гибнут десятки, сотни, тысячи людей. Идет не просто война с Россией, идет прямое, откровенное уничтожение русского народа — под каждодневное, бесконечное веселье нерусских хохмачей на экранах телевизоров. Все больше веришь в то, что они — не люди.

* * *

Добродетель в страдании — источник гения и его первый признак.

* * *

Нас заставляют приспособиться к жизни во тьме.

* * *

Если раньше для всех народов национальной трагедией было поражение в войне, то теперь для большинства стран мира национальной трагедией становится проигрыш в игре под названием «футбол». Весь мир теперь замороженно смотрит, как 22 высокооплачиваемых недоумка пытаются загнать мяч в сетку ворот. И на это тратятся баснословные деньги — на то, чтобы загнать мяч в сетку ворот... Вот во что выродилась идея Бога о человечестве.

* * *

Поэт кончается тогда, когда заглушает в себе совесть.

* * *

Истинная поэзия — это соединение искреннего чувства, глубокого сознания, мастерской формы и Бога в душе. Большинству стихотворцев всегда чего-то из перечисленного не хватает.

* * *

Газета «Московский литератор» усилиями двух своих редакторов очень влюбилась в коммунистов. И это естественно. Не в русских же националистов ей влюбляться! Газета, словно опоздав на сто лет, анахронически зациклилась на красной идее. Трудно поверить в то, что данная «любовь» бескорытна... И это после того, как российские коммунисты за последние 15 лет проиграли абсолютно **всё** и абсолютно **везде** провалились.

О демократах тут говорить больше ничего не хочу. О них и мною, и другими тоже сказано **всё** за те же последние 15 лет в сотнях статей и книг. В наше время среди демократов практически нет русских людей, сознающих себя русскими. И мы уже знаем, что внедряться в жизнь идея демократии всегда начинается с красной идеи.

Демократия — это власть демона, а вовсе не народа. То есть — власть дьявола. Как и демонстрация — это праздник демонов. Не случайно же первые демонстрации были приурочены к 1 мая — то есть к Вальпургиевой ночи, к торжеству бесов и ведьм. И не случайно красная идея называется красной. Основное условие внедрения ее в жизнь — кровопускание голям.

* * *

Сначала нас заманили в западню под названием «перестройка». Это была спланированная акция по разрушению страны. И нам вдруг объявили, что мы проиграли «холодную войну». Теперь же оказалось, что все мы находимся в плену, и нам грозит полное уничтожение. А как заманчиво нас дурил Горбачев!

* * *

«Свобода творчества» — это «творчество», освобожденное от Творца. За свободу ратуют лишь духи тьмы. Они хотели свободы от Бога, и они ее получили. Те из людей, которые все время кричат о свободе и неких «свободах», — есть дети погибели, лишённые Святого Духа, а значит, имеющие темную душу. Достоевский называл их бесами.

* * *

Критик О.Дорогань обнаружил-таки нравственный вывод, сделанный Ю.Кузнецовым из пересказанного повествования Евангелия. Вот он: «Царство небесное каждо-

му в меру дано. В каждом из нас пребывает незримо оно». Ну что ж, если заезженная банальность становится для кого-то глубоким «нравственным выводом», да к тому же «звучащим в историческом контексте», это в принципе тоже неплохо. Но только «вывод» этот так и останется банальностью, открываемой разве что первоклашкам православных школ. Стоило ли писать несколько поэм ради **такого** вывода.

* * *

До 1981 года мне никак не удавалось опубликовать свои стихи в московском альманахе «День поэзии». Теперь-то — ясно почему. Уже тогда огромное значение в привлечении авторов для этого престижного издания имела клановость.

Ежегодно во главе «Дня поэзии» ставился новый главный редактор и назначалась новая редколлегия, которая и занималась отбором стихов. И вот в 1981 году главным редактором этого альманаха стал Анатолий Передреев, поэт, которого я очень ценил, но с которым не был знаком лично.

В то время я посещал литературное объединение «Красная Пресня», где руководителем был В.В.Кожин, друг Передреева. Вадим Валерьянович надоумил меня позвонить от его имени домой Передрееву, договориться о встрече и подвезти ему свои стихи для альманаха. «И не забудьте захватить с собой бутылку портвейна, — предупредил Кожин и тут же пояснил: — Но только выставите вино лишь когда он при вас прочтет и отберет стихи для публикации».

Я так и сделал. Позвонил Передрееву, представился, назвал имя Кожина. «Приезжай», — недовольно буркнул он. Я купил портвейн и поехал в Текстильщики, где в то время жил Анатолий со своей женой-чеченкой Шемой и дочкой Леной. На мой звонок дверь открыла полноватая крашеная блондинка средних лет. Это и была его грозная супруга, как потом я узнаю, строго оберегавшая дом и мужа от поэтов-собутельников. Она подозрительно осмотрела меня, потом махнула рукой в сторону закрытой двери передреевского кабинета. Я вошел в кабинет. В глубоком кресле сидел поэт, бросивший на меня колючий взгляд суженных глаз. Лицо его было темно-серым и помятым. Он принял из моих рук подборку стихов и указал глазами на другое кресло. Я присел. Читал он долго, как

мне показалось, минут пятнадцать-двадцать. «Ну вот, отобрал пять стихотворений», — тяжело вздохнув, заключил он. В его тусклых глазах мелькнула слабая надежда. «Спасибо, — сказал я и неуверенно добавил: — Анатолий Константинович, я вот тут... принес кое-что, если вы не возражаете...» Глаза поэта оживились. Я достал из портфеля бутылку портвейна. Передреев широко улыбнулся, встал с кресла, в глазах его появился голубой блеск, и он, предварительно обозвав меня идиотом, шепотом произнес запомнившуюся мне навсегда фразу: «Так с этого же надо было начинать!»

С того дня мы подружались.

Конечно, отобранные стихи потом Передреевым были потеряны вместе со стихами других поэтов. И мне пришлось привозить ему новую подборку. Но все же в 1981 году три моих стихотворения увидели свет в уникальном передреевском «Дне поэзии».

* * *

Когда мы познакомились с Татьяной Глушковой, она ввела меня в круг своих друзей. Среди них подвизался ныне забытый поэт Лев Смирнов. Через некоторое время Татьяна пожаловалась мне, что ее донимают каждодневные провокационные телефонные звонки, действующие ей на нервы и мешающие работать. Причем звонящие упорно повторяли одни и те же фразы: «Это квартира Юнны Мориц?» или «Позовите Юнну Мориц». Сомнений не было, телефонные провокаторы точно знали, что Ю.Мориц была непримиримым идеологическим врагом Т.Глушковой.

Я посоветовал ей обратиться с заявлением в местное отделение милиции, что она и сделала. Вскоре ее пригласил для беседы начальник отделения милиции, который сообщил ей, что хулиганские телефонные звонки исходили из квартиры Льва Смирнова. Татьяна была крайне поражена. Л.Смирнова вызвали на Секретариат Московской писательской организации и предупредили его об исключении из Союза писателей, если это будет продолжаться. Хулиганские звонки прекратились.

А Лев Смирнов оказался скрытым евреем.

* * *

В 1983 году, когда мы встретились с Татьяной Глушковой, она жила на окраине Москвы, на улице Лавочкина,

в районе метро «Водный стадион». Занимала она маленькую однокомнатную квартиру на самом верху блочной девятиэтажки. Летом крыша девятиэтажки накалялась от солнца, и в квартире стояла жуткая жара.

С помощью руководства Московской писательской организации Татьяна добилась получения ордера на другую квартиру — в писательском доме на Астраханской улице. Она была очень этому рада и готовилась к переезду. Но вышла серьезная заминка. Дело было в том, что квартира на Астраханской улице принадлежала поэту Владимиру Соколову, который, став лауреатом Гос. премии, должен был переехать в еще более престижный номенклатурный дом в Лаврушинском переулке, в центре Москвы. А переезжать он туда не спешил, потому что со своей женой Марианной затеял там какой-то баснословный ремонт. Но в квартиру Глушковой должен был въехать другой писатель, вообще не имевший в Москве жилья и обитавший у знакомых. У него тоже был ордер на руках, и он звонил Татьяне через день с требованием освободить помещение.

Прошел месяц, второй, а В.Соколов все не переезжал. Точнее говоря, не переезжали взрослые еврейские дети Марианны от первого брака, которые и обитали в этой самой соколовской квартире на Астраханской улице. Сам же Соколов проживал в другой квартире, принадлежащей жене Марианне.

Татьяна оказалась между двух огней. С одного места ее гнали, а в другое не впускали. В конце концов терпение ее лопнуло, и мы с нею приехали домой к Соколову, пригласив с собой участкового инспектора. Только из-за присутствия участкового нам открыли дверь. Дальше прихожей нас не пустили. Милиционер попытался объяснить супругам, что по закону после получения ордера квартира должна быть освобождена в течение месяца. В.Соколов, насупившись, молчал. Но тут вперед выступила Марианна и, нецензурно выругавшись, заявила: «Как вы смеете нам указывать! Мы люди другого положения!» После чего воспрянул духом и сам Соколов: «А вы, — указал он на меня пальцем, — в Союз не вступите. Я вам обещаю». Он имел в виду мое вступление в Союз писателей СССР.

Татьяна ждала еще полмесяца. Наконец квартира Соколова была освобождена. Когда мы в нее вошли, то сразу увидели, что жить в ней нормальному человеку нельзя.

Такой грязи, засаленности и насекомой живности я не встречал даже в тех общежитиях, через которые мне пришлось в своей жизни пройти. Полгода мы потратили на капитальный ремонт этой квартиры. Пришлось заменить в ней абсолютно всё. Зато потом, когда к Татьяне приходили многочисленные гости, все они удивлялись: как это нам удалось сделать такую уютную, красивую писательскую квартиру из той загаженной, кишасей тараканами еврейской халупы?

После ремонта мы пригласили священника отца Валериана, и он эту квартиру освятил. Вскоре отец Валериан меня крестил в своей церкви в поселке Отрадное недалеко от Москвы. Это было необыкновенно солнечным, морозным январским утром 1985 года.

А В.Соколов, между прочим, свое слово сдержал. Пройдя Бюро поэтов и Приемную комиссию, я был срезан на Секретариате Московской писательской организации: известный поэт резко выступил против моего приема в Союз писателей. Владимир Цыбин, выйдя с заседания Секретариата, которое проходило в ЦДЛ, подошел ко мне и сказал: «Терпи. Это плата за связь с Глушковой». Пришлось ждать еще целый год, прежде чем по апелляции я был принят на Секретариате российского Союза, где председателем был Юрий Бондарев.

К сожалению, квартира Татьяны Глушковой на Астраханской улице после ее смерти была кому-то продана.

* * *

У нас с Татьяной была своя тайна — озеро Белогоуль. Мы с ней много путешествовали по России и Прибалтике, но такой сказочной природной красоты нигде не видели. Кого я ни спрашивал из своих знакомых, никто про это озеро даже не слышал.

Оно сияло под нами голубой гладью в глубокой впадине, окруженной древним сосновым лесом на Псковщине, в десяти километрах от Михайловского, в котором мы с Татьяной жили целых две недели ранней осенью 1985 года. Забыть это невозможно. Наверняка его видел Пушкин. Озеро Белогоуль не раз упоминается в стихах Глушковой.

Мы обошли пешком все окрестности Михайловского, Тригорского, Петровского и Святых гор. Красота тех мест необыкновенна. Ее видели многие поэты. Но кто видел озеро Белогоуль? Оно до сих пор стоит у меня перед глазами...

* * *

После опубликования в «Российском писателе» двух своих критических статей «Без Божества» и «Во имя Истины», посвященных творчеству поэта Юрия Кузнецова (еще при его жизни), я, с одной стороны, получил очень много солидарных, одобрительных откликов от самых разных писателей, но с другой стороны — встретил откровенную злобу отдельных литераторов, чуть ли не переходящую в ненависть. Они почему-то решили, что в русской критике все должны думать одинаково.

Каждый великий поэт в большой степени определяется лирикой. Но «лирика» Кузнецова мало сказать грубовата, холодновата и порой слишком вычурна и заумна, ей, по моему ощущению, не хватает традиционной исповедальности, глубокой простоты и проникновенности сердечного чувства. Этот поэт даже и в своей «лирике» стремился казаться «глобальным», словно переворачивал булыжники.

Многие обращали внимание на то, что стихи Кузнецова переполнены холодными головными сентенциями. Он зарифмовал уйму анекдотов, известных баек, легенд, вычитанных историй, пока наконец не добрался сначала до «Слова о Законе и Благодати» Иллариона, а потом — до Евангелия, которые тоже запечатлел в своем изложении. Наверное, он хотел испробовать в этом свои силы. Он искал, скорее всего, значительную тему, ему нужно было на что-то опереться, но в современной действительности такой содержательной опоры он не нашел. Поэтическая работа была проделана большая, но это был вторичный труд.

Ю.Кузнецов — э л и т а р н ы й поэт. В том смысле, что простому читателю он в основном непонятен. Его стихи чаще всего перегружены сложными символами, которые профессиональным критикам приходится всякий раз расшифровывать, интуитивно угадывать и доходчиво объяснять, чтобы стихи эти стали доступны неискушенному в литературе читателю. Кузнецов — это поэт для поэтов.

Элитарность и народность — извечная проблема литературы.

* * *

В.Бондаренко в который уж раз ни к селу ни к городу пытается хоть чем-то меня уязвить в печати после моих статей о последних поэмах Ю.Кузнецова. «Сколько бы

В.Хатюшин ни ходил в церковь, он никогда не достигнет уровня Ю.Кузнецова», — опять повторил в своей газете неугомонный критик. Вот только при чем тут церковь? Можно подумать, что посещение церкви для Бондаренко является чем-то неприемлемым. Как будто сам он ходит в синагогу...

* * *

«Рай» у Кузнецова не получился. И он сам это понимал, судя по его собственным высказываниям, записанным друзьями. Его *естественной* темой был «Ад». Тут он купался как в своей стихии и был очень доволен своим «Сошествием в ад». В этой поэме Кузнецов выложил весь. Свой «Ад» он в и д е л во всех подробностях, но «Рай» ему не открылся. Это понятно даже по тому отрывку, что напечатан в «Нашем современнике» (2004. №11). С этим он и ушел от нас.

* * *

В сентябре 1985 года мы с Т.Глушковой побывали в Пскове. Нас там обещал встретить критик Валентин Курбатов, однако не встретил. Мы поселились в гостинице. Татьяна несколько раз звонила Курбатову домой, но телефон не отвечал. И мы целую неделю были предоставлены в Пскове самим себе. Гуляли по городу, по набережной реки Псковы, осматривали псковский кремль, древние полуразрушенные крепости, монастыри и храмы, съездили в Псково-Печерскую лавру. Потом ранним утром сели на речную «Ракету» и по Чудскому озеру приплыли в Эстонию, в город Тарту (бывший Юрьев). Надо сказать, что прибалтийские республики еще в советское время для нас, россиян, были как заграница. Мы бродили по узким, малолюдным, экзотическим улочкам Старого Тарту, заходили в магазины, заваленные импортными товарами, в маленькие уютные кафе, всё более ощущая себя в какой-то другой стране. По каменным ступеням мы спустились в глубокое подземелье бывшей крепости, где когда-то, в прошлые века, находился оружейный арсенал. Теперь там устроили еще одно кафе, вернее, бар, стены которого были выложены огромными голыми камнями, а над стойкой висело чучело совы с блестящими круглыми глазами и распахнутыми крыльями. Создавалась иллюзия, будто ты попал в средние века.

Надо напомнить, что с середины 1985 года уже началась горбачевская «борьба с пьянством», и по всей стране

в кафе запрещалось продавать крепкие спиртные напитки. Но Эстония жила по своим законам. Барменша без лишних слов приносила нам за столик водку с соком столько, сколько мы заказывали, и при этом мило улыбалась. Когда мы вечером вышли наверх, то с башни ратуши раздавался бой старинных часов. Мы возвращались на «Ракете» в Псков, и у нас обоих было такое ощущение, словно мы побывали в сказке. Уже в Москве я написал стихотворение «Обещание», которое начинается со слов:

*Всё, что есть, я поставлю на карту
и ничуть не раскаюсь потом, —
мы еще посетим в Старом Тарту
этот рай под свиным крылом...*

Что же касается Валентина Курбатова, то не могу не сказать, что он просто испугался общения с Глушковой в своем родном городе, где в то время старался выглядеть в глазах местной интеллигенции таким либерал-патриотом. В восьмидесятые годы сионизированная печать уже в избытке нацепляла на Глушкову свои излюбленные ярлыки — «ретроградка», «мракобеска», «антисемитка» и т.п. Одно дело вести с Татьяной личную переписку, где можно казаться очень смелым, бескомпромиссным товарищем и единомышленником, и совсем другое дело — общаться с «антисемиткой» открыто, на виду у всеведущей еврейской «общественности»... Вот Курбатов и спрятался от нас, когда мы проездом на неделю остановились в Пскове.

* * *

Не хочешь вертеться — умей жить.
Сколько бы волк ни смотрел в лес — его надо кормить.
Яблоня от яблока недалеко падает.

* * *

Огромное число людей, пишущих стихи, понятия не имеют о том, что такое поэзия.

2006 г.

Для понимания того, что хорошо и что плохо, существует простая формула: то, что связано с Богом, — положительно, и все то, что с Богом не связано, — отрицательно.

Но как понять, ЧТО связано с Богом и ЧТО не связано? Опять же очень просто: с Богом связано все то, что поддерживается Православной Церковью. Мне могут возразить: современная Православная Церковь в лице ее патриарха даже Ельцина поддерживала... И на это тоже имеется ответ: нужно различать Православную Церковь как организацию, состоящую из разных, в том числе из случайных и грешных людей, и Православную Церковь как организм, как истинную веру, как мистическое Тело Христа, исполненное Святого Духа, — эта Церковь неизменна, и ее святые отцы дали ответы на все вопросы человеческой жизни.

* * *

Мифический или литературный персонаж никогда не способен стать основателем всемирной религии, каковой является христианство. Таковым мог быть ТОЛЬКО человек реальный, наделенный к тому же Божественной природой. Будду и Магомета абсолютно все признают историческими личностями, а вот Христу в этом многие критики христианства отказывают. За последние две тысячи лет в мире жили миллиарды людей, веривших в реально существовавшего на земле Христа. Значит, как считают эти «критики», миллиарды были идиотами (и среди них — сотни гениев), а вот единицы атеистов-«критиков» — единственно нормальными...

* * *

Обо всем том, что в 1998 году А.Солженицын сказал в своей книге «Россия в обвале», я писал в «Молодой гвардии» и за пять, и за десять лет до ее выхода. Но почти вся так называемая «русская критика» относилась к моим публикациям с холодным равнодушием. А вот после выхода этой лицемерной книги Солженицына В.Бондаренко захлебывался от восторга по поводу опубликованных в ней «потрясающих откровений». Более того, этот «русский критик» и теперь называет бывшего литературного диссидента (кем бы вы думали?) «лидером русского национализма»! Не насмешка ли это над всеми нами?

Но что же «русский националист» Солженицын поведал нам такого, о чем бы истинные патриоты России не кричали бы криком в последние пятнадцать лет?

* * *

В советское время являлось непререкаемым мнение о гениальном уме и образованности Ленина. Однако уже тогда, в советское время, я был потрясен невежеством этого человека, когда читал его письма в Полном собрании сочинений. Например, это:

«Говорят, Жук (убитый) делал сахар из опилок? Правда это? Если правда, надо обязательно найти его помощников, дабы продолжить дело. **В а ж н о с т ь г и г а н т с к а я.** Привет, Ленин» (т. 51, с. 74).

А вот его признание в другом письме — от 18 января 1920 (!) года:

«Тов. Луначарский!

Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля... Ваш Ленин».

* * *

Как-то в Союзе писателей России была презентация моей книги «Собрание стихотворений». Поэтический вечер прошел довольно тепло, дружески, все, кто выступал, говорили добрые слова. Потом был хороший фуршет, все, кто пришел, поздравляли, радовались, пели под гитару.

Но что интересно: почти все рабочие секретари Союза писателей — Ляпин, Сергованцев, Г.Иванов, Лопусов, Дорошенко и другие работники аппарата до начала моего творческого вечера сбежали с работы (вечер начался в 17.00), хотя накануне они мне обещали прийти и выступить. Конечно, побоялись светиться. Как же — у Хатюшина репутация «антисемита»... Ну и, скорее всего, Баранова-Гонченко с Бондаренко тоже с ними поработали...

* * *

В Орле прошел съезд Союза писателей России. В число делегатов меня, естественно, не включили. Сопредседатели В.Н. Ганичева, занимавшиеся организацией съезда (на словах — друзья), на деле оказались (в который уж раз!) трусоватыми. Но прочитал я после съезда доклад Ганичева — и все стало ясно. Журнал «Молодая гвардия» в этом докладе ни в каком виде не упомянут ни разу. Более того, не назван ни один автор нашего журнала. И это несмотря на то, что «Молодая гвардия» является органом Союза писателей, а Ганичев входит в ее редколлегию.

* * *

О поэзии в наше время чаще всего и больше всего на страницах печати говорят люди, которым вообще не дано понимать и чувствовать поэзию.

* * *

«Их должно резать или стричь» — сказал великий поэт. Нас уже давно и режут, и стригут. Пока болельщики «Спартак» и «Локомотива» орут на стадионах, пока женская и пенсионная часть страны сидит у телевизора, пока молодежь сатанеет на рок-концертах и ширяется в подъездах, двуногих баранов каждый день режут и стригут по закону и букве Талмуда.

* * *

Если евреи неожиданно поднимают истерику и мировой гвалт, это значит, что кто-то где-то сказал про них правду.

* * *

Чтобы спастись, мы, конечно, можем надеяться на чудо. Но чудо происходит тогда, когда народ его заслуживает. Заслуживают ли спасения подписчики «Московского комсомольца»?

* * *

Русский национализм в России в широком смысле невозможен. Чтобы понять это, достаточно сопоставить два таких факта: подписной тираж журнала «Молодая гвардия» — 2000 экз., а «Московского комсомольца» — два миллиона. Причем два миллиона безмозглых баранов даже не понимают, что читают и финансируют русофобскую газету.

Какие-то малочисленные организации или отдельные националисты есть и будут в России, но не более того. Российский обыватель воспитан в духе атеизма и интернационализма, к тому же он патологически труслив.

* * *

Я долгое время был близко знаком с двумя крупными русскими мыслителями: с Вадимом Кожиновым и Аполлоном Кузьминым. При жизни оба они относились друг

к другу крайне негативно, стояли на разных позициях во взглядах на русскую историю и нередко полемизировали друг с другом в печати. Но что интересно: они оба восторженно любили поэзию Николая Рубцова, играли на гитаре и пели романсы на его стихи...

Я думаю, на том свете Рубцов их примирил.

* * *

В 2002 году над Германией был сбит наш пассажирский самолет, в котором летели 79 человек. Сорок пять из них были дети. Наш самолет был именно сбит, судя по всему, с помощью американского беспилотного самолета, управляемого с земли. Родственники погибших получили компенсацию — американскими зелеными бумажками, которыми заменили наших детей.

В 2001 году такие же беспилотные, управляемые с земли самолеты врезались в две башни на Манхэттене и в пустующую часть здания Пентагона (по последним данным, в Пентагон вошла незаряженная крылатая ракета). После чего американцы, развязав пропагандистский «антитеррористический» гвалт, вторглись в Афганистан и в Ирак. Этот вывод о беспилотных самолетах вытекает сам собой из сопоставления всех известных фактов и свидетельств, касающихся рухнувших нью-йоркских небоскребов и незначительных разрушений в Пентагоне.

Американский фашизм — самый изощренный и самый мерзкий на земле.

* * *

4 декабря 2005 года я был наблюдателем на одном из участков Преображенского округа г. Москвы по выборам в Мосгордуму и довыборам в Госдуму — именно там, где избирался полковник Владимир Квачков, обвиняемый, как известно, в покушении на Чубайса. И вот что важно: на всех избирательных участках этого округа, где происходили довыборы в Госдуму, были установлены электронные урны, то есть подсчет голосов здесь производился электронным способом. Но при этом перепроверки итогов голосования ручным способом не предполагалось.

Две соединенные между собой урны, в которые опускались бюллетени, являли собой единый компьютер — системный блок. Но нетрудно догадаться: если был системный блок, значит где-то за стенкой, в каком-то каби-

нете **имелся монитор**, за которым сидел оператор, наблюдавший за ходом голосования. И данные этого голосования были у него перед глазами — **заранее, до окончания выборов.**

Общая цифра проголосовавших высвечивалась на электронных урнах, создавая у обывателя впечатление честности и объективности выборов. Итог же голосования был выведен с помощью принтера, подключенного к этим электронным урнам. Когда же я получил на руки протокол, то обнаружил еще одну интересную вещь. Действительно, общее число голосовавших соответствовало той цифре, что светилась на урнах. Кандидат от «Единой России» Шаврин, согласно протоколу, получил 415 голосов, а находящийся в заключении полковник Квачков — 379. То есть разница была в 36 голосов. Но в графе недействительных (т.е. бракованных) бюллетеней стояла цифра 70. И тут можно легко уразуметь, что оператор, сидящий где-то за стенкой и видящий то, что Квачков опережает Шаврина, допустим, на десять голосов, производит определенную манипуляцию на клавиатуре, отнимая у Квачкова 46 голосов и переводя их в графу недействительных бюллетеней. Но узнать это невозможно, потому что ручного подсчета после окончания выборов в этом случае **не предусматривается**. То есть власть заранее обезопасила себя от уличения в этом обмане. И подобные манипуляции могли проделываться (и, не сомневаюсь, проделывались) на каждом избирательном участке, где происходило электронное голосование.

Конечно, теперь это уже невозможно доказать. Бюллетени, по российским законам, сразу же уничтожаются. Но все мы должны знать и понимать: **электронное голосование — это стопроцентная возможность изменять итоги выборов в нужную для власти сторону.**

Вот так нынешняя власть внаглую дурит доверчивых российских обывателей, которые, со своей стороны, и сами рады обманываться.

* * *

Нам суждено было стать свидетелями того, о чем мечтали завоеватели всех прошлых времен: одно государство установило господство над всем миром. Земной шар завоеван Америкой. И достигла она этого с помощью жестокости, коварства, подлости и лжи. Причем в большей степе-

ни — с помощью лжи. Мы пережили тотальную агрессию вранья. И сейчас весь мир находится под оккупацией лжи. Для Америки ложь — это смысл существования.

* * *

Американские скоты убили Слободана Милошевича. Ничего не сумев доказать в т.н. «Гаагском трибунале», они, развязавшие гражданскую войну в Югославии, испугались его твердости, честности и правоты. Опасаясь новых разоблачений, «общечеловеки» его отравили. Но герои своего народа останутся героями. А скоты так и пребудут в истории скотами. Да и сербы тоже хороши. Сначала добились отставки Милошевича с поста президента, а потом сдали его американско-европейским фашистам, бомбившим их страну. Это темное пятно еще долго не смоеется с совести большинства сербов.

* * *

Эстрада — это низший жанр искусства, к тому же не стремящийся к духовному развитию и давно уже находящийся в руках эстрадной мафии, которая имеет от нее огромные доходы.

Эстрада существует и паразитирует на неразвитости публики, и ей не нужно, да и не выгодно, чтобы публика совершенствовалась в понимании искусства. Она работает на потребу толпы, ей необходимо безмысленное, мгновенное, сиюминутное восприятие этой толпой. Эстрада имеет лишь косвенное, опосредованное отношение к культуре, лишь редкие единицы вырвались из нее, не захваченные эстрадной мафией, войдя в русскую культуру. Например, певцы Козин, Русланова, Шульженко.

Теперь эстрада стала просто шоу-бизнесом, безголобые «певцы» орут под фонограмму, а голоса им делает компьютер.

Во время нашей нескончаемой трагедии по всем каналам ТВ эти эстрадники ржут до упаду, круглосуточно хохочут, смешат публику. Как же, у них — праздник...

Высоцкий — это тоже атрибут эстрады. Многие свои песни он делал на заказ — для фильмов и театра.

Не случайно эта российская власть ставит Высоцкому памятники — он ей нужен. Не случайно все «либералы» от него без ума. И в наши дни он был бы с ними, а не с нами.

* * *

Так называемые «секретари» Московской городской организации Союза писателей России, пользуясь служебным положением, превратили свою «мосписовскую» лавочку в личную кормушку — без всякого стеснения все последние годы распределяют между собой стипендии, премии, награды, новые должности и т.д. Причем крайне узок круг этих членов Правления МГО, пользующихся благами своего служебного положения. Как ни откроешь их «многотиражку» — среди награжденных и облагодетельствованных увидишь одни и те же фамилии, что вызывает у писателей уже не удивление, а смех. И почти на каждой странице как «Московского литератора», так и «Московии литературной» — вальяжные, самодовольные физиономии Котюкова, Замшева, Голубничего, Бояринова, Коноплянникова... Но за какие заслуги? Что они создали в литературе значительного? Ровным счетом ничего. Когда-то кое-кто из них подавал творческие надежды, которые из-за приспособленчества, тяги к наживе и карьеризму так и остались нереализованными.

Владимир Гусев, руководитель этой «черты оседлости», превратил свою организацию в какую-то странную «закрытую» контору, озабоченную исключительно добыванием доходов для самих себя. И даже новых членов СП эта контора штампует, как копировальный станок, с той же целью: ради увеличения доходности организации. Но вот московским писателям от этой самоцельной доходности, как говорится, ни холодно, ни жарко. Членские взносы увеличили до 500 руб., а бесплатные книжечки в 100 экз. издавать им отказались. Чем-то это всё напоминает российский Стабфонд, спрятанный от населения в американских банках...

Так и не став серьезным писателем, В.Гусев решил, видимо, удовлетворить свое самолюбие в качестве писательского «руководителя». И теперь по этой причине любую критику в свой адрес воспринимает как личное оскорбление, доведенное в алкогольном возбуждении до вселенского значения, и готов безбожно мстить за это, сводя счеты по «закону», точнее, *по понятиям* известной братвы.

Рыночные аферисты, дорвавшиеся до власти в России, толкнули писателей на путь нетворческого обогащения, на путь личной выгоды любыми средствами. И многие на

этом поприще — переродились нравственно, скурвились, превратились в дельцов, забыли о своем прежнем предназначении, решили, что нужно теперь хапать и рвать везде, где возможно. (Одна только история с продажей Дома творчества «Малеевка» чего стоит!..) И литература как таковая в своей второстепенности и даже ненужности стала для них лишь приложением к теплому месту и бесчисленным премиям, даваемым непонятно за что.

Все знают, что В.Гусев давным-давно загубил журнал «Московский вестник», в котором просто нечего читать. Все знают об этом и молчат, боясь гусевской мести, надеясь в душе на какую-то его мелкую подачку. Журнал этот нужно создавать заново, с другими людьми, чтобы он отвечал современным требованиям русской жизни и русской литературы. И руководитель МГО нам тоже нужен другой — смелый, честный, всеми уважаемый, трезвый русский писатель, способный работать на этом месте не по совместительству, а всерьез — ради русской словесности и в интересах всех московских писателей, а не ради обогащения своего узкого клана.

* * *

Человечество еще всерьез не задумалось о том, что впало в новое всемирное помешательство, причем языческое помешательство — футбол, а если говорить шире — в большой спорт. Но футбол стал для миллиардов людей в полном смысле новой языческой религией со своими идолами и божествами. И самую главную, а потому зловещую, антихристианскую роль в прославлении этих идолов играет телевидение.

* * *

Если в советское время была цензура, то теперь — репрессии. Если тогда запрещено было ругать советскую власть, то ныне — евреев.

* * *

Из всей т.н. «советской литературы» выжила и осталась во времени именно та, которая не служила коммунистической власти и была независимой в точном смысле этого слова. Кстати сказать, диссидентствующие авторы были как раз более всего зависимы и от ком. власти, и от западных покровителей.

Мне могут возразить: а как же быть с Шолоховым? Отвечу: именно он своим творчеством как раз и власти не служил, и не был ни от кого зависим. Наоборот, власть, послесталинская, заискивала перед ним и опасалась его жесткого мнения.

* * *

За отступничество Бог наказывает гораздо сильнее тех, на кого Он надеется, нежели тех, от кого Он отвел Свой взгляд.

* * *

В марте 1921 года Сергей Есенин начал работу над драматическим произведением «Пугачев», которая была закончена им в августе того же года. Причем это было произведение о **поражении** пугачевского бунта. Но интересно в связи с этим вспомнить о тех трагических событиях, которые произошли в стране как раз к моменту начала данной поэтической работы. Именно в марте 1921 года было окончательно разгромлено войсками Тухачевского восстание крестьян Тамбовской и Воронежской губерний — так называемый «Антоновский мятеж». Случайно ли такое совпадение? И не это ли **поражение** крестьянского восстания толкнуло С.Есенина к написанию драмы «Пугачев»?

Известно, что Есенин очень сильно переживал гибель «Руси уходящей», ведь он был крестьянский сын, сын деревни, вынужденный приспособливаться к порядкам новой власти. Писать о реальной трагедии народного восстания он не мог — расстреляли бы без снисхождения, как расстреляли в том же году Н.Гумилева. И потому, возможно, Есенин обратился к истории разгрома Пугачева, чтобы через нее исторгнуть из души весь свой плач по гибнущей крестьянской Руси.

* * *

Уважать такого морального монстра, как США, можно только при наличии извращенного понимания справедливости.

* * *

Неплохой писатель А.Проханов, как показало время, оказался беспринципным игроком на политическом поле.

Недавно он облизывал Березовского, Ходорковского, Чубайса, теперь — облизывает Путина. И ему, похоже, ничуть не стыдно. Но стыдно видеть всё это.

* * *

После создания СССР всё было у нас сделано по-ленински, как он и завещал, то есть в стране должна была, по его словам, оформляться *«федерация для национальностей с отдельными центрами без отдельного центра для русских»* (ПСС, т.22, с.230).

2007 г.

То, что никаким западным политикам нельзя верить на слово, известно любой кухарке в России. А вот Путин поехал в Европу (на саммит в Мюнхен) жаловаться тем, кто его обманул. Мол, обещали не расширять НАТО, обещали не разворачивать ПРО в Восточной Европе, а сами что делаете?.. Выглядело глупо и смешно.

Это все равно, что жаловаться вору на то, что он вас обокрал, или жаловаться волку на то, что он хочет вас съесть. Можно себе представить, как внутренне эти воры и волки хохотали над жалобами Путина и одновременно торжествовали от сознания своей победы и ничтожной беспомощности бывшей державы.

Может, Путин не знает, что смысл мировой политики в том и заключается, чтобы переиграть, перехитрить противника и получить для себя бóльшую выгоду? А если знает, то что же корчит из себя наивного ребенка? Хочет таким вот образом оправдаться перед народом за свое головотяпство и уйти от ответственности за то, что нарушил безопасность страны и позволил врагу нагло нами помыкать?

Так всегда бывает, когда у власти оказываются случайные люди — неожиданно для них самих, как это в 1999 году произошло с Путиным.

* * *

Есть такой «критик-демократ» В. Оскоцкий. Этот ничтожный функционер с говорящей фамилией в своих безъязыких доносных опусах постоянно апеллирует к власти: мол, как это демократическая власть до сих пор терпит людей, «свихнувшихся на патриотизме»?..

* * *

«Такая власть не нужна», — произнес В. Путин в прямом телеэфире во время так называемого «общения с народом». Мы-то об этом знали давно без подсказки президента. Но проговорки этой власти о себе самой весьма красноречивы.

* * *

Стихи сами по себе (даже очень хорошие стихи) — это еще далеко не всё для становления большого поэта. Без сформировавшейся личности, без вполне ясных, определенных поступков, без четко выраженного мировоззрения, которое подтверждено всей жизнью, крупный поэт в России состояться не может.

* * *

В России планомерно уничтожаются основы жизни людей. Жизнь нормального человека в России теряет всякий смысл, так как не представляет уже ни малейшей ценности. Если в стране (опять и опять) в один день более ста горняков гибнет в шахте и 63 человека заживо сгорают в интернате для престарелых, то говорить уже просто не о чем. Жизнь человеческая при нынешней власти стоит меньше окурка.

Писатели пишут какие-то стишки, повестушки, пьески, а эта власть истребляет народ физически с дичайшей интенсивностью и ехидно ухмыляется: мол, пишите, пишите, продолжайте свое дело, ну а мы будем делать свое...

* * *

В Красноярске совершено еще одно «странное» убийство ребенка. На этот раз — пятилетней девочки. Ее обезображенный труп был найден на пустыре 29 марта... Два года назад здесь же были найдены пять полусожженных тел мальчиков — в то же время года... Как показала экспертиза, все тела детей были обескровлены. Это постыднее «Дела Бейлиса».

* * *

Двести лет назад США были созданы мировым масонством в том числе и для того, чтобы воссоздать и воору-

жить Израиль. На американском флаге — пятиконечные звезды, однако все штатовские шерифы носят на груди шестиконечную звезду. Это чтобы все видели и знали, что американские законы в первую очередь защищают интересы евреев.

* * *

Дикторы современного российского телевидения («мужчины») имеют отвратительную внешность и тонкие педерастические голоса. Это еще один из способов навязывания населению т.н. «гейской культуры» (помимо всех этих «сердючек» и смехачей в женских одеждах).

* * *

Каждодневный телевизионный маразм постепенно превращает людей в дебилов и дегенератов. Телевизор в наши дни — это хладнокровный убийца, который медленно вытравляет в человеке душу и забирает его жизнь. Телевидением уже много лет управляют слуги дьявола.

* * *

Две трети «стихотворных» текстов И.Бродского — это наимахровейшая графомания и пустота. Читать и воспринимать их можно только имея извращенно-шизоидное представление о поэзии. Собственно, поэзии как таковой в этих текстах, за редчайшим и случайным исключением, нет ни на йоту.

* * *

Когда публицисты пишут свои статьи, то надеются на какую-то реакцию со стороны читателей. Но надежды эти совершенно бессмысленны. Цель читателя — получить удовольствие (или моральный стресс) от прочитанного, только и всего. Ни на какую действительную реакцию он, во-первых, не способен, а во-вторых, у него и цели нет такой — отреагировать практически.

Еще Достоевский высказал мысль, что читатель похож на осла, который стоит с разинутым ртом и ждет, когда ему положат в рот сладость. Теперь можно сказать об этом еще точнее: читатель нынешний похож на наркомана, который ждет ежедневной дозы кайфа. Прочел очередной жареный материал, получил эмоциональный кайф,

побалдел, посмаковал его внутри себя — и ждет нового острого или чернушного материала. О чем он читал два-три дня назад — уже не помнит, да и зачем? Тот кайф прошел, иссяк, надо получить новый. И так бесконечно, день за днем. Лишь бы побалдеть от прочитанного, лишь бы получить кайф. Типичная психология наркомана. А сколько при этом гордости за себя! Как же, он ведь читает патриотическую прессу! Не боится читать. Но в этом и всё его «геройство», всё его «патриотическое дело» — в получении кайфа.

* * *

23 апреля сдох Ельцин (или, как его называли при жизни, Беспалый, Рыло, ЕБН...), загубивший два великих государства — Советский Союз и Россию. Путин произнес траурную речь по телевидению, в которой соловьем заливался о достоинствах «первого президента России». Три дня воспевали его и прославляли либеральные витии. И все в один голос долдонили: «Он дал нам свободу!» Да, конечно, он дал вам свободу безнаказанно проливать русскую кровь. При вашей власти в России — каждый день траур.

* * *

Теперь уже можно сказать с абсолютной уверенностью, что **Европе была не нужна наша Победа 1945 года.**

Европа после подчинения ее гитлеровской Германии в основном смирилась со своим положением (ну, разве что, может, кроме Англии), надеясь всячески задобрить Гитлера. И русских войск на своей территории она не хотела.

Это окончательно доказали события в Эстонии. На снос памятника советским воинам, погибшим в той войне, Европа отреагировала полным равнодушием, а некоторые страны (Польша и Финляндия) — публичным поощрением. И дело тут кроется не в наших войсках, **«оккупировавших»** (по мнению сменивших хозяина восточноевропейцев), а вовсе не **освободивших** Европу от германского нацизма. Дело — исключительно в исконной ненависти ее к России и к русским. В ненависти, исходящей из патологического страха европейцев перед русскими, перед нашей духовной силой и нашей территорией. При каждом взгляде на карту мира ничтожные европейцы начинают внутренне содрогаться от страха и ненависти к нам.

Ненависть эта — в крови европейцев (нас они за таковых не принимают), и она — неистребима. Она давно затмила им разум. Любые события в мире (политические, культурные, экономические, спортивные...) они воспринимают лишь сквозь призму этой ненависти, с незапамятных пор переросшей в их высокомерный комплекс неполноценности.

И поэтому, повторяю еще раз, Европе не нужна была наша Победа 1945 года. Именно поэтому Европе плевать на притеснения русских «неграждан» в убудочных прибалтийских республиках, и плевать она хотела на наши жертвы той войны. Именно поэтому она мечтает о сносе **всех** памятников советским воинам, памятников **русской** славы, пока еще стоящих на ее площадях. Польша уже официально, устами президента, объявила об этом.

* * *

Придет время, когда будет спрошено у каждого мужчины: а что ты сделал для освобождения страны? Сидел в кустах и дожидался, когда это сделают другие? Или, может, бегал голосовать за нерусскую власть? И ответить на эти вопросы придется каждому.

* * *

Вот что говорил Гиммлер о немцах: «Из 80 миллионов честных немцев... у каждого есть свой порядочный еврей — первосортный еврей. Конечно, все другие свиньи, но данный еврей — первосортный еврей». И до чего же это схоже с русскими! Почти про каждого русского можно сказать то же самое.

* * *

По официальным американским данным (опубликованным в американских СМИ), население США на 52 процента состоит из дегенератов — психов, алкоголиков, наркоманов, гомиков, лесбиянок, педофилов, некрофилов и тому подобных вырожденцев. И эта страна претендует на управление всем миром! Незавидное будущее у этого мира...

* * *

Вырождение американского населения происходит из-за полового смешивания людей разных рас и националь-

ностей. Именно смешивание кровей вызывает всевозможные физические и психические отклонения.

Вот и в России на протяжении многих лет антирусские «специалисты» в области медицины и генетики вдалбливали нашему народу, что межнациональные браки положительно сказываются на качестве потомков. Любые выступления о лживости этих утверждений резко пресекались. Но умные люди догадывались об этой официальной лжи по элементарным примерам с животными: стоит только один раз скрестить (повязать) двух разнопородных собак, как они тут же утрачивают свои породные качества и уже не стоят ни гроша. Это знает каждый собачник. Но ведь у людей и животных на земле одна и та же природа... Просто у животных это происходит быстрее, заметнее.

При физиологическом смешивании людей разных наций (тем более рас) разрушается природный, генетический код нации. Последствия этого разрушения никак не могут быть положительными. Дети, рожденные от таких смешиваний, становятся в полном смысле слова неполноценными. Дальнейшее же их национальное или расовое смешивание и ведет к необратимому вырождению, к сексуальным, психическим и нравственным уродствам. Что мы и наблюдаем на примере США.

* * *

В газете «День литературы» и в журнале «Дом Ростовых» вышла статья краснодарского писателя Петра Ткаченко «Я зову в собеседники время...», в которой он опять клеймит меня за мою статью «Без Божества», критикующую поэмы Ю.Кузнецова «Путь Христа» и «Сошествие в ад». Не приведя ни одной моей цитаты, он голословно и настойчиво на протяжении всей статьи называет меня «ортодоксом». Правда, так и не объяснив, «ортодоксом» чего? К моему сожалению, видимо, в силу своей поэтической и увлекающейся натуры, я никогда не был ортодоксом чего бы то ни было. В чем, конечно, грешен. Ведь Православие — это сугубо ортодоксальная вера.

По всей вероятности, вторую мою статью «Во имя Истины», продолжающую разговор о поэмах Кузнецова, Ткаченко не читал, т.к. в ней даны все ответы на те недомыслия, которыми перегружена его глуповатая статья.

Но до чего же скучно в который уже раз видеть эту жалкую, неубедительную апологию поблекшего «кумира»!

(П.Ткаченко признается, что Ю.Кузнецов (тоже краснодарец) с юности был его поэтическим кумиром.) Как считают бондаренки и ткаченки, никакая критика их «кумиров» не допустима. И православный взгляд на творчество подобных неприкасаемых «гениев», по их мнению, может иметь и выражать только «ортодокс». (Вот они-то, на деле, и есть ортодоксы своего мнения и своего «кумира»...)

С годами Православие сильнее и глубже будет проникать в души русских людей, и сторонников моего взгляда на поэмы Кузнецова станет намного больше, нежели бондаренковско-ткаченковских. Впрочем, уже и теперь кузнецовские поэмы многим творческим людям читать интересно.

* * *

Глядя на нескончаемую трагедию нынешнего Ирака, понимаешь: вот что бывает с народом, предавшим своего вождя и отказавшимся защищать Родину от вражеской оккупации.

* * *

Мы часто говорим, что русских в России, мол, 80 процентов. Но что это за русские? Основная часть из них — алкаши, торгошники, охранники, менты, всякого рода аферисты, банковские работники, недалекие женщины, телевизорные пенсионеры, а также неслыханное количество морально разложившихся обывателей и маргиналов. То, что у них отняли национальность, их совершенно не волнует. Они или не голосуют вообще, или голосуют только за власть.

Русские патриоты в России — это малочисленная *диаспора*, лишенная этнических прав, национально чуждая всем структурам власти и жестоко подавляемая ими как физически, так и морально. Против этой малочисленной, разобщенной *диаспоры*, не имеющей к тому же единого лидера, стоит двухмиллионная армия милиции, внутренних войск и ОМОНа, на вооружении которых имеются даже танки и авиация.

* * *

Русская патриотическая *диаспора* имеет немало своих писателей. Однако страна их не знает, о них ни слова не

услышишь ни по радио, ни по телевидению, как будто живут они в другой стране. За свой писательский труд они не получают денег, их книги или вообще не издаются, или выходят мизерными тиражами, изданные чаще всего на их собственные средства. Достаточно сказать, что стихотворные сборники поэтов этой русской *диаспоры* имеют тиражи 100 — 200 экз., да и те не распродаются, а раздариваются. Тираж 500 экз. уже считается большим. И это при том, что книжные магазины завалены красиво отпечатанной, многотиражной литературой, в частности, стихотворными книжками, в основном еврейских авторов, выпущенными за счет еврейских же издательств.

Нас, русскую патриотическую *диаспору*, загнали не в территориальное, а в моральное гетто. Мы пребываем в нем уже не менее 15 лет, но многие из нас его до сих пор не замечают, не осознают. Некоторые из нас выпускают разного рода малотиражные газеты, журналы, альманахи и самонадеянно думают, что они заняты очень важным для всей страны делом. И переубедить их в обратном, объяснить смехотворность и трагичность их положения практически невозможно. «Важность» их дела затмевает им разум и застит глаза.

Тиражи наших газет, журналов, книг (из-за малочисленности читателей русской *диаспоры*) с каждым годом становятся все ниже, да и само население патриотической *диаспоры* в результате морального и физического геноцида постоянно уменьшается.

Кто-то скажет — слишком пессимистическая картина. Да, оптимизмом наша реальность не страдает. Но все же есть, проглядывается отдаленный просвет. Среди молодежи уже заметно прорывается недовольство положением русских в России. Яркие примеры — Кондопога и Ставрополь, где двадцатилетние парни стихийно сорганизовались и вышли на улицу, чтобы дать отпор обнаглевшим кавказцам и русофобской власти. Надежда на то, что молодежь все большим числом будет прозревать невыносимую подлость того морального гетто, в которое загнаны люди, сознающие себя русскими.

* * *

Уже совершенно ясно, что национал-патриотическая деятельность в России запрещена спешно принятыми законами.

* * *

Нет, не мы, русские национал-патриоты, находимся в оппозиции к нынешней власти, а эта самая власть находится в оппозиции ко всему русскому народу.

* * *

В 2005 году президент США Джордж Буш подписал «Закон об учете актов глобального антисемитизма». Этот закон обязывает американский Госдепартамент преследовать по всему миру (!) тех, кто будет обвинен по 14 пунктам этого закона. А именно:

1. За любое утверждение о том, что евреи контролируют правительства, средства массовой информации, международный бизнес и мировые финансы.
2. За твердые антиизраильские убеждения.
3. За критику руководства Израиля и за изображение свастики в карикатурах на сионистских руководителей.
4. За критику еврейской религии и иудейской литературы, в первую очередь книг Талмуда и Каббалы.
5. За утверждение о том, что правительство и Конгресс США находятся под чрезмерным влиянием еврейства.
6. За обвинение еврейско-сионистских сил в пропаганде и насаждении глобализма (Нового мирового порядка).
7. За обвинение еврейских вождей в подстрекательстве к распятию Иисуса Христа.
8. За отрицание еврейского холокоста и утверждение о том, что жертв холокоста было меньше шести миллионов.
9. За называние Израиля расистским государством.
10. За утверждение о существовании сионистского заговора.
11. За обвинение евреев и их вождей в организации большевистской революции в России.
12. За любые оскорбительные высказывания в адрес евреев.
13. За непризнание еврейского права на захват Палестины.
14. За утверждение о том, что в подготовке атаки 11 сентября 2001 года на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке участвовала израильская разведка.

Соединенные Штаты, таким образом, на весь мир озвучили те **главные** преступления мирового Сиона, о которых отныне **запрещено** публично высказываться под страхом уголовного преследования с их стороны. Но тем са-

мым они и саморазоблачились, тем самым и показали всему миру то, к чему действительно причастны и расплаты за что они более всего боятся. Это очень яркое, очень красноречивое саморазоблачение. Не зря на Руси говорят: на воре шапка горит.

* * *

Все жуткие пожары в российских учреждениях за последние годы — в банках, больницах, интернатах, школах, санаториях, музеях и т.д. — это стопроцентные спланированные поджоги с разными целями. В России это понимают почти все. Но прокуратура и центральные СМИ (сразу, еще до какого-либо расследования) всегда называют одни и те же причины трагедий — «неосторожное обращение с огнем» или «замыкание электропроводки». Ясно и то, что эти СМИ заведомо скрывают правду, чтобы не были обнаружены поджигатели. У них такая установка. Но зачем это нужно прокуратуре?..

* * *

Олимпийские игры на Северном Кавказе — это подарок чеченским террористам.

* * *

Евреи хотели сделать безбожную Россию, а сделали безбожную Америку.

* * *

Русские целый век, как идиоты, покупались на красивые лживые посулы. И остались в конце концов у разбитого корыта.

* * *

Всё, о чем я предупреждал в своих статьях за прошедшее семнадцатилетие, безошибочно произошло в России. Причем, в самом худшем варианте. Но ведь почти никто ни семнадцать, ни пятнадцать, ни даже десять лет назад не хотел верить этим предупреждениям. Большинство патриотов надеялось на установление какой-то «истинной демократии». «Истинная демократия» — это и есть самое зверское уничтожение русских и вытеснение их с территории России.

* * *

Дума проголосовала еще за одну (какую уже по счету!) ужесточающую поправку к закону об экстремизме. А ведь судят по этому закону только и исключительно русских. Дума и партия «Единая Россия» окончательно орусифобились.

* * *

Смех во время чумы.

* * *

Не раз я слышал от патриотов такую глупость: «Массовые репрессии в России уже невозможны». Еще как возможны! Более того, они уже вовсю идут! Кто не хочет ничего знать о них, тот и не знает. Для этой власти не существует никаких моральных ограничений в проведении террора и массовых репрессий по отношению к тем, кто пишет о ней правду и мешает истреблять русских.

* * *

Каждодневно разбивающиеся по всей России пассажирские автобусы и маршрутки — это не что иное, как теракты на дорогах. Власти и ГАИ об этих терактах знают, но таковыми их не называют.

* * *

В России образовалась этакая *демократическая монархия*: президент назначает своего преемника, а вся страна обязана за него проголосовать. Вот только неясно: а для чего голосовать?..

* * *

В телящике все радуются, что нам дали провести Зимние Олимпийские игры 2014 года в Сочи. Но чему тут радоваться? Бешеные деньги будут брошены на их подготовку, в то время как провинция и сельская местность — лежат в разрухе и нищете, точно после прошлой Гражданской войны. Прибыль от Олимпийских игр опять же пойдет не на восстановление разрухи, а в карман инвесторов и частных строительных фирм. К тому же, судя по всему, Олимпиада в 2014 году или вообще не состоится, или будет в конце концов перенесена в другую страну.

Грузия уже угрожает ее бойкотировать из-за Абхазии. Это только первый звонок. Грузию, конечно же, поддержит подлечая Америка и тоже объявит бойкот, как она это сделала в 1980 году, а за Америкой вприпрыжку и с мерзкой радостью побежит ничтожная Европа. Так что веселиться нашим дуракам насчет Олимпиады в Сочи нет никаких причин.

* * *

Маразм жизни нынешней России дошел до такой степени, что о нем стало противно писать. Население современной России превратилось в каких-то человекообразных обезьян, беспрестанно балаболящих на улице по мобильнику и сосущих пивную отраву из горла бутылки.

* * *

Нынешняя власть нас давит морально и материально. Цены растут абсолютно на всё практически ежедневно. В телятнике — ментовские боевики, тупая попса и еврейские смехачи. По радио только и слышно: «Всё будет хорошо!» А писатели, как считает власть, должны говорить лишь о страшном прошлом. Для тех, кто противится такому раскладу, — закон об экстремизме. И всё это называется «свободой». На фоне этого жуткого лицемерия искусственный оптимизм коммунистического прошлого — детсадовские игрушки.

* * *

Международный преступник Б.Березовский — это современный Троцкий. Но потому он и процветает в Англии, что нет у России ни Сталина, ни Рамона Меркадера с ледорубом.

* * *

Если бы Ленин дожил до 30-х годов, то наверняка вошел бы в троцкистскую оппозицию против Сталина. И был бы расстрелян как враг народа. И, соответственно, не имели бы мы никакого мавзолея.

* * *

Почему страну можно было грабить Гайдару, Чубайсу, Березовскому, Гусинскому, Абрамовичу и Дерипаске, а

другим нельзя? Тем более что никто из них не понес за это никакого наказания? Вот и другие тысячами ринулись грабить и убивать. Ведь пример-то у них был слишком яркий и убедительный. И превратилась Россия в страну воров и бандитов.

* * *

У русского философа Владимира Соловьева есть такая мысль: культура и искусство — это «цветы на трясине: схватишь и провалишься». Но даже он, наверное, не мог предположить, чем искусство станет лет через сто. Оно уже не просто цветы на трясине, оно теперь по преимуществу — толпа проституток на улице: схватят, изнасилуют и заразят неизлечимым СПИДом. Именно такое «искусство» навязывается, рекламируется, культивируется властью и центральными СМИ. И все же не случайно тот же Вл. Соловьев в работе «Три разговора» прозрел другую истину: прогресс «есть всегда симптом конца».

* * *

Суд над маньяком А. Пичушкиным, убившим более 60 человек, — это насмешка над здравым смыслом. Да хоть бы он убил более ста человек, в любом случае российский суд сохранил бы ему жизнь. При ельцинско-путинском моратории на смертную казнь в России можно убивать столько, сколько душе угодно, убийцы все равно останутся живы.

Словоблудствующая власть, ежедневно истребляющая десятки тысяч российского населения, ехидно объясняет нам причину своего «гуманизма»: мол, мы не можем применять смертную казнь ни к кому, так как жизнь человеку дает Бог, и мы не вольны лишать его жизни, ведь Бог нам завещал — «не убий»... «Лицемеры фарисейские» — сказал бы им Христос. Вы не остановили Пичушкина после первых его убийств (а такие, как он, — сотнями гуляют на свободе). Вы истребляете наш народ руками платных киллеров, насильников, террористов и маньяков и при этом вместо пресечения разгула бандитизма прячетесь за Божеские заповеди. Это вас надо судить вместе с Пичушкиным.

* * *

Весь смысл существования и какой-либо деятельности государства, имеющего название «Российская Федерация», определяется одним-единственным словом: обман.

* * *

Практически **каждый Божий день** (и это не преувеличение) сообщается о массовых отравлениях и заражениях детей в детских лагерях, детсадах, интернатах, пансионатах, роддомах и т.д. Так враги уничтожают будущее России. Но о расследованиях этих диверсий ничего не сообщается.

Со стороны власти и населения на все эти каждодневные факты **массового** отравления детей по всей стране — полное безразличие. **Страна привыкла к выживанию в условиях перманентного геноцида.**

* * *

Если Николай Второй стал святым на небесах, то Сталин стал святым в народных умах. Когда бы Николай Второй жесточайшим образом подавил революцию, то стал бы тоже святым в народных умах. Мы не знаем, что важнее для Бога. Но для страны и для народа это было бы намного важнее.

Теперь мы можем лишь рассуждать на эту тему. Логически — всё верно. Однако реально Николай уже ничего не мог сделать. Его предали все, от кого зависела судьба страны. «Кругом измена и трусость, и обман...»

* * *

В Таллине русские заступились за сносимый памятник советским солдатам, погибшим в войну. Но эстонские ублюдки их жестоко избили и бросили в тюрьмы. А одного — убили. И власть, сидящая в Кремле, за них не заступилась.

Но представим себе американского парня, погибшего в какой-либо другой стране при защите памятника американским солдатам. Что было бы? Он тут же был бы объявлен национальным героем, и его посмертно наградили бы орденом. А уж какие бы последовали санкции по отношению к стране, поднявшей руку на американский памятник, можно себе представить. Но кремлевская власть ни материально, ни морально не помогла даже матери нашего погибшего в Эстонии парня.

* * *

В Ингушетии русских уничтожают семьями, вместе с детьми. И что интересно: питерская генерал-губернатор-

ша по кличке Таджикская девочка об этих жутких преступлениях молчит как рыба. Помалкивают о них НТВ и «Эхо Москвы» — основные еврейские глашатаи «преступлений на национальной почве».

* * *

Теперь в России не только смех во время чумы, но и подготовка к Олимпиаде...

* * *

Вот вам красноречивейший факт вредительства нынешней власти: из республик Средней Азии в Россию идет беспрерывный поток наркотиков, но кремлевская власть и не думает вводить визовый режим с этими республиками. Более того, Госдума с подачи правительства приняла закон об упрощенной процедуре въезда в Россию граждан этих республик...

* * *

У Пушкина и Лермонтова была не дуэль. Было их убийство. Дантес под одеждой имел кольчугу. Он первым подошел к Пушкину на расстояние шести шагов и выстрелил ему в живот, практически в упор. Смертельно раненный Пушкин, полулежа на снегу, выстрелил из другого, поданного ему пистолета и попал Дантесу в грудь, отчего тот упал. Пуля срекошетилась от кольчуги и пробила убийце руку.

Лермонтов был встречен Николаем Соломоновичем Мартыновым с подельниками у горы Машук, когда возвращался верхом из Железноводска, где принимал лечебные ванны, в Пятигорск, на офицерскую пирушку. Мартынов приблизился к ничего не подозревавшему поэту и выстрелил ему в бок. Пуля пробила тело поэта снизу вверх. А потом убийцами была распространена легенда о дуэли. Опубликована медицинская экспертиза причин смерти Лермонтова, в которой говорится, что пуля вошла в его тело под правым ребром, пробила правое и левое легкое и вышла через левое плечо. Об этом написаны десятки исследований, которые замалчиваются.

* * *

С подачи Путина в Общественную палату введены самые отъявленные на сегодняшний день в России сиони-

сты и русофобы Алла Гербер и Александр Брод. Оба путинских протеже — это большой привет А.Проханову, весь прошедший год агитировавшему где только можно за третий срок полюбившегося ему «президента»...

* * *

В «Протуберанцах» я уже высказал в прошлом году свою догадку о том, что американские башни в Нью-Йорке протаранили не пассажирские, а беспилотные транспортные самолеты, управляемые с земли американскими военными авиаслужбами. И никаких пассажиров в этих самолетах не было. И вот совсем недавно, в сентябре этого года, в передаче «Постскриптум» ее ведущий А.Пушков сообщил ту же самую информацию. А ведь Пушков очень близок к российской разведке... Вот так тайное становится явным. Еще раз подтверждается правильный ход моих мыслей.

Но я говорил еще и о том, что точно такой же беспилотный транспортный самолет США сбил над Боденским озером в небе Германии наш самолет с детьми из Башкирии. За это преступление никто не ответил, а всю вину свалили на швейцарских авиадиспетчеров, которых швейцарский же суд и оправдал. Но американским подонкам **никогда** не должно быть никакого прощения, потому что в противном случае — бессмысленно создание Богом этого мира. А такого быть просто не может.

* * *

Один из самых ненавидимых людей России — М.Горбачев. Был еще один — Ельцин, но он сдох и больше не мозолит глаза. Но на фоне Горбачева даже библейский Иуда и Гитлер выглядят достойнее, потому что после своих преступлений сами покончили с собой. А эта мразь все еще дышит одним с нами воздухом. Представьте себе не повесившегося библейского Иуду...

* * *

После всего, что произошло за последние 20 лет, называть себя в России демократом может только законченный дурак и отъявленный враг.

* * *

А вот признак тупости и невежества коммунопатриотов: «Ой, что это? Журнал «Молодая гвардия»? А разве он еще выходит? Я его уже лет двадцать не видел...»

* * *

Вся жизнь Солженицына — это сплошная ложь. Нет, не случайно Бог пометил его говорящей фамилией.

* * *

Христос принес «меч и разделение». Еврейский мессия принесет «мир и единение». То, что принес Христос, — спасает. То, что принесет еврейский мессия, — убьет.

В 80-е годы прошлого века, когда все говорили «мир и безопасность», именно тогда и настигла нас пагуба.

* * *

Есть только одна в мире настоящая демократия — учение Христа.

* * *

Василий Белов после романа «Всё впереди» ничего серьезного в прозе не написал. Почему он не развил дальше эту тему, затронутую в своем романе? Испугался известного гвалта? Ну и пусть бы себе галдели. Но чего теперь-то, на восьмом десятке, ему бояться, когда жизнь уже прожита? А чего боится Распутин? Он ведь этой теме вообще не касается. А она — самая главная, самая страшная, самая глубинная и для литературы и для нашей жизни.

Конечно, раскрывать ее опасно. Но ведь все равно кому-то придется это сделать. Не сможет она находиться под спудом бесконечно. Я, как могу, пытаюсь ее открывать и в прозе, и в стихах, и в публицистике. Но у меня нет такой известности, как у Белова и Распутина, ставших классиками еще в советское время. И у меня нет такого выхода к читателю, какой имеют они.

Да, публицисты этой темы касаются, причем довольно смело и глубоко. Но публицистика — не литература. Каждому писателю теперь надобно знать: без раскрытия этой темы остаться в русской литературе XXI века уже невозможно. XXI век стремительно движется к деградации и

гибели человечества. Многим людям известно, кто играет в этом движении главную роль. И если современная литература в широком масштабе не покажет этой дьявольской роли, человечество действительно будет обречено.

* * *

26 октября было сообщено об отравлении детей в детском саду крысиным ядом. Уже дошло до этого. Виновные, естественно, не найдены. И 27-го числа уже ни радио, ни телеящик больше об этом не вспоминали. Похоже, сообщение это было сделано исключительно для отчета.

* * *

Телеящик нам всё про 1937 год рассказывает... А надо бы про 2007-й говорить. Страну захлестнули репрессии против русской прессы и русских авторов.

* * *

2 ноября в Тольятти был взорван рейсовый автобус. Погибли 8 человек и более 50 были ранены. Теракт власти списали на русского парня по фамилии Вахрушев, который якобы перевозил какое-то взрывчатое вещество, — оно-то, видите ли, и взорвалось «при неосторожной перевозке», как объявили нам на третий день после трагедии. А то, что бомба была начинена гайками и болтами, — опять-таки малозначительный факт, о котором на четвертый день все забыли и больше не вспоминали. Но по горячим следам в эфир случайно проскочило сообщение свидетеля о том, что за одну остановку до взрыва из автобуса вышли два кавказца...

* * *

4 ноября в день так называемого «всенародного единения» в доме престарелых Тульской области заживо сгорели 32 человека. Власть снова всё списала на «замыкание электропроводки»...

* * *

2 декабря прошли выборы в новую Госдуму. Список «единороссов» совершенно незаконно возглавил «беспартийный» В.Путин, и они получили 64 процента голосов

избирателей, пришедших на выборы. Наш уникальный избиратель не верит собственным глазам, когда видит цены в магазинах, зато верит собственным ушам, когда телевизор ему долдонит о сохранении «единороссами» *стабильности* в стране. Кроме этого, наш избиратель не верит собственным мозгам, которые говорят ему о самом что ни на есть **стабильном** вымирании страны и росте цен абсолютно на всё.

При всей фальсификации этих выборов, за т.н. «Единую Россию» (в одном-единственном лице Путина) даже по официальным данным «проголосовало» только 40 млн. избирателей, что составляет менее трети населения России.

Новая Дума на этот раз тоже будет уникальна: в нее не просто не допущено ни одной русской патриотической организации, в нее вообще не допущено ни одного русского патриота.

* * *

Как показала жизнь, ни бывшие, ни нынешние эмигранты не способны стать реальными русскими патриотами. Даже вернувшись в Россию, они держатся особняком, умничают и считают лишь себя самыми православными и самыми русскими. Они так и не сумели осознать реальной современной русской жизни.

* * *

Ни Брежнев, ни Андропов, ни Горбачев, ни даже Ельцин так откровенно и открыто с равными не общались, как это делают Путин и Медведев...

Сколько бы нам ни внушали тезис о равенстве «традиционных» конфессий в РФ, всё же синагога есть синагога, а Россия — государство православное. И постоянные встречи главы государства (траслируемые по телевидению) с адептами той религии, на службах которой каждодневно оскорбляется Христос... — по меньшей мере странно, если не говорить точнее.

2008 г.

Вот уже 60 лет США противятся воссозданию независимого Палестинского государства, существовавшего веками до израильской оккупации. Но те же США с каким-то тупым дуболомством все последние годы добивались и

наконец добились независимости сербского (а теперь «албанского») края Косово, который никогда не имел своей государственности.

Это даже не двойные стандарты. Это проявление запредельной подлости и дьявольского цинизма в мировой политике. Для властей США уже не существует никакой мерзости, через которую они не могли бы переступить.

* * *

До всех русских должно наконец дойти: в центре России, на Красной площади лежит существо, 90 лет назад приказавшее зверски убить Царскую семью. И тысячи безмозглых идиотов до сих пор ходят им любоваться.

* * *

Синод Русской Православной Церкви в марте 1917 года в своих официальных документах и посланиях приветствовал ликвидацию монархии и назначение Временного правительства. И все последующие жуткие репрессии против Церкви — не что иное, как Божья кара за предательство Царя.

* * *

Киндерсюрприз №3.

* * *

Каждый интеллигент и каждый демократ должен по капле выдавливать из себя врага.

* * *

Под Санкт-Петербургом найдено тело пропавшей 9 февраля 10-летней русской девочки Наташи Рубцовой. На ее теле обнаружены признаки насильственной смерти... Убийцы-изуверы, естественно, опять неизвестны. Но питерская генерал-губернаторша (громогласно причитавшая о «таджикской девочке») уже не делает никаких заявлений по поводу тщательного расследования этого преступления.

Там же 1 февраля пропали два семилетних мальчика. И опять, как перед страшным преступлением в Красноярске, милиция озвучивает дурацкие предположения о том, что дети могли куда-то уехать на электричке... Скорее всего

этих мальчиков уже нет в живых, и их тела, по всей вероятности, в скором времени будут обнаружены с признаками насильственной смерти. И власти вновь постараются это скрыть.

«Дело Бейлиса» живет и побеждает.

* * *

После развязывания войны в Югославии, бомбардировок Сербии и убийства Милошевича следующим логическим шагом, завершающим всю эту югославскую эпопею, было, естественно, объявление независимости Косова. Без данного шага вся эта югославская операция была бы для американцев незавершенной. И они всё сделали так, как и планировали еще в конце прошлого века. И в ельцинско-путинском Кремле всё это прекрасно знали и понимали. Поэтому февральские шевеления представителя МИДа России в Совбезе ООН выглядело смешным детским лепетом, а точнее, пылью в глаза для электората перед мартовскими президентскими выборами.

Но, к сожалению, в самой Сербии многие наивно думали, что, сдав американцам Милошевича, они сохранят Косово. Однако предательство не бывает безнаказанным...

США первыми признали Косово в качестве независимого государства. И подлая ничтожная Европа, задрав штаны, вприпрыжку побежала вслед за Америкой! Точно так же она бежала за Гитлером из-за своего преступного страха перед русскими.

Руками Америки и Европы дьявол мстит Сербии за Православие.

* * *

Путин сдает Украину и Грузию в НАТО.

* * *

Все страны, вступившие в НАТО, отпали от Христа, в том числе православные Греция и Болгария. Один шаг к этому отпадению осталось сделать Украине и Грузии.

* * *

Днем 2 марта по ящику, ничуть не стесняясь, показали на всю страну, как до вечернего объявления первых «результатов» президентских «выборов» главные кремлевс-

кие «топ-менеджеры» (Путин, Медведев, Миронов, Грызлов, Зубков) праздновали победу в каком-то московском ресторане. Этот сюжет показали во всех новостях — Путин поднял тост «За победу!». А «электорат» в это время еще только опускал свои липовые бюллетени в систему «ГАС-Выборы»... Ну, это хорошо понятно: кто же из «топ-менеджеров» сомневается в надежности работы своей избирательной системы?..

* * *

Коммунисты 90 лет называли и продолжают называть Ленина гениальным. Но в чем его гениальность? В том, что он с помощью жестокости и диктатуры, пролив море крови, изменил тысячелетний уклад русской жизни и переломил хребет русскому народу? В этом гениальность? В том, что новой властью были уничтожены миллионы несчастных людей, а жизнь других миллионов была превращена в сплошную трагедию? В этом гениальность Ленина?

Нет уж, извините. Для того, чтобы давить и душить, много ума не надо. Зло не может быть гениальным. Во зле ума, на самом деле, мало, сколько бы ни говорили о «злых гениях». Ум без любви (а значит, без Бога) — слабый ум, ущербный, недоразвитый и, как правило, больной. Что и было подтверждено скорой мозговой болезнью Ленина.

* * *

В марте в Болгарии прошли торжества по случаю 130-летия Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В церквях отслужили благодарственные молебны во славу русских воинов, освободивших болгар и сербов от турецкого ига. И тут же — 19 марта — правительство Болгарии объявило о признании «государства» Косово. Вот она, славянская «солидарность»... Не забудем и того, что Болгария предоставила в своем небе коридор для пролета натовских крылатых ракет и самолетов, бомбивших Белград.

«Украина сто раз предавала Россию и еще сто раз предаст», — писал я в одной из своих статей 10 лет назад. Все прошедшие с тех пор годы подтверждали это с ярчайшей очевидностью. В Чехии и Польше американцы устанавливают радары и ракеты, направленные на Россию. Мы лишний раз убеждаемся в том, что «объединяющая идея славянства» — наша несбывшаяся мечта.

Владимир ПРОНСКИЙ

НАСТУПЛЕНИЕ

(ГЛАВА ИЗ РОМАНА «ПЛЕМЯ СИРОТ»)

Но как ни изводился Владимир Савин прилипчивыми мыслями о семье да родственниках, эти мысли мало-помалу приглушились, стали не столь навязчивы. К тому же события, которые, судя по телевизионным передачам, развивались в стране, заставляли иногда многое забывать и внимательно вглядываться в короткие репортажи с улиц Москвы, на которых все чаще стало возникать необъяснимое на первый взгляд движение народа. Правда, пока они мало касались Владимира, он и на Указ Ельцина №1400 о роспуске Верховного Совета никак не отреагировал. Ведь в последние два года столько происходило тревожных событий, начиная с августовских дней 1991 года, когда объявилось ГКЧП и Ельцин начал с Горбачевым схватку за власть, что за всем и не уследишь. Ни события двухлетней давности, ни более поздние почти никак не касались Савина, тем более что тогда была жива мать и все мысли о ней. По-настоящему те события врезались в память лишь двумя эпизодами: первый, когда обогнал на Кольцевой автодороге длиннющую колонну БТРов с сидящими на броне солдатами, которым привет-

ПРОЗА

ственно помахал из окошка; ребята тоже в ответ махали, улыбались. Второй — когда на следующий день увидел в ближайшем к дому магазине продукты, которых не было несколько месяцев: колбаса, масло, в мясном отделе — свинину и утиные тушки. Еще подумалось тогда: «Значит, все эти продукты имелись, где-то хранились под замком, а теперь, когда Чрезвычайный комитет эти замки снял, то и товары сразу появились!» Значит, радоваться надо, но как тогда развопились «демократы», как они бесновались, и репортажи о тех событиях длились не по полминуты.

Но вот прошло два года, все это подзабылось, и, может, поэтому теперь, после объявления ельцинского Указа, Савин начал следить за разворачивающимися событиями с двойным интересом, особенно когда вечером 23 сентября по нескольким телевизионным каналам неоднократно показали митинг у здания Верховного Совета, расположенного на Краснопресненской набережной. (Это здание все чаще в последнее время называли, на американский манер, Белым домом, хотя архитектурой он совсем не походил на заокеанского правительственного собрата, а белым казался от цвета мрамора, которым облицованы его стены.) Всякий раз на экране крупным планом мелькали одни и те же лица, чаще изможденные и старческие, на фоне красных флагов. Но это только тогда, когда показывали крупно, а при смене планов мелькали и общие, которые, видимо, не успели вырезать, и тогда было видно, что почти вся площадь перед Белым домом заполнена народом, а флаги мелькали не только красные, а лица не только старческие. Сюжеты показывались короткие, не более полуминуты, но и по ним можно было понять, что народ не остался равнодушным. От всего услышанного и увиденного в душе Савина создалось смешанное чувство, захотелось с кем-нибудь поделиться, поговорить. Но в квартире, кроме играющей на полу Наташки, — никого. Надя на работе, Настя на гулянке... Вдруг вспомнил о приятеле Василии и сразу позвонил ему; тот, на счастье, оказался дома.

— Видел, что творится в Москве? — нетерпеливо спросил Владимир

— Видел, и жаль, что меня там нет!

— А если присутствовал, то что-то изменилось бы?

— Изменилось...

Василий был явно не настроен на разговор, и Влади-

мир, перекинувшись парой-тройкой общих фраз, положил трубку. Нет, не такого он ожидал и хотел разговора, ведь позвонил-то человеку, настроение которого хорошо знал и не раз обсуждал с ним все последние события в стране. И уж с кем-кем надо бы поговорить, как не с ним... Савин взял на руки Наташку, поднял курносое создание перед собой и спросил:

— Ты хоть знаешь, что происходит-то у Белого дома?

— А-ма... — ответила Наташка и указала пальчиком в сторону входной двери, из-за которой вот-вот должна появиться ее мама.

Когда Надя вернулась с работы, Савин спросил:

— Слыхала, что творится в Москве?! Народ Белый дом защищает!

— Делать ему нечего, твоему народу... — ответила Надя раздраженно, а Владимир пожалел, что спросил. — Как Наташка?

— Все нормально... — хмуро ответил Владимир, которому вдруг расхотелось говорить с женой, всегда разделявшей его взгляды, особенно, когда сидели без денег. А теперь, когда она пошла работать, вот как сразу все изменилось.

Он обиделся на жену, а она оказалась не готова к откровенному разговору, да и некогда языком трепать, когда дочку надо обихаживать, тем более что она оказалась в этот момент мокрой. И Надя, подхватив дочь, снимая с нее колготки по пути в ванную комнату, не сдержалась, высказалась от души:

— Чем в телевизор пялиться, за дочерью бы с таким вниманием смотрел!

— Да только что переодевал ее...

— Значит, плохо переодевал!

Эх, как захотелось ему в этот момент сказать что-нибудь колкое в ответ, что-нибудь такое, чтобы впредь у Нади и мысли не возникало повышать голос и что-то указывать... Но сдержался, не стал распалать неожиданную неприязнь, возникшую, казалось бы, на пустом месте. Хотя, стоп! Почему на пустом? А не отголосок ли это того, из-за чего народ выходит на площади и пытается высказать свою правоту! Это разве пустое движение, не заслуживающее ни малейшего внимания?! Еще как заслуживает! И, как выясняется, даже влияет на семейные отношения. В такой ситуации невозможно не определиться, не принять чью-то сторону. А вот чью — сразу и не

разберешь, особенно если напутано в душе и не знаешь, что приобретешь или потеряешь от какого-то своего действия или действий тех или иных людей, чью сторону примешь, отбросив сомнения. Но нужно ли это? Хотя, конечно, во все времена были герои и трусы, но умные-то всегда стояли в сторонке, держались над схваткой и, в конце концов, выходили победителями, говорили потом, что, мол, это именно мы сделали то-то и то-то, и все, что ни делали, сплошь героическое! Вот она, закономерность, которой осознанно или неосознанно руководствуется определенная часть людей, прильнувших к телевизору, или не прильнувших, и которым на все наплевать, но все равно попадающих под это влияние, в чем Савин наглядно убедился десять минут назад на примере собственной жены.

Пока он запоздало рассуждал, принявшись чистить картошку на ужин, в кухню вошла Надя, встала за спиной. Он из-за шума стекающей из крана воды не слышал, как она приблизилось, но отчетливо почувствовал, что она рядом и... переживает от своих недавних слов, наговоренных сгоряча. То, что это действительно так, он убедился, когда она произнесла всего лишь одно слово:

— Простил?! — и вздохнула.

— Еще как простил, — улыбнулся он и поцеловал ее, прижав к себе мокрой рукой.

Более в этот вечер они на эту тему не говорили, словно ничего особенного не происходило ни между ними, ни в стране, а все протекало по-прежнему, а уж плохо или хорошо — это другой вопрос. Они вновь были любящей семьей, а когда ложились спать, Владимир, находясь в настроении, оставил Насте, старшей дочери, на кухонном столе шутивную записку: «Эн! Картошка и котлеты в сковородке на плите. Не забудь — разогрей! Громко не чавкай, а то всех разбудишь. Вэ!» Написав так, Савин словно пытался вывести себя за круг тревожных размышлений, он хотел отодвинуть некие неопределенные события, тревожная непредсказуемость которых могла каким-то неясным образом повлиять на семейное благополучие, которое в последние месяцы — плохо ли, хорошо ли, — но наладилось. И не хотелось в очередной раз терять то, что имелось, что хотелось развить и приумножить.

Решив остаться над схваткой, утром, когда повел Наташку в ясли, Владимир все-таки, незаметно для жены, прихватил радиоприемник, не смог победить внушаемое

вчера самому себе равнодушие, с которым следовало бы относиться ко всему, что происходило вокруг и никак не касалось его. И сколько себя ни успокаивал, что, мол, приемник — это просто так, послушать футбол да погоду, успокоить не сумел, понимая, что захватил приемник лишь для того, чтобы не пропустить развитие возможных грозных событий, а они могли разразиться в любой момент. Поэтому, как только расстался в яслях с дочуркой, то сразу настроил приемник на радиостанцию «Маяк». Правда, ничего особенного не услышал: звучала обычная музыка. Только когда уж подъезжал к таксопарку, услышал короткое, упомянутое вскользь сообщение о вчерашнем митинге перед зданием Верховного Совета.

Но ближе к обеду промелькнул короткий репортаж о некой группе граждан, собравшихся у Горбатого моста, и это сообщение неожиданно взволновало, заставило забыть вчерашние «мудрые» мысли, забыть обо всем на свете. Захотелось самому взглянуть на обстановку, побывать там, где вчера не смог быть. Поэтому, оказавшись у Киевского вокзала, он, забыв о работе, рванул на Красную Пресню и, оставив машину в Проточном переулке, заторопился к Белому дому.

Здесь действительно — радиожурналисты не ввали — сновал народ, крутились фотокорреспонденты, все больше заграничные, и вроде бы ничего не происходило, хотя время текло и текло, и Савин подумал, что сегодняшний рабочий день сорван. Хотел вернуться к машине, но не хватило сил уехать, когда на глазах строились баррикады, кто-то чего-то кричал в мегафон, а какой-то человек призывал пойти всей колонной к Министерству обороны и сменить «незаконного» ельцинского министра Грачева на «законного» Ачалова, назначенного Верховным Советом... В пик этому ошеломляющему призыву сразу прозвучал другой, более разумный, как показалось Савину: не поддаваться провокациям, не злить «дзержинцев», а записываться в ополчение! Вот так дела! И действительно люди записывались, строились и уходили за баррикады, хотя что стояло за этими списками и на ходу создаваемым ополчением, что ждет людей после вступления в ополчение, — было абсолютно неясно, и ни у кого не спросишь, никто ничего не растолкует. Он проболтался на площади до вечера и вдруг, незаметно для себя, оказался оттесненным шеренгой милиционеров и бойцов ОМОНа, облаченных в каски и бронежилеты, вооруженных щитами и

дубинками. Их начальники почти безостановочно хрипели в мегафоны, запугивая и призывая людей покинуть площадь перед Верховным Советом. Но чем настойчивее они призывали, тем больше людей толпилось перед ними, некоторые, словно назло, прошмыгивали мимо, лезли на баррикады и скрывались за ними, словно за каменной стеной. И потом грозили оттуда кулаками... Откуда-то появились мотки необычно серебристой колючей проволоки. «Спираль Бруно», «Спираль Бруно», — пугающим шелестом пронеслось по толпе сообщение-разъяснение.

Наблюдать все это было интересно, но Савин чувствовал себя пустым созерцателем происходящих событий. Когда стемнело, он вспомнил Наташку, представил, чем она сейчас занимается, и отправился в Проточный, нашел машину целой и погнал ее в таксопарк, чтобы пораньше приехать домой и увидеть дочку и жену, с которой в этот момент почему-то очень захотелось поговорить, а заодно узнать, о чем будут трещать телевизионщики. Спешил.

Когда вошел в квартиру, даже ужинать сразу не стал, хотя весь день не ел, — скорее к телевизору. Но сообщения сразу обрыдли, потому что по всем каналам показывали одно и то же: сплошь «красно-коричневые», сплошь конституционные нарушения. Лишь Александр Невзоров в своих «600 секундах» бесстрашно показал все как есть, правда, трансляцию вел из Ленинграда, предупредив при этом, что сегодняшняя передача, возможно, последняя. Когда она закончилась, Надя, смотревшая ее вместе с мужем, спросила:

— Ты чего такой?

— Разве не понятно? Не видишь, что ли, что творится вокруг? Ведь гражданская война вот-вот начнется!

— Не выдумывай. Пошумят-пошумят и разбегутся. Два года назад такая же история происходила.

— Хотелось бы верить... — не стал Савин ни спорить, ни что-то доказывать, тем более рассказывать о том, что все, о чем сообщали по телевизору и не сообщали, видел собственными глазами. Не стал окончательно пугать жену на ночь глядя.

После ужина он уж более не говорил о последних событиях, взбудораживших страну, потому что говорить и говорить об одном и том же — пустое дело. «Надо действовать! — стучало в мозгу. — Но как?» — задавал себе вопрос Савин и не знал на него ответа.

Это неопределенное состояние длилось несколько дней. За это время здание Верховного Совета окончательно взяли в кольцо блокады, никого не пропускали туда, не выпускали оттуда, отключили воду, канализацию. Людей, оставшихся в здании, цинично выживали, а сочувствующих, пытавшихся хоть как-то поддержать запертых внутри несколькими кольцами оцепления, разгоняли дубинками. Не имея возможности без риска для здоровья собираться на Красной Пресне, люди начали стекаться на Октябрьскую площадь, к памятнику Ленину. Эти собрания, конечно, были под контролем милиции и спецслужб, но ни демонстрантам, ни выступающим особенно не мешали, даже, похоже, были довольны, что те выпускают «пар», тем самым отвлекая внимание от защитников Верховного Совета.

Савин, когда работал, частенько проезжал мимо и замечал, что с каждым днем на Октябрьской становится все многолюднее, из-за этого даже начали образовываться пробки, и поэтому иной раз машины в центр не пускали, а направляли в объезд, в сторону Добрынинской площади. Как-то Владимир и сам полчаса повертелся среди митинговавших, хотя ничего особенного не услышал ни от выступавших, ни от толпившихся людей. Глядя на них, сперва невозможно понять, зачем собрались у памятника все эти люди, среди которых выделялись пронырливые торговцы газетами и брошюрами; казаки, ходившие стайками, подчеркнута вышколенные; смеялись и толкались группы молодежи, многие из которых были с желто-черными монархистскими флагами, и со стороны совершенно не понять, что двигало и подталкивало всех этих людей, что объединяло. Цель «стояния» прояснялась только тогда, когда очередной оратор призывал к освобождению Руцкого и Хасбулатова, всего Верховного Совета, а Ельцина убеждал поскорее лечь на рельсы, мол, поезд стоит наготове... Тогда и Савин вместе со всеми подавал голос в защиту «узников режима» и в поддержку «конструктивных пожеланий» Борису Николаевичу. Такое настроение людей, их боевитость не могли не радовать, но радость эта оказывалась явным проявлением злости, энергия и сила которой зависела от массы собравшихся людей.

Во второй воскресный день осады Белого дома, когда после полудня работа «встала», Савин заехал домой, пообедал, а после, успев посмотреть новости по телевизору, из которых узнал «об очередном сборище красно-корич-

невых», которых в этот день было как никогда много, не утерпел и поехал узнать, что там да как происходит. Оставив машину у Морозовской больницы, Савин, проскочив улицу и небольшой сквер, оказался на площади, загроможденной народом. Пробившись поближе к памятнику, он немного послушал выступающих и хотел вернуться назад, но задержался, чувствуя в себе все нарастающую дрожь от прихлынувшего волнения, которое все сильнее напрягало тело, все сильнее заставляло колотиться сердце. Неожиданно, чуть ли не нос к носу Савин столкнулся с Василием, и эта встреча сразу изменила душевное состояние, заставила почувствовать уверенность. Он даже улынулся и, хлопнув приятеля по плечу, крикнул ему:

— Привет! Ты-то чего здесь делаешь?!

— То же, что и ты. Машину где оставил?

— У Морозовской. Работы все равно нет. А ты?

— Какая работа в такой день. Со сменщиком поменялся. Видишь, что творится-то? Белый дом сегодня пойдет освобождать!

— Откуда знаешь-то?

— Ребята из отделения шепнули. Так что держись, мужик!

— Ты это серьезно?

— А то... Надо рядом быть, чтобы в случае чего помочь. Понял?

Василий говорил так уверенно, твердо, что Савин не узнавал его, особенно, когда последний раз встречался с ним и он просил разрешения привести в гости горемычную Клавку. Тогда нюни распускал, а теперь сразу командиром сделался. Савину даже смешно стало.

— У тебя какое звание-то? — улыбнувшись, спросил он.

— Сержант. Какое же еще. Будто не знаешь?!

— А я подумал, что не ниже полковника. И голос соответствующий прорезался. Молодец!

— А ты как думал!

Уверенность товарища передалась Савину, не могла не передаться. Он вдруг понял, что все, кто сегодня собрался на площади, — не случайные люди. И он тоже не случайный. Все пришли осознанно, зная, чего хотят, о чем мечтают, не ведая лишь одного: дальнейшего развития событий, которые, как ни старайся, не угадаешь, хотя, если верить Василию, то кое-кому наверняка все известно. С этой минуты приятели держались вместе, а народу все прибывало и прибывало. Люди не стояли на месте,

они нетерпеливо сновали туда-сюда, почти не слушая выступавших, и, наверное, походили со стороны на роящихся пчел, внешне вроде бы привычно снующих по сотам, но готовых по первому приказу матки организовать на выполнение приказа. Владимир, хотя и сравнил собравшихся людей с пчелами, но понимал, что все они, подобно ему, не знают своих дальнейших действий, не организованы, хотя сердца их горят. В такой ситуации достаточно одной хлесткой и злой фразы, чтобы многотысячная масса сорвалась с места.

И такой призыв-приказ вскоре прозвучал, и площадь заревела голосами тысяч глоток, когда какой-то генерал прорычал в мегафон:

— Все к Дому Советов, освободим узников! Вперед!

Это уж был не первый призыв, звучавший в этот день, но все предыдущие лишь создавали напряжение в умах и сердцах митингующих, но от самого последнего, наиболее пронзительного, по массе народа будто пробежал электрический заряд, по силе равный молнии. И народ колыхнулся, отозвался громом, заревев на всю площадь. Владимир почувствовал, как крайние ряды повернулись в сторону Крымского моста и люди почти побежали, обтекая ограждение тоннеля, спускаясь вниз, на Садовое кольцо. С площади Савину было хорошо видно, как сразу же вся ширина улицы напротив Парка культуры заполнилась живой массой, перед которой жидкая цепочка милицейского оцепления, хотя и двойная, стоящая на подходах к Крымскому мосту, казалась муравьиной строчкой. Молодые, крепкие ребята, наступавшие впереди, ее сразу смяли и опрокинули оцепление, буквально растоптав его. Чуть позже Савин увидел милиционеров, лежащих ничком на асфальте, закрывавших головы руками, окровавленных, без щитов и дубинок, которые сразу стали добычей наступавших. На поверженных никто не обращал внимания, все стремились вперед и вперед; и он сам, и бежавший рядом Василий — все вокруг — вопили, орали что-то свирепое, подбадривая себя, словно без злых рыков, воплей, свиста толпа и шагу бы не сделала. Несмотря на буйство и дикость происходившего, а может, именно от этого буйства и дикости, Савину было удивительно приятно чувствовать причастность к этой массе, в которой даже самый слабый и робкий человек видел себя героем. Не мог не чувствовать.

Перед Смоленской площадью их встретил новый зас-

лон, более прочный и стойкий, но стойкость лишь разжигала в наступающих чувства, из которых жалость была на самом последнем месте. На каждого милиционера и переодетого солдата-срочника приходилось по несколько наступающих, которые, словно боевые муравьи, расправлялись с противниками, расчищая проход основной массе, заполнившей, казалось, все Садовое от края до края, на сколько хватало взгляда. И если авангард этой массы крушил встречающиеся заслоны, то арьергард, подавшись всеобщему буйству, но не находя противника, крушил арматурой коммерческие ларьки, светофоры, витрины — все, что встречалось на пути; самые шустрые и нетерпеливые уж пили пиво, забирая его из разбитых ларьков, уминали заграничные картофельные чипсы и арахис, рассовывали по карманам пачки сигарет.

За Смоленкой поток разделился: часть толпы через Проточный переулок вытекла на набережную, часть двинулась через Калининский проспект; с ними Владимир с Василием. С пригорка, от мэрии с уже выбитыми стеклами вестибюля, Савину было хорошо видно, как под напором толпы разбегается многочисленное оцепление вокруг здания Верховного Совета, как машут с баррикад защитники, приветствуя своих освободителей. В этот момент над площадью загремели автоматные очереди, но кто стрелял, в кого или для чего — не понять. Звучали выстрелы и в занятой мэрии, но быстро прекратились. И стало непонятно, что дальше делать, в какую сторону идти, на кого нападать, кого опасаться. Народ опять стал похож на суетливых нервных пчел, в нетерпеливом ожидании новой команды-приказа, но он все не поступал и не поступал. Но вот на высоких ступеньках мэрии организовался митинг, появились люди с автоматами, с двух сторон прикрывавшие ораторов. Повторилась та же история, что часом ранее на Октябрьской: народ разогревался и разогревался от выступления к выступлению, пока не взяли мегафон генералы Макашов и Руцкой. На первые же их слова площадь отозвалась одобрительным гулом, а когда прозвучал призыв брать Останкино, то все изошли воплями. «Останкино», «Останкино», — несло во все стороны, и было видно, как толпа колыхнулась за угол, на улицу Чайковского, где стояли брошенные разбежавшимися милиционерами крытые автомобили. И Савин подался вместе со всеми. Хватился, Василия рядом не оказалось! Куда он мог подеваться, если до последнего момента держался рядом?!

Савин не знал и даже не мог представить, что Василий в это время уж сидел в кузове грузовика и не понимал, откуда взялась и как оказалась в руках милицейская дубинка. Он не знал, пригодится ли она, но не расставался с ней, пока колонна из нескольких грузовиков мчалась до Останкина. И удивительное дело: ее не останавливали, не преграждали путь, даже, похоже, давали зеленый свет, будто заманивали. Особенно это удивило на Колхозной площади, где нет левого поворота с Садового кольца на проспект Мира и где, тем не менее, грузовики беспрепятственно повернули налево, даже, кажется, мелькнул гаишник, перекрывший движение на перекрестке. Для других, но не для них. Но это были мелочи, по сравнению с той радостью, даже счастьем, какое цвело в душе от вида толпившихся на тротуарах людей.

Завидев колонну с красными флагами, прохожие останавливались, приветственно махали, что-то кричали одобрительное. Хотя их лица в наступающих сумерках почти слились в сплошной поток и невозможно было выделить какое-либо отдельное лицо, но от вида равнодушного народа было ощущение правильности принятого решения. Еще не верилось, но все сильнее росло чувство убеждения, что еще немного — и свершится то, что так успешно сегодня началось, что готово завершиться через какое-то совсем малое время. Даже не верилось, что власть так легко может переходить от одних к другим, что и усилий-то особых прилагать необязательно. Нужно лишь иметь определенную группу людей, сплоченную общей идеей, действующую конкретно и наступательно, не теряющую ни минуты времени, ибо быстрота в такие моменты решает многое, если не все. Надо не дать опомниться противной стороне, нанести ей как можно больший первоначальный урон и быстро развить успех. Все так и складывалось, казалось Василию, особенно когда один из грузовиков протаранил входную дверь технического телецентра и вход был свободен или казался свободным и кто-то из наступающих успел проникнуть в здание. Но внутри его сразу раздалась автоматные очереди, со стороны нападавших прозвучали ответные, что вызвало огонь чуть ли не из всех окон здания. И наступавшие все-таки отхлынули, рассредоточились среди деревьев редкого парка, почти не стали заметны в наступившей темноте. Сколько времени длилась неопределенная ситуация, Василий не знал, спросить у кого-то или посоветоваться

оказалось не с кем, так как никого он не знал вокруг себя; не видел и Савина, и где он, что с ним — неведомо... Лишь через какое-то время среди залегших людей прошло шевеление. Произошло это, когда из-за кубического здания технического центра и телецентра показались БТРы и, прожигая прожекторами пространство, словно выискивая цели и находя их, почти одновременно открыли по мелькавшим в свете прожекторов людям пулеметный огонь. Многие опрометчиво кинулись бежать в ближайший парк с редкими деревьями и, скошенные пулями, падали. Василий же, сжавшись в комок, не давал волю испугу. Он все правильно делал до определенного момента, до того самого, когда один из БТРов выдвинулся с фланга и начал косить людей одновременно с другими БТРами почти перекрестным огнем. «Эх, окопаться бы!» — подумал Василий, и почти в тот же момент крупнокалиберная пуля перебила ему позвоночник, завалила на бок, а сам он забился в конвульсиях.

Покрутившись среди суетившегося народа и не найдя приятеля, Савин сразу поостыл в своем порыве, по-иному посмотрел на происходящее. Полезли в душу гнилые мысли, и вспомнились слова Василия о том, что, мол, ему шепнули друзья о готовящемся освобождении Верховного Совета! Если это действительно так, то тогда понятия исчезновение, столь неожиданное и даже пугающее... Мысли о предательстве приятеля Владимир гнал от себя, но они словно прицепились и не давали покоя, казались обидными до слез. Получается, что его просто обманули! И если бы только его. А что, если всех, кто шел от Октябрьской площади, умело заманили в ловушку, да не в одну, а расставленные по всему городу, тем самым распылив и ослабив силы, еще недавно собранные в один грозный кулак... Пока он размышлял, машины на Останкино ушли, а он вспомнил о своем такси и заставил себя пойти назад, к Октябрьской, решив, что главное дело все-таки сделано, и сделано не без его участия. Попытался вернуться тем же маршрутом, но на Садовом появились новые цепи оцепления, у него даже спрашивали документы, и, чтобы не искушать судьбу, он арбатскими переулками вышел на Волхонку, завернул с нее к метро и, проехав две остановки, вышел на Серпуховской. Найдя машину, отогнал ее в парк, так как работать в этот день более не мог, и сразу же вернулся домой.

— Ты совсем? — пугливо спросила Надя. — Я так переживала за тебя!

— Конечно, совсем. Какая сегодня работа, когда весь центр перекрыт.

— Иди, посмотри, что там творится-то, — и испуганно прижала к себе сидящую на коленях Наташку. — В Москве восстание, стреляют... В Останкине машиной таранили телецентр!

— Чего выдумываешь-то?! — не поверил Савин, подсев к жене и внимательно рассматривая, словно не видел ее много лет. — Сама подумай: как машиной можно таранить огромное здание?!

— Можно... Грузовик разбил двери, и такая стрельба поднялась... Вот смотри, опять показывают!

Савин глядел на экран и не верил глазам: раз за разом показывали особо эффектную на взгляд телевизионщиков сцену, показывали с разных ракурсов, словно смаковали, как обычный зиловский грузовик бьет бампером во входной тамбур технического центра, при этом стекла брызгами летят во все стороны, как начинается стрельба в самом здании, по его периметру... Потом стреляют в собравшихся людей трассерами, которые особенно стали заметны в наступивших сумерках... Кадры постоянно менялись: репортажи велись из разных точек, в основном, с площади перед Верховным Советом, постепенно вновь взятом и оцепление, из Моссовета, от мэрии... Все увиденное и услышанное за день не укладывалось у Савина в голове, казалось, что все происходило во сне, потому что только во сне можно увидеть такие невероятные картины, происходившие все-таки наяву и уже начавшие пугать. Оставалось только ввести войска, открыть огонь по бунтовщикам — и тогда что, война?!

Его путанные размышления прервала Настя, заявившая матери, что собралась погулять.

— С ума, что ли, сошла?! — непривычно зло и грубо осадил ее Савин. — Не видишь, что творится вокруг. Дома сиди — гулять ей захотелось!

Его поддержала Надя:

— Настюш, какое сегодня гуляние? И не думай!

Почувствовав дружный отпор, дочь обиженно поджала губы, смирилась с волей старших и, позвонив кому-то, тихо сказала, что встреча сегодня отменяется. Услышав разговор по телефону, Владимир вспомнил о Василии, решил позвонить ему. Позвонил, но дома его не оказа-

лось, жена, не особенно волнуясь, сказала, что он ушел после обеда чинить машину и пока не возвращался. И только после ее почти невозмутимых слов о починке машины Владимиру стало понятно, что поспешил он обвинять приятеля в предательстве. Тот, скорее всего, отправился вместе с другими в Останкино, но вот когда и как это произошло, если это действительно так, Савин упустил из виду, что немудрено в хаосе, творившемся перед мэрией... И все-таки он не особенно переживал, верил, что Василий появится позже и позвонит. Савин и сам готов был звонить каждые пять минут, но тогда его жена сразу заподозрит неладное, начнет приставать с вопросами. Так что ничего не оставалось, как ждать развития событий.

И это развитие не заставило себя ждать, когда через какое-то время (Савин потерял счет времени) он увидел, как Останкинский телецентр оказался в окружении БТРов, которые в один прекрасный момент начали полосовать из пулеметов по собравшимся вокруг людям. Те — врассыпную... Многие падали, корчились от полученных ранений, ползли по парку, ища укрытия за деревьями, мачтами освещения...

Заснувшую Наташку отнесли к этому времени в Натину комнату, а трое взрослых, словно потеряв дар речи, молча смотрели на все, что показывали по телевизору. Показывали с комментариями, с колкостями, словно издевались над поверженными людьми и возвышались над ними таким жутким способом.

— Гады, — не выдержал Владимир и ушел в кухню, рухнул на табуретку, обхватил голову, словно не хотел видеть и слышать все то, о чем с такой иезуитской натуральностью вещалось на всю страну.

К нему подошла жена, обняла:

— Не переживай...

— Как же не переживать, Надя, когда там Василий погибает!

— Откуда знаешь-то?

— Знаю, знаю...

Заподозрив мужа в том, что он что-то скрывает, она начала его расспрашивать, просила и умоляла, чтобы он все рассказал без утайки, но ничего не добилась. Савин лишь попросил:

— У тебя где-то спирт был для компрессов? Давай его сюда!

В другой бы раз жена пристыдила и отругала, но сейчас молча достала из шкафчика медицинскую склянку, в которой было граммов сто, спросила:

— Развести?

— Не надо...

Савин прямо из склянки глотнул содержимое, задержал дыхание, а когда выдохнул, то Надя подала соленый огурец:

— Закуси... Ужинать будешь?

— Какой там ужинать... — отмахнулся он, чувствуя, как спирт обжигает нутро и заливает слезами глаза.

Надя обняла мужа и стояла, не зная, что сказать, понимая, что никакие слова сейчас не помогут. Через некоторое время Савин заговорил сам.

— Я ведь был там, — вздохнул он, — вместе с Василием... Чего его жене-то скажу?! Как в глаза ей теперь смотреть?

Надя молча вздыхала. Потом укорила:

— Зачем вас понесло-то туда, герои?!

— Затем... От жизни такой куда хочешь побежишь... Не хочу больше говорить, пойдем спать.

Савин прошел в комнату, выключил телевизор, который Настя успела переключить на какую-то музыкальную программу. Когда лег, то заснуть не мог, да и какой сон в такую ночь, когда под пулями гибли люди! Более всего душа болела за Василия: где он, что с ним? И все-таки Савин верил, что утром приятель объявится, напомним о себе.

Но утром тот не появился.

Проводив Наташку в ясли, Владимир с восьми часов торчал перед телевизором и до мельчайших подробностей видел развивающиеся события, снятое иностранным телевидением, которое вещало как у себя дома... А в Москве в этот солнечный день с утра полыхала настоящая война. Стрекот автоматов и басовитый рокот пулеметов слился в сплошную стену звуков, и не понять, кто в кого стреляет, откуда. Тем более что на крышах соседних зданий стали собираться зеваки, спешившие запечатлеть в памяти и на фотографиях исторические моменты предполагаемого штурма здания Верховного Совета; толпились они и у спуска с Калининского проспекта, не страшась свистевших пуль. Сперва зевак было полторы-две сотни, но они все прибывали и прибывали, и к тому мо-

менту, когда появились четыре танка и, развернувшись, стали прямой наводкой бить с Калининского моста по белоснежному зданию, лебедем застывшему на берегу реки, многотысячная толпа ревела от восторга. Савин не понимал, откуда появилось столько мерзких людей, кто они, чего хотят, что их привело в то место, где со всех сторон визжат пули?! Но потом вдруг как стрельнуло в голову: это же лавочники собрались со всей Москвы по вчерашнему ночному призыву Гайдара и теперь своим присутствием поддерживают «демократию»! Хороша демократия, утверждаемая сегодня танками, а вчера поддержанная у Останкино БТРами! Увиденное не укладывалось в голову, казалось сном! По-иному такое назвать нельзя. Но все-таки это было явью: танки, полыхающее здание Верховного Совета... Случилось то, что в подобной ситуации, наверное, не могло не случиться, но все равно выглядело неправдоподобно.

Надя всякий раз чуть ли не оттаскивала мужа от телевизора, но тот не хотел, не мог покинуть место на диване, потому что такое пропустить невозможно, и жалел, что нет видеомэгафона, а то все это можно было бы записать для истории. Надя хотя и отговаривала мужа, но сама тоже нет-нет да посматривала на экран, а когда уж собралась на работу, робко предложила:

— Может, Наташку сегодня пораньше заберешь?!

— Нет такой необходимости, — не отрываясь от экрана, ответил Владимир. — Чего раньше времени паниковать!

— Все равно сходи пораньше! — попросила Надя и, поцеловав мужа, скрылась за дверь.

Савину только этого и надо. Опять все внимание на экран. И в какой-то момент, когда полыхала половина здания Верховного Совета, а стрельба становилась все реже и реже, Владимир понял, что они проиграли. И не только те, кто находился внутри здания, но и он, и его семья, и вся Россия. Пусть временно, не навсегда, но проиграли. Для того чтобы это понять, необязательно торчать перед телевизором до конца. Но он все-таки досмотрел до того самого момента, когда пленных защитников Белого дома начали выводить и загонять в подогнанные автобусы. Первыми шли Хасбулатов с Руцким: хмурые, но головы держали высоко. За ними вереницей изможденные и усталые, некоторые понурые, рядовые защитники. Савина поразила одна сцена, которая сразу запала в память: цепочка пленников тянулась мимо машины «скорой», и

какой-то пожилой кучерявый негодяй в белом халате с накинутой поверх него армейской телогрейкой наотмашь лупил пленных, подбегал и лупил, и никто его не останавливал. Лупил с таким садистским воодушевлением и смакованием, зная, что не получит отпора, что Савин подумал: «Была бы возможность, не раздумывая разрядил бы весь автомат в этого сучонка!»

Более смотреть Владимир не мог, да и смотреть-то стало нечего. Он выключил телевизор, закрыл уставшие глаза и откинул шумевшую голову. Лежал опустошенный, без какого-либо желания что-то делать и о чем-то думать. Сами собой полились слезы. И он их не останавливал, не хотел останавливать. Они высохли незаметно, когда душа немного успокоилась и он вспомнил о дочурке. Пошел, умылся, глянул красными глазами в зеркало и не узнал себя. Перед выходом подумал о Василии: «Где он, почему не отзывается?» Набравшись духу, набрал номер телефона... Трубку взял его сын:

— Папы нет дома...

— Тогда маму позови, — попросил Савин.

— Ее тоже нет...

Владимир ничего более расспрашивать не стал, остерегаясь спросить что-то некстати. Так и остался в неведении. Когда же вернулся из яслей с Наташкой, которую забрал из группы последней, то мысли о Василии заставляли с каждой минутой переживать все сильнее. Он вдруг понял, что с ним что-то случилось еще вчера, в Останкине, куда он отправлялся такой воодушевленный. Это, видимо, так и происходило, потому что с того момента, когда толпа оккупировала грузовики, Савин более не видел приятеля. И если вчера он этому не придавал значения, то сегодня, сейчас, когда прошли сутки, а он не объявился, не дал о себе знать, то понял: все это неспроста. С ним что-то случилось! И это «что-то» Савин представлял вполне очевидно, когда вспоминал, каким кинжальным огнем встретили вчера «дзержинцы» демонстрантов в Останкине. Так что надо искать Василия в близлежащих больницах! Он даже про себя боялся произнести слово «морг», хотя это самое вероятное местонахождение. Будь Василий живым, непременно объявился бы. А если ранен, то позвонил бы. Правда, оставался вариант с реанимацией: может, лежит без сознания и не может сообщить о себе.

Мыслей мелькало много, мыслей путаных, но ни одна из них не подсказывала что-то определенное, когда, внут-

ренне прислушавшись к какой-то одной, можно смело сказать самому себе: «Делай так-то и так! Это правильно!» Но нет, ничего похожего не намечалось, и Савин продолжал оставаться в неведении, заполненный внутренней дрожью, от которой даже не спасала Наташка.

Когда же вернулась с работы Надя, Савин еще раз позвонил Василию и, спросив его, услышал заплаканный голос жены:

— Нет со вчерашнего дня... Ушел из дома и не вернулся. И никто ничего не знает о нем...

И Савин не сдержался:

— Вчера я был вместе с ним на демонстрации. А потом он, видимо, поехал в Останкино...

— Почему же вы его не остановили?!

— Не смог, а если честно, не успел. Даже и не знаю, как все это произошло!

— Вы оставили его одного, предали... Эх, вы!

Трубку положили, а Савин не знал, куда деть себя от стыда, от поспешных обвинений. Ему захотелось тотчас перезвонить, объяснить, что его вины ни в чем нет, но в последний момент понял, что все это пустое занятие. К чему теперь ничего не значащие слова, которых чем будет больше, тем будет муторнее на душе. Теряясь в догадках, Владимир даже подумал о том, что, быть может, Василий загулял с любовницей?! А что: в такой ситуации это было бы самым подходящим решением. Уехал с занобой куда-нибудь на дачу, а после сказал бы, что арестовали в центре Москвы и держали под замком двое суток, или трое, четверо... В общем, насколько сил хватит сидеть на даче. Если бы это было так, то Владимир и не переживал, еще и посмеялся бы. Но сейчас становилось не до смеха. Он минута за минутой прокручивал в памяти и восстанавливал вчерашние события, и, насколько помнил, приятель всегда был рядом, постоянно давал о себе знать, словно боялся потеряться в толпе. И это уж как водится: чего боишься — на то и нарываешься. Видимо, и с Василием случилось то, что произошло со многими в Останкине вчерашним вечером и о чем туманно сообщают по телевизору, что, мол, «есть жертвы», стыдливо умалчивая их количество. Но сейчас-то дело было как раз не в количестве убиенных. Пусть даже если кто-то один погиб, то жалко и одного человека, а если им вдруг оказался Василий, то его стало бы жалко вдвойне.

Савин весь вечер пытался понять, кто же такой этот

Василий, чем он так запал в душу?! Горестно думая о том, что почти не знает этого человека, редко когда прислушивался и не запоминал то, о чем и что он говорил, Савин пытался выстроить цепочку знакомства с ним и неожиданно понял, что знает-то его по-настоящему лишь с февраля, хотя до этого несколько лет встречался с ним во дворе, даже здоровался мимоходом. А, получается, по-настоящему проникся только после побоища на Ленинском проспекте, после которого Василий уволился из органов. Этот его поступок и стал главным в их дружбе, только начинавшей по-настоящему крепнуть. Да и не могло быть по-иному с человеком, прошедшим детдом, ремесленное училище, автобазу и зачем-то «сдуру» — как он сам говорил — поступившим в милицию «по разнарядке». А что, и поступишь, если живешь в семейном общежитии и жена у тебя не москвичка, а соблазняют квартирой. Вот и соблазнился. Савин понимал, что хотя прошлые события никак не относятся к теперешней ситуации, но какая-то логика в поведении людей, подобных Василию, есть. Да и он, Савин, такой же человек. Любой из них мог вчера погибнуть в Останкине, будь то бывший милиционер или профессор. Хотя профессора-то вряд ли поехали подставлять себя под пули, вряд ли! Они только на словах герои, с трибун выступать мастаки, перед кинокамерой рассыпаться — уж чего-чего, а языком-то молоть умеют. Хлебом не корми, а дай порассуждать, поучить уму-разуму.

Савин маялся-маялся и сам позвонил Валентине, так, кажется, звали жену Василия. Услышав его голос, она сразу оживилась:

— Ой, у вас новости, наверное?!

— Новостей нет, — замялся Владимир. — Есть предложение.

— Какое же?..

— Завтра я работаю, и поэтому мог бы поездить с вами по больницам, поискать Василия (Владимир опять не упомянул слово морг). Вдруг он где-нибудь лежит, а сообщить о себе ничего не может.

Надя, прислушивавшаяся к разговору мужа, сразу насторожилась, прошептала:

— Куда это собрался?

Савин отмахнулся и повторил в трубку предложение:

— Ну, так что?

— Не знаю, как быть... Позвоню ему на прежнюю ра-

боту, посоветуюсь. Надо, наверное, три дня ждать, а потом заявление писать на розыск... Вдруг он найдется! — неуверенным, высоким и нервным голосом сказала Валентина, совсем не похожим на голос дородной, спокойной, даже вальяжной дамы, работавшей в местной жилищной конторе.

— Хотелось бы в это верить, подождем денек-другой... — согласился Савин с чужим настроением, хотя по интонации Валентины, по ее отношению понял, что ей просто не хочется никуда ехать, что-то предпринимать, быть может, и раньше времени.

Сказав так, Савин сам же себя укорил в лени, в том, о чем с укоришной минутой назад подумал о жене приятеля. Из этого невольного согласия получалось, что, в сущности, никто никому не нужен, а если и нужен, то только до определенного момента, в зависимости от обстоятельств: жене нужна получка мужа да еще он сам в постели, а приятелям — собутыльник, с кем можно выпить и поговорить. Вот и весь круг взаимных привязанностей, из каких и состоит общение. И чем меньше этот круг, тем меньше голова болит о другом человеке. Нет его, и не надо! Примерно так думал Савин и бесился от своих мыслей, потому что большинство людей именно так и рассуждают. Вот и Надя не исключение. Как только он положил трубку, она подседа поближе, спросила:

— С кем это завтра собираешься ездить по больницам?

— Ни с кем... Слышала же, что поездка откладывается. Василий пропал, вторые сутки дома нет... А вчера и сегодня в Москве сплошная стрельба! Поневоле задумаешься!

— Тебе-то что до этого?! Дома вам не сидится. Лучше бы с таким рвением, с какими по митингам носитесь, за детьми бы следили!

— Кто бы чего сказал в ответ, а я промолчу.

— Вот-вот — сказать нечего! — заводилась Надя, не замечая своего нервного состояния.

Зато Савин заметил и не стал вступать в перепалку: толку никакого, только нервы друг другу вытягивать. Сам же для себя решил по-иному: «Завтра поеду и разыщу Василия!»

Назавтра, как только Савин выехал на линию, то сразу взял курс на Останкино; если куда и свозили раненых и убитых, то, естественно, в ближайшие больницы. Но легко было сказать накануне «Разыщу!». Осуществить это намного труднее, тем более, если от тебя это почти не зависит.

Поиски он начал со «Склифа», потом заехал в МОНИКИ и далее по проспекту Мира челноком добрался до Медведкова. И везде почему-то буквально выпытывал в регистратурах списки поступивших в хирургию за последние двое суток, но нигде Василия Барсукова не обнаружил. В морги же не пускали, нужно было какое-то особое разрешение из милиции. Значит, права была Валентина, когда говорила вчера, что именно с милиции и надо начинать поиски. До обеда кружил по больницам и сдался, поняв, что ничего сегодня не добьется, все более укрепляясь в мысли, что Василия надо искать в моргах. «Это как пить дать», — с сожалением решил Савин. Правда, от всех поисков и мотаний по больницам в душе немного потеплело от сознания того, что он все-таки не гад последний, а пытается что-то сделать для приятеля, хоть как-то помочь, пусть и мертвому, не дай бог, конечно. Савин хотя и призывал Всевышнего к помощи, но чувствовал сердцем, несмотря на мало-мальское просветление, что Василия нет в живых, когда вспоминал решимость, с какой тот рвался освобождать Дом Советов, а после спешил, торопился занять место в грузовиках, бравших курс на Останкино. И одет он был соответственно: в армейские кирзачи, армейский же бушлат, черную вязаную шапочку — в ту самую одежду, какую любили показывать в последние дни по телевизору, если речь заходила о красно-коричневых, образ которых, по замыслу авторов материалов, должен действовать на обывателей угрожающе. Мол, смотрите, вот они, эти бомжи, из-за которых нет в стране покоя и порядка! Так что Василий заранее настроил душу на определенный лад и поддерживал его в себе все последние месяцы, будто готовился к самому важному событию в жизни, видимо, нисколько не заботясь о своих близких и знакомых. Да и нельзя в такой ситуации думать о ком-то. Только — о чем-то!

На другой день, как только Надя ушла на работу, Владимиру неожиданно позвонил брат Дмитрий, как чувствовал ее уход. Звонил он в последние месяцы редко, лишь когда наскоком приезжал в Москву из Калужской области, где строил загородный дом, и всякий раз в дежурном режиме: коротко спросит о жизни, еще короче расскажет о себе. На том и расставались до следующих звонков. А в этот раз разговорился — не остановишь. И все-то ему интересно, все хочет знать — так и лезет в душу. Только

непонятно: с чего бы?! Договорились до того, что собрался в гости приехать. Признаваясь самому себе, Владимиру не хотелось в этот день никого видеть, но как откажешь брату. Приезжай, если уж такое желание появилось.

Так прямо и сказал:

— Приезжай, жду. Картошку жарить?

— Жарь!

От Беляево, где жил Дмитрий, до станции «Шаболовская» прямая линия метро. Так что брат не заставил себя ждать. Не прошло и часа, а он уж стоял на пороге с пакетом в руках, а в пакете бутылка и круг колбасы. И, главное, с улыбкой на лице, чего давно не наблюдалось. Все последние месяцы был мухортый, себе на уме. А тут разговорился, как только вошел в квартиру. Ну а если вошел, значит, проходи к столу, на котором к этому времени Владимир успел собрать закуску, в основном ту, что привез из Кинешмы: соленые огурцы, помидоры, грибы. Нарезал сыру, ветчины и, хотя пива не было, выложил леща. В общем, стол — загляденье. Долго можно гулять.

Когда сели и выпили, то Дмитрий, еще и закусить-то толком не успев, сразу спросил, и тем утвердительным тоном, каким спрашивают, надеясь услышать только нужный ответ:

— Видал, что творилось-то в Москве!

— Когда не на работе, то телевизор смотрю — деваться некуда.

— В телевизор все глазеешь! Нет бы пойти, поддержать наших!

Владимир при слове «наших» не знал, как ответить, не до конца понимая, кого все-таки брат считает «своими», хотя и догадывался. Поэтому ответил уклончиво:

— Ходи не ходи — от простых смертных все равно ничего не зависит.

— Зависит, еще как зависит, — покраснел, даже побагровел Дмитрий от такого «равнодушия» старшего брата. — Если бы не наша поддержка, то вряд ли Ельцин осмелился стрелять из танков... А так — шарахнули, и дело в шляпе. Коммуняки сразу руки вверх, как тараканы побежали из Белого дома!

— Ты так говоришь, словно был там?!

— Представь, был!

— С автоматом, что ли?

— Зачем с автоматом... Морально армию поддерживал... На мосту с друзьями стоял, можно сказать, под пулями...

«Значит, это я мечтал по тебе из автомата садануть, — подумал Владимир, вспомнив свое желание, которое так и вилось в голове в день штурма, когда лавочники толпами собрались на Калининском мосту и около него, лягушачьей икрой липли на крышах ближайших зданий, — значит, и ты был среди них, милоч. Справедливости захотел!» Вслух же Владимир ничего поперек не сказал, решил поиграть в словесные кошки-мышки, пощупать его настроение. Даже развеселился в душе от своей придумки. Поэтому спросил с едва скрываемой издевкой:

— А не опасно было на мосту-то глазеть? Вдруг свои покосили бы или из Белого дома коммунаки саданули, злость бы сорвали?!

— Конечно, опасно, если рядом стреляют. Да только когда такое творится на твоих глазах, об опасности не думаешь. Да и безоружные мы были. Как можно в безоружных стрелять?!

— А в Останкине «дзержинцы» стреляли, сотни людей положили! Это что, нормально?!

— Там другая ситуация... Зато теперь от души отлегло!

— Какая тебе радость от того. Ведь сколько людей-то погибло?

— Людей, конечно, жалко, но без этого нельзя. Это ж война была. Пусть маленькая, но настоящая гражданская война... А теперь можно смело сказать, что рынок в Коньково не закроют, а то его собирались первым распотрошить.

— А кто бы его закрыл? И вообще, тебя-то какая забота гложет от всего этого?

— Такая вот... Моя Тоня на рынке стоит, а слухи ходили, что коммунаки, если бы вернулись к власти, все покрывали, ни одного вещевого рынка не оставили, ни одной палатки. В общем, все как прежде стало.

Владимир хотел сказать, что и при прежней власти было не все уж плохо, и жаль, что у Горбачева не хватило ума или желания избавиться от негатива, оставить лучшее и двигаться вперед... Но не сказал. Зачем, если брата все равно не убедить, а разжигать вражду из-за этого не хотелось. Тем более, если брать по большому счету, то вся эта политика от них не зависела. Делалась она где-то там, в заоблачных политических высотах, и не дело простых смертных забивать этим головы. И только поэтому он предложил, не желая разжигать страсти:

— Давай-ка выпьем, а то мы все о политике да о политике... Надоело.

— Наливай! — согласился Дмитрий.

Когда выпили, Владимир, желая сменить тему разговора, от которого не предвиделось никакой пользы, спросил:

— Как дела с домом?

Дмитрий сразу оживился, сменил выражение лица.

— Стены сложил, балки и перерубы поставил, на днях крышу накину, — сказал он гордо.

— Быстро работаешь. Помогал кто-нибудь?

— И помогали, и сам вкалывал все лето. Но теперь легче будет: рамы поставлю, печку сложу и можно зимой потихоньку отделкой заниматься.

— С печником-то договорился?

— Сам обойдусь. Пусть сложу не так быстро, зато качественно, а то сейчас печников хороших не осталось, а какие есть — пьяницы. Им только подноси.

— Что сказать — молодец, — похвалил Владимир, и вполне искренне: что уж было в брате, то было, — этого не отнять. Он всю жизнь так: всегда доходил своим умом, все по-своему делал, и ведь получалось!

Похвалив брата, Владимир будто себя похвалил, сразу забылись «политические» разногласия, о которых и говорить-то сейчас не стоило. Ведь не так уж часто встречаются, чтобы переводить время на пустые слова. И все же, все же... Настроивая себя на миролюбие, Владимир понимал, что в душе, в самом ее потаенном уголке сгорнилась и живет обида на брата, и она, пусть и необъяснимо малая, не позволяла до конца проникнуться к брату родственной нежностью, постоянно выстраивала невидимую, но колючую преграду. Владимир чувствовал, что брат, хотя и не показывал особенно вида, это тоже понимает. Может, поэтому он не стал засиживаться. Спросив о Князеве, о доме и усадьбе, так и не допив бутылку, он собрался уходить. Владимир попытался задержать, но, видно, делал это не очень настойчиво, — вся душа противилась настойчивости, — потому что видел и понимал, что брат приехал уколоть, лишний раз напомнить о «своей» победе у Белого дома. «Пусть будет сегодня по-твоему», — подумал Владимир и порадовался за себя, что промолчал о своем участии в недавних событиях, не стал разжигать костер семейной гражданской войны. Ведь ныне Дмитрию ничего не докажешь, тем более, когда его жизнь находилась на подъеме и сам он, по его понятиям, видимо, был подобен соколу, парившему над неуклюжими жерт-

вами. И все-таки Владимир попытался задержать брата, потому что недопитая бутылка — это будто подковырка, легкая пощечина, указывающая на некое моральное превосходство, и чтобы сгладить неловкость ситуации, побратски — тепло и искренне — предложил:

— Давай-ка, Дим, на посошок хряпнем! Все равно ведь без машины прибыл!

— Нет, не могу, — для вида посмотрев на часы, отказался Дмитрий. — Надо в Коньково заехать, помочь Тоне собрать товар.

— Ну, смотри, — развел руками Владимир, — в следующий раз допьем... А пока, — он вернулся в комнату, заглянул на балкон, — возьми банку лисичек и леща — все с Волги.

— Спасибо, — принял Дмитрий подарок и пригласил: — Сам-то приехал бы как-нибудь: посмотрел на дом, может, помог бы чем.

— Рад бы, да некогда: работа продыху не дает. Только успеваю баранку крутить.

Исполнив своеобразный ритуал из взаимных приглашений, расстались они все-таки холодно, как чужие или малознакомые люди. Закрыв за братом дверь, Владимир подумал о нем с горькой усмешкой: «Чего приезжал, чего хотел доказать?!»

Эта усмешка жила в душе несколько дней и забылась, когда позвонила жена Василия.

— Василий нашелся, — сказала она, как показалось Савину, радостно, и он воодушевился.

— Где он? — спросил Савин, готовый тотчас сорваться и ехать к другу.

— В морге шестьдесят седьмой больницы, на Хорошевке... — «Ехал в Останкино, а оказался в другой стороне! — удивленно подумал Савин. — Или уж столько накопили, что в ближайших больницах мест не нашлось?!» — Завтра похороны, — продолжила говорить Валентина. — Если есть желание, приходите проводить Василия в последний путь. Сбор в десять часов у морга.

— Чем могу помочь? — спросил Савин, сразу сникнув от горького сообщения.

— Ничего не надо... Сами приходите. Вы ведь друзьями были...

— Обязательно приду, — отозвался Савин и не знал, о чем еще говорить в этот момент с несчастной женщиной.

Попрошавшись, он положил трубку и почувствовал, что по всему телу волнами ходит мелкая дрожь и сердце почему-то защемило ни с того ни с сего.

— Ты же завтра работаешь! — напомнила Надежда, к этому моменту вернувшаяся домой и, видимо, слышавшая телефонный разговор.

Владимир хотел обидеться, даже огрызнуться на ее излишнюю заботу, но вместо ворчания поблагодарил, зная, что если обидится, то ругани не избежать:

— Спасибо, что напомнила — надо на работу позвонить, предупредить, что выйду после обеда.

И Надежде ничего не оставалось, как промолчать.

Савин же сразу позвонил дежурному механику, объяснил ситуацию и попросил сделать пометку в журнале.

— Гуляешь, что ли? — полюбопытствовал Николай Михайлович, все еще работающий пенсионер из старых таксистов.

— Какой там «гуляешь»... Завтра поеду Барсукова хоронить... Может, кто из ребят пожелает?! Если найдутся такие, скажи, что сбор в шестьдесят седьмой больнице в десять.

— Погоди. Это какой Барсуков-то? Наш, которого в Останкине застрелили?

— Наш, наш... — не стал Савин разяснять подробности.

— Вряд ли кто поедет. Он проработал-то всего ничего. Сейчас никому ни до кого дела нет.

— Ну, ладно, — не стал настаивать Владимир, — запиши меня в журнал, не забудь...

— Все понял.

От разговора с механиком, от его бесполезного любопытства на душе сделалось так гадко, что Савин даже пожалел, что позвонил, начал лезть в душу старому человеку, которому — вот уж действительно — самому до себя. Хотя нет: из-за бабьего любопытства спросил, удостоверился, что тот ли самый этот Барсуков, как будто мертвого можно поблагодарить за его смерть или, наоборот, поругать, в зависимости от его должности или заслуг. Ему-то теперь все равно, а вот мы все как на ладони: сразу видно кто есть кто.

Утром, отведя дочку в ясли, Савин сразу же, хотя было и рановато, поехал на Хорошевку: спокойнее подождать, чем потом догонять, к тому же и догонять-то не знал где, потому что вчера не спросил, на каком кладбище будут

хоронить Василю. У метро купил гвоздик, и когда добрался до морга, то около здания с подветренной стороны увидел Николая Михайловича, прятывшегося от колючего ветра. Хотя ветер и был холодным, но у Владимира потеплело на душе, когда заметил сутулого, с посиневшим носом механика. Одет он был в выцветшую коротковатую нейлоновую курточку, помятую кепку и такие же брюки (видимо, ночью поспал в каптерке), но ведь не на свадьбу приехал. И не одежда механика привлекла внимание Савина, а сам он, не поленившийся после ночного дежурства приехать на похороны, пусть и не товарища, а человека, годившегося ему в сыновья, но с которым работал, которого знал. «Вот она, старая шоферская закладка! — гордо подумал Савин о Михалыче. — У нынешних гнилых водил такой нет!»

Владимир хотя и предполагал, что народу соберется немного, но время шло, а они продолжали оставаться вдвоем, мерзнуть на ветру. И только когда подошел похоронный автобус, они прошли в салон, показавшийся душным после улицы. Взъерошенный водитель невозмутимо начал читать газету, а потом принялся дремать. Когда же часы показали ровно десять, он встрепенулся, спросил:

— Вы одни, что ли, поедете?

— Почему же одни... — поспешил заверить водителя Михалыч, словно стеснялся малолюдности провожавших. — Сейчас наши подойдут!

— А вон и они! — обрадовал Савин, когда увидел Валентину с сынишкой и шесть или семь ее родственников, и подумал: «Не густо».

Валентина отправилась в здание морга, двое женщин и мальчишка вошли в автобус, а мужчины закурили. К ним вышел Михалыч, тоже закурил и о чем-то сразу заговорил. Савин, хотя и не курил, но оставаться, находясь в напряженном молчании среди незнакомых женщин, не смог и тоже присоединился к курившим.

— Зазря голову сложил! — сказал, словно пожаловался, пожилой высокий мужик, одетый просто, но в шляпе, имея в виду Василю. — Было бы из-за кого. А то они сейчас жируют, а он в ящике... Чего, спрашивается, добился!

— Жируют те, кто победил, — поправил другой мужчина — худой и в очечках, по виду интеллигент. — А кто проиграл, те понесут наказание, в Лефортово просто так не сажают...

— Это уж как посмотреть, — не сдавался тот, что в шляпе.

Спор мог бы длиться до бесконечности, но тут встрял в разговор Михалыч:

— Все уроды, — прямо сказал он, — а из-за них молодые ребята гибнут! — И плюнул, растер плевков по асфальту.

Разговор прервался неловким молчанием, какое обычно бывает в кругу малознакомых людей, но тут в дверях показалась Валентина, позвала:

— Идите, сейчас вынесут...

Женщины с мальчиком вышли из автобуса, водитель подогнал его задней дверью к широкому выходу. Уступая друг другу дорогу, все зашли в здание, оказались в небольшом зальчике, пропитанном запахом хлороформа и воска, застыли у гроба с телом Василия. Сынишка сперва удивленно смотрел на неживого отца, и было видно, как глаза его набухают слезами, он их пытался сдерживать, косился на мать, на собравшихся людей, стесняясь своей слабости, а потом, отбросив стеснение, тоненько заплакал, зарыдал, по-настоящему заревела и Валентина, ее поддержали женщины, а мужчины лишь нахмурились, сжали губы и неподвижными глазами уставились на Василия. Владимиру в этот момент не верилось, что он мертвый, казалось, что вот-вот поднимется и спросит: «А вы-то здесь зачем?!»

Молчание и всхлипывания бесконечно продолжаться не могли, и высокий мужчина сказал, как скомандовал:

— Ну, хватит... На кладбище простимся... Понесли! — И подошел к гробу.

Ему помог Владимир. Вдвоем они установили гроб в автобусе, женщины положили венки. Когда собрались ехать, Михалыч отозвал Савина в сторонку, сказал:

— Володь, извинись за меня перед людьми, но я все-таки не поеду, тяжело мне после ночи. Не обессудь. Вот пятьдесят тысяч, передай от меня вдове. Сгодятся.

— Все понял, Николай Михайлович. Спасибо. Ты просто молодец!

— Да ладно уж... Езжайте... Пухом ему земля...

Когда прибыли на Щербинское кладбище и добрались до разверстых могил, ряды которых заранее копались трактором, копались неглубоко, не более метра в глубину, то Савин, вспомнив слова механика, горько усмехнулся в душе: «Не дай бог лежать в такой “пуховой” земле, напо-

ловину в воде!» Все, что было потом, не раз бывало в жизни Владимира. Уж сколько он похоронил на своем, еще не особо долгом веку людей, и ведь все они давно обрели покой, освободились от суеты и забот, и ничегошеньки им более не надо. А ведь все, как и ныне живущие, когда-то радовались и страдали, мечтали и разочаровывались, боролись за правду и лгали, юлили даже перед собственной совестью и каялись и заново познавали все те чувства, с какими, казалось бы, давно отлюбили и отстрадали. И только здесь, на кладбище, по-настоящему понимаешь собственную суету, суету окружающих в жизни людей, пусть это подчас и самые близкие люди, но за них-то как раз и бывает особенно обидно. Так что, как ни горько посещать кладбища, особенно в дни похорон, такие посещения не проходят даром, особенно для тех, кто умеет думать.

Простившись с Василием, с кладбища шли молча, лишь продолжал всхлипывать белоголовый мальчик, теперь сирота, — его, как казалось Владимиру, он понимал более других, хотя это, конечно, только казалось. Ведь всякий человек примеривает чужую судьбу на своей, и при этом кажется, что его судьба — самая-самая трудная и неповторимая. Пусть будет так. Дело не в том, кто себя считает счастливым в большей или меньшей степени, — главное, что отдельно взятый человек начинает сопереживать. А что еще надо, чтобы быть человеком. Будешь думать, знать, помнить других, и о тебе, грешном, не забудут, нет-нет да почтут тебя самого, а когда-нибудь и твою память.

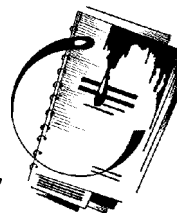
Ирина МЕДВЕДЕВА,
Татьяна ШИШОВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

Вступление

Лет пятнадцать назад мысль о том, что происходящее в России следует рассматривать с позиций войны, многим казалась абсурдной. В лучшем случае сомнительной. Помните, мы присутствовали на политологическом семинаре в Госдуме, где именно профессиональные военные как дважды два доказывали, что никакой войны (за исключением чеченской) на территории России не происходит, потому что такие-то и такие-то классические признаки войны в данный момент отсутствуют. (Точно так же возражали в свое время А. Гурову, впервые открыто заговорившему о советской мафии.)

Сегодня необъявленная война против России стала фактом общественного сознания. Все чаще в самых разных социальных средах можно услышать: «Все ясно. Нас решили уничтожить», «идет зачистка территории», «для обслуживания нефтяных скважин много народу не нужно». Однако нам кажется, у подавляющего большинства людей пока отсутствует конкретное понимание, как именно ведется эта война, кто полковод-

ДОСЬЕ "МГ"

цы, кто солдаты, какое оружие, какие направления ударов и т.п.

Разве что понятие «информационной войны» уже более или менее обществом усвоено. Во всяком случае, на простые приманки манипуляторов масс-медиа народ клюет все реже и реже. И это, конечно, радует. Но разрушительные процессы развиваются столь стремительно, что прозрение общества почти всегда оказывается запоздалым. Такое хроническое запаздывание порождает чуть ли не мистический ужас перед необъятным, неуловимым, а потому неодолимым злом. Между тем оно имеет вполне конкретные очертания, конкретных исполнителей, конкретные цели и конкретные механизмы реализации. И только знание этой конкретики делает зло уязвимым, давая возможность нанести ответный (а лучше упреждающий) удар прицельно, а не в пространство вообще.

Война с Россией ведется одновременно на многих фронтах. Тот фронт, о котором будем говорить мы, один из главных (если не самый главный). Однако его важность не получила адекватной оценки даже в патриотической среде, не говоря уж о людях, далеких от политики. Более того, очень многие политики патриотической ориентации не сопротивляются атакам на данном фронте, потому что принимают армию противника за... армию спасения. Поясним: речь идет о системе снижения рождаемости, активно внедряющейся в России под вывеской «планирования семьи».

По сути, против нашей страны развязана демографическая война. Но мы имеем дело с войной нового поколения, которая ведется по законам информационных войн. А значит, основной упор делается на информацию, вернее, — дезинформацию противника. И на эти приманки многие политики-патриоты пока успешно ловятся. Давайте проследим, с чего эта война начиналась и к чему она привела.

Приемы дезинформации

Этих приемов множество, но основной принцип один: то, что несет погибель, подается как благо. Вспомним, как поступают (уж простите за грубоватое сравнение), когда хотят отравить собаку: смертельный яд вкладывают во вкусную оболочку типа колбасы или сосиски, которую животное с восторгом пожирает. И какое-то время испы-

тывает сытое блаженство. Но потом неизбежны смертельные корчи...

Конечно, если бы было официально заявлено, что в и без того вымирающей стране государство принимает программы, препятствующие рождению детей, это общество однозначно восприняло бы это как геноцид. Но так, естественно, никто не заявляет, а напротив, говорят об «охране репродуктивного здоровья», «репродуктивных правах», «безопасном материнстве», «ответственном родителстве», «здоровом образе жизни». Не правда ли, прекрасно звучит, хоть и не совсем привычно? Ну а то, что это типичный Орвелл, поскольку истинный смысл подобных понятий прямо противоположен их благородной упаковке, с ходу мало кто улавливает. Разве что люди, которые помнят, как называлась гитлеровская программа уничтожения «неполноценных». Она называлась очень похоже — «Здоровье нации».

Вот краткий словарь для перевода с «планировочного» языка на человеческий:

— «охрана репродуктивного здоровья» — включает в себя контрацепцию, стерилизацию (!), аборт;

— «репродуктивные права» — право на контрацепцию, стерилизацию, аборт и растление детей в школах под видом «полового воспитания», «основ здорового образа жизни» и т.п.;

— «половое воспитание» — привитие детям психологии отказа от деторождения, в том числе путем открытой пропаганды контрацепции и стерилизации, скрытой пропаганды абортов и сексуальных извращений, поскольку это тоже не способствует продолжению рода;

— «здоровый образ жизни» — в представлении «планировщиков» обязательно включает в себя применение контрацепции;

— «безопасное материнство» — использование контрацепции (якобы для избежания осложнений после абортов, которые могут привести к смерти);

— «ответственное родительство» — включает в себя использование контрацептивов, сцеплено с лозунгом «ребенок должен быть здоровым и желанным». В начале российской «планировочной» эпопеи лозунг был более откровенным: «Пусть **один** ребенок, но здоровый и желанный» (здесь и далее в тексте выделено нами. — **Авт.**);

— «здоровые и желанные дети» — получают только при «запланированной» беременности, т.е. когда женщина намеренно делает перерыв в контрацепции. Хотя мож-

но привести массу примеров, когда женщина не соби-
лась иметь ребенка, но потом, родив, была счастлива и
благодарила Бога, что не сделала аборт.

Кстати, сцепка «здоровый» и «желанный» — очень ти-
пичная и очень грубая манипуляция сознанием: на са-
мом деле «нежеланные дети» могут быть здоровыми и,
наоборот, самый что ни на есть «желанный ребенок» мо-
жет родиться больным. Впрочем, если строго следовать
вышеприведенному лозунгу, даже «желанного», но «не-
здорового» ребенка нужно обязательно абортировать.
Правда, в современных российских условиях это соста-
вило бы более 30% от общего числа рождающихся детей,
т.к. по последним официальным данным, каждый третий
новорожденный имеет какие-то отклонения (напр., не-
достаточный вес). А поскольку детей сейчас рождается и
так очень мало, результаты вскоре превзошли бы все ожи-
дания идеологов демографической войны.

Вот такая «орвелловщина». Даже, заметьте, в ставшем
уже одиозным клише «планирование семьи» слышится
что-то положительное. «Планирование», «план» у нас еще
со времен советских пятилеток ассоциируются с ростом,
преумножением. «Семья» — понятие тем более безупреч-
ное. Легко ли неискушенному человеку догадаться, что
речь идет об отказе от детей? А между тем в действующем
законе о здравоохранении есть статья «Планирование се-
мьи», раздел 7, где четко определено, что входит в меди-
цинское понятие «планирование семьи». Три пункта: кон-
трацепция, аборт, стерилизация. И все!

В «планировании семьи» даже на официальном уровне
речи о семье не ведется. Мало того, есть официальные
методические указания для центров «Планирование се-
мьи», где сказано, что критерием успешной деятельности
таких центров является количество произведенных абор-
тов. И это очень показательно, поскольку говорит о ре-
альной цели создания подобных центров. Не «количество
вылеченных бесплодных пар», не «число новорожденных
младенцев», а именно количество абортотворения. Странного здесь
на самом деле нет ничего, если хотя бы немного ознако-
миться с историей вопроса.

Маргарет Зангер

Когда-то название организации, занимающейся борь-
бой с рождаемостью, было более откровенным — «Лига

контроля над рождаемостью». Созданная в 1921 году в США малоизвестной тогда феминисткой Маргарет Зангер, она за короткое время стала одной из влиятельнейших организаций Америки. Причем «раскрутка» шла стремительно, несмотря на пуританские установки тех лет. В 1921 году Маргарет Зангер сажают на месяц в тюрьму за организацию подпольного абортария и распространение опасных для здоровья контрацептивов, а уже в 22-м, едва выйдя на свободу, она созывает международную конференцию в защиту абортотворцев и совершает кругосветное турне с циклом лекций. Конечно, у самой Маргарет денег на подобные мероприятия в то время не было.

Зато они нашлись у тех, кому ее деятельность показалась перспективной. Задолго до рождения Маргарет Зангер, еще в конце XVIII века, сильных мира сего стали не на шутку волновать последствия буржуазных революций. Написав на своих знаменах «Свобода, равенство, братство», победители вовсе не собирались по-братски делиться своими правами и состояниями с простыми людьми. Но сама логика развития того общества, которое они строили, неизбежно требовала демократизации. Массы все больше «распоясывались», «сверчки» уже не хотели знать свои «шестки».

И тогда встал вопрос: что с этим делать? Как обуздать «быдло», не меняя знамен? Снова возвести сословные перегородки невозможно — историю не повернуть вспять. И тогда... пошли разговоры об угрозе перенаселения. Дескать, людей на Земле расплодилось чересчур много. Если так дальше пойдет — неизбежны голод и катаклизмы, угрожающие власти имущим. А значит, нужно, не дожидаясь стихийного бунта, **организовать** его и направить в безопасное для элиты русло.

Выразителем подобных умонастроений стал профессор политэкономии Томас Мальтус, который в 1798 году издал труд под названием «Опыт о законе народонаселения». В нем автор с очевидным сейчас схематизмом доказывал, что численность населения планеты растет в геометрической прогрессии, а мировое производство — в арифметической. И предлагал весьма незамысловатые меры по борьбе с «лишними людьми». Они сводились к отмене благотворительности, поощрению преступности и войн, к приостановке развития медицины и т.п.

На определенном этапе идеология мальтузианства сыграла свою роль, но потом, с дальнейшим развитием идей

гуманизма, сделалась уж больно одиозной. В таком откровенном варианте она окончательно дискредитировала себя в период Третьего рейха и после победы над фашизмом была решительно осуждена.

Но параллельно шел поиск новых форм управления «быдлом». И тут бойкая феминистка Зангер пришла как нельзя более кстати. Ее модель геноцида выглядела гораздо более благопристойно. И даже называлась «Мирный план» («Plan for Peace»). Зачем истреблять людей эпидемиями и бомбами, зачем выглядеть жестокими варварами, когда можно просто снижать рождаемость? Результат будет, конечно, не сиюминутным, как в случае бомбардировки, но зато более надежным. Ведь женщина, потерявшая детей на войне, может родить еще, а если ее стерилизовать — это гарантия. Да и точность таких «попаданий» гораздо выше! Чума или война особенно не выбирают, кого лишит жизни, тогда как «мирный план» предусматривает строгую дифференцировку.

А потому уже в 1925 году фонд Рокфеллера начал спонсировать Американскую Лигу контроля над рождаемостью. В 1934 году Зангер опубликовала проект закона, призванного «остановить перепроизводство детей». Там были такие статьи:

«Статья 2. Клиники, контролирующие рождаемость, получают статус государственных органов здравоохранения...

Статья 3. Свидетельство о браке дает супругам право лишь на совместное ведение хозяйства, но не на родительство.

Статья 4. Ни одна женщина не имеет права выносить ребенка и ни один мужчина не имеет права стать отцом без разрешения на родительство.

Статья 5. Разрешения на родительство должны выдаваться государственными органами супругам по их просьбе при условии, что они способны материально обеспечить будущего ребенка, обладают необходимым образованием для правильного воспитания ребенка и не имеют наследственных болезней. Женщина, кроме того, должна представить справку о том, что беременность не будет представлять угрозы ее здоровью».

Хватит или продолжить? Ну, пожалуй, еще немного.

«Статья 6. Разрешение на родительство действует однократно. (Т.е. захотел второго ребенка — снова подвергайся множеству унижительных процедур и обследований. — Авт.)

Статья 8. Умственно отсталые, лица с врожденными преступными наклонностями или имеющие наследственные заболевания, а также все прочие, признанные биологически неполноценными, должны быть либо стерилизованы, либо, в сомнительных случаях, изолированы, с целью не допустить появления потомства, страдающего теми же пороками».

К умственно отсталым, между прочим, Зангер относила 70% американцев. А негров, евреев и славян вообще считала низшими расами, которые в принципе недостойны размножения. В 1939 г., откликнувшись на запрос чиновников от здравоохранения из южных штатов, Зангер представила «Негритянский проект». В нем демографическая ситуация американского Юга оценивалась как нездоровая: численность «неполноценного негритянского населения» постоянно увеличивалась, создавая угрозу белой расе. Чтобы исправить положение, Маргарет предлагала отправить в турне по южным штатам нескольких чернокожих священников-миссионеров с проповедью контрацепции. Естественно, прошедших специальную подготовку. «...Священник должен стать тем человеком, который искоренит всякое подозрение в том, что мы хотим снизить численность негров», — писала Зангер. Священники должны были находиться под жесточайшим прессингом «контролеров рождаемости». Таким образом, негров вынуждали самих намывать себе веревку. Запомните эту идею, она еще не раз всплывет в дальнейшем.

Стоит полистать журнал «Контроль над рождаемостью», издававшийся Зангер, чтобы убедиться в том, насколько «планировщики» повлияли на современную мораль. То, что казалось тогда одиозным, сегодня для массы людей — норма.

Снова обратимся к цитатам. «Супружеская измена (по крайней мере, в физическом смысле слова. — Авт.) не должна считаться основанием для развода. Это естественное последствие современного брака». «Большая семья представляет собой угрозу, поскольку каждый следующий ребенок понижает уровень жизни семьи».

А вот как будто слышишь голоса наших отечественных последователей Маргарет Зангер: «Мы должны обеспечить право каждого ребенка быть желанным» («Контроль над рождаемостью», вып. IX, №6 за 1925 г.). А дальше, естественно, «каждый ребенок имеет право не только быть

желанным, но и физически полноценным. И не только физически, но и психически». Вот вам и «гуманистическое» обоснование фашистской селекции. Все для блага человека, даже... его убийство.

Правда, кое-что из зангеровских постулатов еще не до конца вошло в массовое сознание. Например, изображение ребенка в виде «маленького монстра» или «куска мяса». Впрочем, в нынешней Англии каждая пятая женщина не хочет иметь ребенка, а шведская столица Стокгольм уже названа на последнем Всемирном конгрессе семей «первым постсемейным городом». Там две трети жителей, проникнувшись духом столь пропагандируемой Зангер «свободной любви», никогда не имели и не собираются заводить семью.

Но что реализовалось «на все сто», так это растление малолетних. Маргарет Зангер (как, впрочем, и ее последователи) выражалась более деликатно. Она ратовала за половую просвещенность детей и подростков, за то, чтобы «освободить их от сексуальных предрассудков и табу». Подросткам не надо говорить про нравственную чистоту, утверждала Зангер. Сексуальное образование ни в коем случае не должно быть «негативным» и «бесцветным». Никакого морализаторства! Все это мы слышим и в речах нынешних секс-просветителей. Исходя из идей Зангер, секс — естественное занятие для подростков. Если подросток чувствует, что он созрел до сексуальной активности, это «его выбор». Общество просит лишь, чтобы он не производил на свет детей.

Зангер призывала учить подростков тому, что секс — кульминация любви, что он повышает интуицию, укрепляет физическое и душевное здоровье. Но только если это благородное занятие очищено от нездоровых и неестественных последствий. Догадываетесь от каких? Правильно, от деторождения! Все виды секса естественны, и никаких извращений не существует, если при этом не совершается агрессия. А извращение, опять же, одно-единственное — иметь много детей.

В 1942-м, в разгар войны с Гитлером, Зангер из тактических соображений переименовала свою Лигу в Ассоциацию Планирования Семьи, а в 1948-м, получив подпитку из фонда Браша, вкладывавшего большие средства в евгенические исследования, основала Международную Федерацию Планирования Семьи. Официально МФПС была зарегистрирована в 1953 году, и М.Зангер стала ее

почетным председателем. Штаб-квартиру МФПС бесплатно предоставило Английское Евгеническое общество.

Евгеника, наука об улучшении человеческой породы и выбраковке «беспородных», активно пропагандировалась в фашистской Германии. В апреле 1933 г. в «Ревю» была опубликована статья близкого друга М.Зангер Эрнста Рудина, впоследствии ставшего директором гитлеровского проекта генетической стерилизации. Статья так и называлась: «Евгеническая стерилизация: насущная потребность»... С крахом фашизма евгеника ушла в тень, продолжая при этом влиять на мировые процессы. Сегодня она снова выходит на авансцену. Правда, теперь, чтобы не вызывать ненужных ассоциаций, ее переименовали в генную инженерию.

Особенно интересна связь Международной Федерации Планирования Семьи с кланом Осборнов. Основатель нью-йоркского Музея естественной истории Генри Осборн поддерживал многие евгенические организации. А племянник Генри Осборна, Фредерик Осборн, возглавил Отдел по делам народонаселения (Office of Population Research), основанный фондом Рокфеллера. Одновременно этот самый Фредерик Осборн был советником у Маргарет Зангер. И создателем Ассоциации ученых-евгеников.

Отдел по делам народонаселения был этакой респектабельной теплицей для вызревания современной фашистской идеологии. Один из ведущих сотрудников этого Отдела Кингсли Дэвис стал первым представителем США в Комиссии по народонаселению при ООН. Ну, а вездесущий Фредерик Осборн учредил еще и Совет по народонаселению (Population Council). Теперь это очень мощная и влиятельная организация. Сын Фредерика, Фредерик Осборн младший, проводил политику планирования семьи под еще одной вывеской — «Планирование Семьи в мире» (Planned Parenthood-World Population). В общем, контроль над рождаемостью можно смело считать семейным бизнесом Осборнов.

Наверно, читатель малость запутался в похожих названиях всех этих отделов и советов. Ничего удивительного. Тактика «планировщиков» как раз и заключается в том, чтобы создать видимость множества разных направлений, разных якобы независимых организаций. На самом же деле они имеют одну (фашистскую) идеологию, действуют очень согласованно и зачастую питаются из одного источника.

При сопоставлении документов и фактов отчетливо видно, что стратегии, разработанной в 20-е годы, «планировщики» придерживаются до сих пор. Главная цель — сокращение рождаемости любой ценой. В 1982 г., в мартовском выпуске журнала «Сайенс» медицинский директор Американской Федерации Планирования Семьи писал: «Дело в том, что ни одна нация на земле не может регулировать рождаемость, не прибегая к абортам. В Соединенных Штатах совершается 1,5 млн. абортов ежегодно — почему же Индонезия должна отставать? Не имеет значения, насколько хорош (или плох) метод сам по себе: раз одной контрацепцией контроля над рождаемостью не добиться, вам придется иметь дело с абортами и стерилизацией».

Руководство Международной Ассоциации Планирования Семьи (МАПС, это еще одна структура) обязывало все свои филиалы разрабатывать и внедрять в образовательные системы подопечных стран программы полового воспитания. Программы эти предполагали использование откровенных рисунков в учебных пособиях, дискредитацию традиционных нравственных ценностей, подрыв авторитета родителей и провоцирование половой распущенности подростков. Все эти принципы воплощены сейчас и в российских программах «полового воспитания школьников».

Хотя в условиях развитой демократии проводить прополку «плевел человечества» (изящная метафора М.Зангер) довольно трудно, кое-какие успехи есть.

— В 1980-е гг. Планирование Семьи начало открывать абортарии на базе школ. И из первой сотни клиник не было **ни одной** при школе для белых детей.

— Число стерилизованных чернокожих женщин на 45% выше, чем белых. А среди выходцев из Латинской Америки их на 30% больше, чем среди белых. 42% всех индианок и 35% пуэрториканок стерилизовано.

— В штатах Техас и Индиана «планировщики» разработали специальные программы для нацменьшинств. Чтобы заманить девушек и женщин в свои центры, они раздавали им талоны, дающие право на покупки товаров со скидкой, дарили модные диски и даже устраивали бесплатные танцульки.

В других местах «примерных клиенток» за аборт или стерилизацию поощряли разными премиями. Что ж, это поистине «мирный план» истребления «лишних». Вроде

бы все добровольно, никакого открытого насилия. По сравнению с гитлеровскими технологиями — огромный шаг вперед. Тогда использовались лишь элементы добровольности: приговоренные к расстрелу собственноручно рыли себе могилы. Но убивали их все же другие. В новой реальности, построенной по проекту Зангер и прочих «гуманистов», люди будут убивать себя сами, не обременяя государство расходами на исполнителей. А их родственники в виде компенсации за понесенную утрату получат утешительные призы. Если, конечно, мы позволим этому проекту развернуться в полную мощь.

План NSSM-200. Меморандум национальной безопасности США

27 апреля 1974 года в основные ведомства США: министерство обороны, ЦРУ, министерство сельского хозяйства, Агентство международного развития был послан запрос, подписанный госсекретарем Генри Киссинджером. «Президент распорядился изучить влияние роста мирового народонаселения на безопасность США и соблюдение наших международных интересов», — говорилось в запросе. И не только изучить, но и предложить конкретные меры: как уменьшать население в суверенных государствах, не вызывая сильного противодействия властей и граждан. В результате появился документ, аббревиатура которого напоминала ружейный код: NSSM-200 (National Security Study Memorandum). Он был составлен Советом по национальной безопасности, который является высшим уровнем руководства в правительстве Соединенных Штатов. Возглавляет Совет безопасности сам президент (тогда это был Никсон). Задача Совета — координировать **зарубежные операции** всех подразделений правительства.

26 ноября 1975 года Меморандум стал руководством к действию в области американской внешней политики. И хотя в 1989 году он был вроде бы рассекречен, опубликование фрагментов из него стало возможным лишь в июне 1990 года. Этот документ без всякого преувеличения можно назвать эпохальным: он на несколько десятилетий определил мировое развитие. Когда знаешь его содержание, многое, что происходит в нашей жизни, предстает в ином свете. В Меморандуме откровенно говорится, что в условиях, когда разрыв между богатыми и бедными странами

увеличивается, рост числа людей в последних может накалять обстановку, а это, в свою очередь, помешает США выкачивать ресурсы. «При том, что население США составляет 6% от мирового, мы потребляем около трети природных ресурсов, — признаются авторы Меморандума. — В последние десятилетия Соединенные Штаты все больше зависят от импорта полезных ископаемых из развивающихся стран, и эта тенденция, судя по всему, продолжится... Поэтому США все больше заинтересованы в поддержании политической, экономической и социальной стабильности в странах-поставщиках...»

Это, кстати, для тех благомыслов, которые любят восклицать: «Но Западу ведь тоже не нужен хаос в России!» Да, им, конечно, нужна стабильность, но лишь в смысле стабильной слабости, позволяющей и дальше грабить «отсталые страны».

Продолжим цитирование: «Поскольку, снижая рождаемость, мы можем улучшить перспективы такой стабильности, политика в области народонаселения становится весьма важной для соблюдения экономических интересов США». А вот и еще более откровенное высказывание: «Быстрый рост населения в развивающихся странах... наносит ущерб их внутренней стабильности и отношениям с теми странами, в развитии которых США заинтересованы, создавая таким образом политические проблемы или даже угрозу национальной безопасности США».

Вообще Меморандум поражает своим цинизмом. Вот как поборники прав человека представляют себе идеальный порядок вещей и вот как они на самом деле пекутся о «равенстве возможностей»: «Когда перенаселение приводит к массовому голоду (речь идет о странах, богатых полезными ископаемыми, которые прекрасно могли бы прокормить свое население, если бы не страна-упырь, называющая себя, по законам информационной войны, «страной-донором». — **Авт.**), голодным бунтам и социальным переворотам, это неблагоприятно для систематического освоения природных ресурсов и долгосрочных инвестиций». А потому, предупреждают авторы Меморандума, какой-то минимум ограбляемой стране все-таки надо оставить, пусть верят, что «в международном экономическом порядке для них тоже «что-то есть», иначе концессии иностранных компаний будут экспроприированы или подвергнуты жестоким нападениям». И далее: «...подобные кризисы наименее вероятны при **низком** или **от-**

рицательном приросте населения». (Это как будто про нас сказано, хотя, конечно, в то время американцам такой успех и присниться не мог, они планировали развязать демографическую войну прежде всего в 13 странах: в Индии, Бангладеш, Пакистане, Нигерии, Мексике, Индонезии, Бразилии, Египте, Турции, Эфиопии, Таиланде, Колумбии и на Филиппинах.)

Может возникнуть вопрос: а почему именно снижение рождаемости? Не проще ли уменьшать народонаселение за счет стариков? Ведь от них толку чуть, одна морока. Но, во-первых, «истинные гуманисты» не могут себе позволить такую откровенную антигуманность, а во-вторых, жизнь в бедных странах и так не способствует долголетию. Впрочем, главное даже не это. Главное, что «молодые люди... более подвижны, нестабильны, склонны к экстремизму, оппозиционности и насилию, чем старшее поколение. Их легче мобилизовать на атаку институтов законной власти или собственности «истеблишмента», «империалистов», мультинациональных корпораций или других — часто иностранных — учреждений, на которые сваливают вину за неполадки в стране». Правильно авторы Меморандума чувствуют, откуда ждать опасности: молодежи, чего доброго, может добиться перераспределения доходов транснациональных (читай: американских) монополий в пользу своего народа.

Снижать рождаемость предполагалось уже отработанным способом: путем распространения служб планирования семьи, которые занимались бы пропагандой «простых, дешевых, эффективных, безопасных, продолжительно действующих и приемлемых методов предупреждения беременности». «Это **жизненно важный аспект** для любой программы по контролю над мировым народонаселением», — честно признавались авторы Меморандума. Ведь в документе для внутреннего пользования не нужно было пудрить мозги обывателям, заверяя их, что планирование семьи ни в коем случае не ограничивает рождаемость, а только борется с абортами. Можно насаждать службы планирования семьи в качестве самостоятельных организаций, а можно — для отвода глаз — вписывать их в уже имеющиеся структуры здравоохранения, привязывая к охране здоровья матери и ребенка, снижению материнской и младенческой смертности. Вот цитаты, иллюстрирующие эти «маленькие хитрости»: «Планирование семьи в контексте охраны здоровья демонстрирует озабоченность

благополучием семьи в целом, а не просто репродуктивной функцией... Оказание некоторых видов помощи матери и ребенку упрочит доверие к идеям планирования семьи, поскольку таким образом будет продемонстрирована забота о здоровье матери и ребенка в целом, а не только обеспокоенность фактором фертильности (плодовитости. — Авт.)... Интеграция планирования семьи в систему здравоохранения поможет нам опровергнуть... обвинение в том, что США больше заинтересованы в снижении численности людей в развивающихся странах, нежели в обеспечении их будущности». А обвинения, прямо скажем, не беспочвенные, ибо, как признаются авторы Меморандума, Америка вкладывает все больше и больше средств в программы снижения рождаемости и все меньше — в программы развития и здравоохранения в странах третьего мира. Если же «интегрировать», то попробуй разберись, что пошло на презервативы и лапароскопы для стерилизации, а что на аппаратуру для выхаживания недоношенных детей.

Кстати, про стерилизацию читаем: «Мужская и женская стерилизация получает широкое распространение, когда эта операция упрощается, ускоряется и становится безопасной. Женская стерилизация усовершенствовалась благодаря применению лапароскопов и полостных операций». (Так что если услышите от наших «генералов» демографической войны вроде Е.Лаховой или И.Гребешевой, что лапароскопы считают инструментами для стерилизации только невежды, а на самом деле они применяются исключительно для гинекологического осмотра, не верьте — это ложь.) Мужскую стерилизацию предполагалось еще немного «доработать» (сейчас, похоже, и с этим все в порядке). И насчет «полостных операций»... Помнится, как раз в 70-е годы у нас вдруг пошли разговоры, что, дескать, в какой-то там занюханной Колумбии или даже Индонезии всем делают кесарево, и никаких тебе родовых мук, простейшая полостная операция под наркозом, и у ребенка головка кругленькая, недеформированная... Живут же люди!.. Что ж, теперь и мы «зажили». По свидетельству беременных женщин, гинекологи теперь усиленно пропагандируют кесарево сечение. А заезжие спецы из Америки проводят учебные семинары по «методике постродовой стерилизации». Так что дело, похоже, налаживается.

Но вернемся к Меморандуму. Пропагандировать мето-

ды и средства снижения рождаемости следует по самым разным каналам. В первую очередь, через систему образования. «Ключевым фактором эффективного использования существующих контрацептивных техник была и остается проблема образования. Этому вопросу в Меморандуме отводится весьма значительное место. «Не снижая усилий, направленных на взрослое население, необходимо сконцентрироваться на юном поколении — тех, кто сейчас в начальной школе или еще моложе», т.е. на детсадовской малышне (!). Теперь вам понятно, почему в дошкольных учреждениях появились «игры в сперматозоиды», красочные пособия с изображением половых органов и добрые тетеньки, которые совершенно безвозмездно брали на себя труд просветить трех-четырёхлеток: «откуда берутся дети»? И почему нашей школе так упорно навязывают «половое воспитание»? Важнейшую пропагандистскую роль, конечно, должно играть телевидение. Особенно спутниковое, ведь оно американское. Значит, все будет правильно, «идеологически выдержанно». Вот какой фактор, оказывается, играл немаловажную роль в развитии спутниковой связи! А нам-то внушали, что это для блага детишек — дабы они смогли круглосуточно смотреть мультики!

Но, конечно, одного предложения «услуг по планированию семьи» мало. Необходимо организовать спрос. А для этого следует создать социальные и психологические предпосылки для якобы стихийного снижения рождаемости. Чтобы это происходило как бы само собой и чтобы не возникало ни малейших догадок о влиянии извне. Например, важным фактором снижения рождаемости, как сказано в Меморандуме, является более позднее вступление в брак. И в этом смысле пропагандистская машина сработала отлично. Поздние браки стали поистине «общечеловеческой ценностью», которая уже не подвергается сомнению. Истинная причина удерживания молодежи от ранних женитьб и замужеств, понятное дело, не афишируется. Внушают (и уже крепко внушили) совсем другое: «Сначала надо встать на ноги»... «Беременность в юном возрасте очень опасна»... «Ранние браки, как правило, кончаются разводом, сперва пусть хорошенько нагуляются...». «В 16—18 лет у девчонки еще ветер в голове, разве она может быть хорошей матерью?» и т.п. И стараются всячески замалчивать, что именно эти установки ведут к дальнейшему распаду института семьи, увеличению чис-

ла брошенных детей, росту половой распущенности, а значит, вензаболеваний, бесплодия и СПИДа. То есть опять-таки к достижению целей **демографической войны**.

Способствуют снижению рождаемости и феминистские тенденции. В Меморандуме приводятся выводы Гарвардского департамента народонаселения: «В недавних исследованиях удалось выявить специфические факторы, способствующие снижению рождаемости. Это (в том числе) расширение нетрадиционных ролей женщины». Теперь сюда еще приплюсовали и «гендерные исследования» («гендер» — «пол»). Они прекрасно финансируются, в том числе в нищей России. Например, какие-то заморские специалисты недавно объявили, что полов на самом деле вовсе не два, мужской и женский, а... пять. Пойди разберись в таком «пятиполье», кому быть отцом, кому матерью. И быть ли вообще.

Предусматривалась в Меморандуме и «ориентация новых поколений на создание малодетной семьи». Авторы не скрывают, что во многих развивающихся странах «желаемый размер семьи — четверо и более детей». Поэтому «крайне необходимо убедить широкие массы в том, что в их индивидуальных и национальных интересах иметь в среднем троих, а потом и двоих детей».

Вообще «необходимо убедить» народ развивающихся стран в секретном документе уделяется очень много внимания. Там прямо говорится, что политика планирования семьи обречена, если она «не поддержана изнутри». «Мы должны позаботиться о том, чтобы наша деятельность не воспринималась развивающимися странами, как политика развитой страны, направленная против этих стран»... А для этого авторы документа призывают опираться на местных лидеров. Как этого добиться? — Во-первых, до боли знакомым нам по последнему времени способом: приглашением на семинары в Нью-Йорк со всеми сопутствующими этому приятными обстоятельствами. Во-вторых, «можно минимизировать обвинения в империалистической мотивации... если неустанно повторять, что мы заботимся: а) о праве каждого человека свободно и ответственно определять число детей и промежутки между их рождением... и б) о социально-экономическом развитии бедных стран...»

А чтобы лидеры в это поверили, им нужно подбросить немного денег на «социалку»:

— обеспечение минимального уровня образования, осо-

бенно женщинам (американские эксперты сочли, что оптимальное образование — это 4 класса);

— снижение детской смертности;

— увеличение рабочих мест, прежде всего для женщин;

— организация для ухода за стариками служб, которые стали бы альтернативой опеки со стороны взрослых детей (эксперты рекомендуют заранее оговаривать условия: не заведешь больше трех детей — получишь когда-нибудь местечко в богадельне, а перестараться — извини!);

— повышение доходов беднейших слоев населения, особенно в сельской местности».

(Сегодня совершенно очевидно, что все это был чистый блеф. Разрыв между самыми бедными и самыми богатыми только увеличился. В Африке каждую минуту люди умирают от голода. В Ботсване каждый четвертый человек болен СПИДом, а продолжительность жизни, по данным ООН, сократилась на 29 лет. Детская смертность ужасает своими показателями. За последние пятнадцать лет в одних только войнах погибло более двух миллионов детей, а шесть миллионов получили серьезные ранения или стали инвалидами. Во многих развивающихся странах всюду эксплуатируется детский труд, поскольку он почти ничего не стоит. Зато по части контрацептивов план перевыполнен: их потребление увеличилось примерно в 5 раз.)

Для гарантии успеха рекомендуется, предоставляя той или иной стране кредиты, продовольствие и другие виды помощи, учитывать, как она себя ведет в области family planning. Сокращает свое население или голову морочит богатой тетушке Америке? Так что вопрос продовольственной безопасности, столь популярный в последние годы и у нас, как видите, стоит рассматривать в более широком контексте. Ведь может выясниться, что мы играем на чужом поле, и, нагнетая страсти вокруг грядущего голода, невольно способствуем предоставлению нам очередного кредита. А значит — такова уж логика тех, кто диктует правила игры — помогаем депопуляции. Затронув в разговоре с одним крупным чиновником тему планирования семьи, мы тут же услышали: «Ничего не попишешь — связанные кредиты!» Тогда мы могли лишь догадываться, что он имел в виду. Теперь, по прочтении Меморандума, все понятно. Делается это, конечно, деликатно, как и советовали авторы Меморандума, «чтобы не было впечатления насилия».

«Секретный план» бесценен еще и тем, что в нем подробно рассказывается об организациях-исполнителях. Кроме Агентства США по международному развитию (ЮСАИД) среди них нет чисто американских, только международные. Главная или, как говорят бюрократы, «головная» — Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА). Теоретически в этот Фонд поступают пожертвования от самых разных стран. На то время их было 65. Однако в 1971 г. вклад США составил примерно половину от общего бюджета фонда. В последующие годы эта цифра снизилась, но очень незначительно. Так что «заказчик музыки» не вызывает сомнений. ЮНФПА, по замыслу авторов Меморандума, играет координирующую роль в осуществлении депопуляционных проектов. Под его дудку пляшут такие организации, как ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) и многие другие, не столь известные в России. Нашлось там теплое местечко и для Международной Федерации Планирования Семьи (МФПС). «США должны объединить страны-доноры (читай: крадущие миллиарды и отстегивающие копейку «на бедность». — Авт.), ВОЗ, ЮНФПА, ЮНИСЕФ и Всемирный банк для создания консорциума, который бы помогал наиболее нуждающимся странам в организации... системы здравоохранения, неотъемлемой составной частью которого станет планирование семьи». ЮНЕСКО призывалось возглавить работу с учениками начальной школы, чтобы внушить им «в процессе формального и неформального обучения» идеал малодетной семьи. Все эти замыслы, как показало дальнейшее развитие событий, удалось успешно претворить в жизнь.

Про Всемирный банк в документе написано, что его директорат еще не до конца осознал всю стратегическую важность политики планирования семьи. Но выражается надежда, что осознание в скором времени придет. (Надежда сбылась!) По существу, в Меморандуме представлены стратегия и тактика войны нового образца. Причем, в отличие от ядерной, химической или бактериологической войны она **уже всю идет**. Весной 1989 года на страницах журнала «Вашингтон куотерли» в статье «Глобальные демографические тенденции к 2010 г. в аспекте безопасности США» Пентагон открыто призывался к тому, чтобы «планированию населения» был придан статус программы по разработке **новых видов оружия**.

Каирская конференция

Живя в сверхдержаве под названием Советский Союз, мы могли позволить себе роскошь не разбираться в массе вещей: не знать про курс доллара, про деятельность МВФ и Всемирного банка, про разведывательную миссию тоталитарных сект и про многое-многое другое. Что же касается расистской политики, то про нее мы, конечно, знали. Но одни от этого отмахивались как от чего-то, не имеющего к нам никакого отношения, а другие даже не стеснялись одобрять. Дескать, так им и надо, «черномазым»! Быть может, приход американского фашизма на нашу территорию — это расплата за отступление от важнейшего христианского принципа сочувствия «сырым и убогим». За свою спесь белого человека мы получили место в черном списке людей, подлежащих «демографической коррекции». (Не правда ли, изящная замена шокирующего слова «геноцид»?)

Руководство СССР, конечно же, было в курсе того, что американцы стараются снизить рождаемость в развивающихся странах. Но серьезно этому не противилось (вероятно, исходя из вышеописанной логики), хотя и не участвовало. Мы проводили суверенную демографическую политику, и в 80-е годы многое было сделано для того, чтобы рождаемость как раз увеличилась. С середины 60-х по середину 80-х гг. общая численность населения стабильно росла примерно на 0,6—0,7% в год. Но в 1991 году Советский Союз перестал существовать, и «демокорректорам» открылась зеленая улица. Уже на следующий год в «суверенной России» появилась Российская Ассоциация «Планирование семьи» (главное действующее лицо — И.И. Гребешева), а в 1992 и 1994 годах в Рио-де-Жанейро и в Каире состоялись международные конференции по народонаселению, на которых миру была навязана программа так называемого «устойчивого развития». Формально конференции проходили под эгидой ООН, но после событий в Югославии, думаем, ни у кого уже не осталось иллюзий по поводу того, под чью дудку пляшет эта организация. Ну, а для тех, кто все же сомневается, процитируем отрывок из заявления Клинтона, сделанного им в 1997 году по случаю одобрения в Белом Доме и Сенате финансирования международных программ по народонаселению. «Мы подтверждаем, что США будут и впредь занимать руководящую роль в мире по пре-

доставлению добровольной помощи в области планирования семьи... (Действительно, чего стесняться? Перед кем? — Авт.) Планирование семьи является **ключевым моментом** нашей всеобъемлющей стратегии...»

Теперь об «устойчивом развитии». Это еще более изощренный эвфемизм, чем «планирование семьи». Ведь оба слова имеют положительную окраску. Как хорошо, когда что-то устойчиво в нашем безумно неустойчивом мире! Ну, а «развитие» для современного человека тождественно «жизни» и никаких ассоциаций, кроме самых радужных, не вызывает. В действительности же «устойчивое развитие» означает консервацию того уровня потребления, который позволяют себе сегодня развитые западные страны. И нищеты, присущей развивающимся странам, поскольку именно она выступает в данном случае в роли консерванта.

«Программа действий по регулированию народонаселения», принятая в Каире, фактически повторяет американский Меморандум национальной безопасности 1974 года. Конечно, на конференции (в отличие от Меморандума) прямо не говорилось, что Америка намеревается уменьшить число людей в неразвитых странах и за счет этого жировать по-прежнему. В программе шла речь о здоровье, о соблюдении прав человека и прочих неоспоримых вещах. Но о сокращении рождаемости было заявлено достаточно открыто (разумеется, только для сохранения репродуктивного здоровья женщины и соблюдения ее репродуктивных прав!). И в качестве конкретных мер депопуляции перечислялись все те же: сексуальное просвещение, контрацепция и антифертильная, т.е. противородовая пропаганда. (В Меморандуме это называлось «ориентировать новые поколения на создание малодетной семьи».)

Самые откровенные высказывания можно найти в подготовительных документах оргкомитета Каирской конференции. В списке организаций, принимающих участие в разработке и финансировании программ снижения рождаемости в мире, фигурируют старые знакомцы: ЮНФПА, Всемирный банк, ВОЗ, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, МФПС, Совет по народонаселению, учрежденный в свое время Фредериком Осборном, сподвижником Маргарет Зангер, Программа «Ассоциация за добровольную хирургическую контрацепцию» (т.е. стерилизацию), Институт развития ресурсов, Фонд Рокфеллера и даже... Меж-

дународный институт сельского хозяйства. Впрочем, для тех, кто знаком с содержанием американского Меморандума и помнит о «связанных кредитах», появление «сельхозников» в такой компании ничуть не удивительно. Вопреки заверениям наших отечественных «плановиков», что, дескать, программы планирования семьи ни в коей мере не занимаются сокращением рождаемости, эксперты оргкомитета Каирской конференции утверждают прямо противоположное. А именно: программы планирования семьи «дают серьезный эффект в сфере сокращения рождаемости».

Эксперты также указывают, что «фундаментальным условием успеха программ планирования семьи является их политическая поддержка со стороны государственных структур и высших государственных чиновников» (опять все строго по Меморандуму!). В 1993 году правительство РФ приняло программу «Дети России», неотъемлемой частью которой была подпрограмма «Планирование семьи». В отличие от других подпрограмм («Дети Чернобыля» или «Дети-инвалиды»), эта финансировалась исправно. Правда, в 1997 году, когда началось сильное общественное противодействие, депутаты Госдумы сняли ее с финансирования. Но «планировщики» быстро перекинули средства в подпрограмму «Безопасное материнство», так что бесплатная раздача контрацептивов «неимущим» благополучно продолжилась. Главный мотор или, как принято выражаться на языке спецслужб, главный «агент изменения» в данном вопросе — это Е.Ф. Лахова. Добрая знакомая Ельцина еще по Свердловску, она в 1991 году возглавляла в Верховном Совете РФ Комитет по делам женщин и пыталась провести закон о принудительной стерилизации «недостойных». Когда номер не прошел, появился проект закона «О репродуктивных правах граждан», дававший «планировщикам» полную свободу и неограниченную власть. Однако граждане (в первую очередь православные) предпочли остаться «бесправными», подняли шум, и при следующем председателе Комитета по делам женщин, семьи и молодежи А.В. Апаринной, закон был положен под сукно. Но Лахова, сочетавшая работу в думском комитете по безопасности (!) с должностью председателя Совета по делам женщин, семьи и демографии при президенте РФ, не оставила попыток навязать России «контрацептивную революцию» (в 1997 году эта деятельница даже выдвинула лозунг: «Контрацептивная ре-

волюция — единственная революция, которая требуется современной России!»). Вступив в предвыборный блок Лужкова—Примакова—Шаймиева и получив в избирательном списке 4 (!) место, Лахова принесла туда и свою программу «Отечество» — женщинам», в которой черным по белому было написано: «Мы будем добиваться принятия **закона о репродуктивных правах**». И она, и ее заокеанские патроны прекрасно понимали, что для успешного осуществления геноцидной политики необходима **полная легализация** антидетородной пропаганды и сопряженных с ней мероприятий.

Кроме того, на государственном уровне политику планирования семьи активно поддерживали Министерство образования, Министерство здравоохранения, Министерство труда и социального развития. Как сообщала «Новая газета» в №32 за 1999 г., «*в настоящее время только по линии Фонда ООН по народонаселению (ЮНФПА) (еще раз подчеркиваем, что этот фонд является головной организацией по снижению рождаемости в мировом масштабе. — Авт.) в России официально приняты к исполнению три проекта.*

1. Проект RUS/98/PO1 — «Репродуктивное здоровье подростков». Российское исполнительное ведомство — Российская ассоциация «Планирование семьи», руководитель проекта — И.Л. Алесина, федеральное координирующее ведомство — Департамент по делам семьи, женщин и детей Минтруда. Общий бюджет проекта — 353 254 долл. США. Реализация начата в 1998 году, продолжительность — 2 года.

2. Проект RUS/98/PO2 — «Улучшение услуг в области охраны репродуктивного здоровья в г. Олекминске и Среднеколымске Республики Саха (Якутия)» — реализуется совместно Минздравом Якутии, ВОЗ и ЮНФПА. Общий бюджет проекта — 200 тыс. долл. США. Реализация начата в октябре 1998 г.

3. Проект RUS/95/PO3 — «Формирование здорового образа жизни у российских подростков» (прежнее название — «Половое воспитание российских школьников»). Российское исполнительное ведомство — Министерство образования РФ (координатор проекта Е.Е. Чепурных), агентство-координатор — московское бюро ЮНЕСКО, исполнительный директор проекта С.М. Дубовик. Общий бюджет проекта — 745 тыс. долл. США. Реализация начата в 1996 г., продолжительность — 3 года. Несмотря на массовые протесты

общественности, церкви и специалистов, а также несмотря на рекомендации подкомитета по образованию Государственной Думы РФ, приостановить реализацию данного проекта не удалось. Он предполагает помимо создания новой школьной дисциплины «Основы здорового образа жизни» интеграцию знаний по планированию семьи и безопасному сексу практически во все основные школьные дисциплины и внеклассную работу... Таким образом... идеология отказа от деторождения должна усиленно внедряться в детское сознание начиная с пятого класса.

В феврале 1999 года в Москву приезжала экспертная миссия ЮНФПА... Итог визита — начало подготовки еще двух проектов, рассчитанных на 3 года». Так что «политическая поддержка со стороны государственных структур» была налицо.

Какие еще рекомендации следуют из документов Каирской конференции? Государство не должно противодействовать сокращению рождаемости на своей территории. Еще в Меморандуме говорилось: «Проводя суверенную политику в области народонаселения, нации обязаны учитывать уровень благосостояния соседей и всего мира...» А президент Российского общества по контрацепции В.Н.Прилепская в полном соответствии с этой установкой заявила на юбилейной (в честь пятилетия) конференции РАПС в 1997 году, что «призывающие к повышению рождаемости в России забывают о проблемах перенаселения в мировом масштабе, нам не нужен прирост, нам нужны здоровые дети...»

Чтобы государство не могло вмешиваться со своими «демографическими целями» в деятельность по сокращению населения на его территории, систему планирования семьи необходимо было сделать максимально децентрализованной и неконтролируемой. Поэтому в нашей стране с 1992 года открылось 300 государственных центров планирования семьи под эгидой Министерства здравоохранения, 52 филиала уже упоминавшейся общественной организации под названием Российская Ассоциация «Планирование Семьи». Международный фонд охраны здоровья матери и ребенка (на 1997 г. у него было 40 региональных представительств), Российское общество контрацепции, международные женские центры, а также множество разных загадочных учреждений — «Эзоп», «Ариадна», «Ювентус», «Магистр» и проч. и проч. — которые под видом досуговой или просветительской дея-

тельности проводили антирепродуктивную пропаганду. Центры эти прекрасно финансировались. В отчете миссии ЮНФПА за 1997 г. читаем: «В 1992 году в Санкт-Петербурге доктор Нелли Борисовна Алмазова создала центр по вопросам планирования семьи и репродуктивного здоровья с великолепными возможностями стационарного и амбулаторного обслуживания. Его годовой бюджет в настоящее время составляет около 10 млрд. рублей (1,7 млн. долларов)... Центр производит операции по контрацептивной стерилизации (80—90 женщин в год) и введение и удаление имплантантов «Норплант» (контрацептив длительного действия, крайне вредный для женского здоровья. — Авт.)».

В дополнение была создана разветвленная сеть медико-педагогических, медико-психологических и валеологических школ (в Ярославле, Самаре, Владимире, Ижевске, Барнауле, Екатеринбурге и др.). Кроме того, центры планирования семьи вписывались в уже существующие структуры — поликлиники, больницы, женские консультации. Если вы помните, в американском Меморандуме рекомендовалось на выбор две технологии: либо создание отдельных центров, либо их интеграция в медицинские учреждения. Наши «планировщики» решили перевыполнить «секретный план». Они создали и то, и другое. Очень важно, говорится в рекомендациях Каирской конференции, «обеспечить официальную законодательную базу, способствующую распространению служб планирования семьи. Национальные и местные лидеры должны сосредоточить свои усилия на обеспечении бюджетных ассигнований, а также на выделении сотрудников для налаживания соответствующего сервиса».

Не дожидаясь принятия вожделенного «Закона о репродуктивных правах», демокорректоры пошли в обход и вставили свое «заветное» (легализация абортов на поздних сроках по социальным показаниям, стерилизация по заявлению женщины и проч.) в «Закон о здравоохранении в Российской Федерации». Он был принят Думой единогласно. Не дремали и активисты на местах. Ивановские думцы разработали закон «О правах и гарантиях граждан по созданию семьи и сохранению ее здоровья», позволяющий проникать в образовательные и лечебные учреждения организациям типа РАПС. Ну а чиновники спешили выбить штатные единицы. В приказе №13 от 10 апреля 1998 г., подписанном тогдашним министром здравоохра-

нения Дмитриевой Т.Б., были определены штаты сотрудников планирования семьи на душу населения. На это нашему якобы нищему здравоохранению денег было не жалко. А Минобраз со стахановской энергией ковал в всей стране кадры педагогов-валеологов, которые должны рассказывать детям, что здоровый образ жизни — это, в частности, употребление контрацептивов. И тут, заметьте, деньги находились...

Смотрим следующую рекомендацию. Ненужные медицинские и законодательные ограничения к сервису по планированию семьи необходимо было устранить. И в России уже устранены фактически все ограничения для абортот на поздних сроках. Бывший премьер Черномырдин в 1997 году подписал постановление, где был перечень «социальных показаний», по котором женщинам можно сделать аборт даже на 22-й неделе беременности, когда ребенок уже вполне может появиться на свет живым! Под этот перечень (бедность, плохие жилищные условия, отсутствие постоянной работы, развод с мужем и т.п.) подпадают почти все женщины нашей страны.

Расширен и список медицинских показаний для стерилизации. Теперь даже воспаление легких может послужить основанием для перевязки маточных труб. Социальные же показания «забиты» в проект «Закона о здравоохранении в РФ», гласящий, что женщину можно стерилизовать по ее письменной просьбе. «А что плохого, если девятнадцатилетняя девчонка хочет стерилизоваться? Она ведь хочет! Надо дать ей такое право!» — агрессивно повторяли в полемике с нами гинекологи из Твери, завербованные «планированием семьи» и своей зомбированностью напоминавшие членов тоталитарной секты.

Далее под видом рекомендаций Каирской конференции фактически шли прямые инструкции: «Правительства и неправительственные организации **должны** поощрять предоставление услуг в области планирования семьи по различным каналам таким группам населения, как подростки, мигранты и беженцы».

На той же юбилейной конференции РАПС академик В.И. Кулаков, президент Российской ассоциации «Планирование семьи», призвал собравшихся «разработать программы для маргинальных слоев: молодежи (!), сельских жителей, беженцев».

Молодежь особенно волновала «планировщиков»: «Пра-

вительство **должно** признавать особые нужды молодежи и подростков, поддерживать программы, направленные на минимизацию риска заражения СПИДом и другими венерическими заболеваниями».

Стоп! Что за вопиющее противоречие? Программы «Анти-СПИД» уж, кажется, направлены на сохранение жизни, т.е. увеличение численности людей на планете. Но тогда при чем тут борьба с ростом народонаселения? И снова парадокс оказывается мнимым. Все программы, которые нам довелось изучить, — а изучили мы их немало, — на самом деле лишь провоцируют интерес к сексу и половую распушенность. А следовательно, увеличивают риск заражения СПИДом. Скажем, в челябинской программе «Беседы о СПИДе», одна только обложка которой могла бы конкурировать с обложкой порножурнала, содержит откровенную пропаганду гомосексуализма. Или вот такие полезные советы школьникам: «Всегда пользуйся презервативом при вагинальном и оральном сексе; если заниматься анальным сексом, пользуйся специальным, особо прочным презервативом и большим количеством смазки; будет еще безопаснее, если вместо сексуального контакта заниматься сексуальными играми без проникновения: поцелуи, ласки, массаж, мастурбация». А первоклассников из города Ярославля обучали игре под названием «Инфо-анти-СПИД». Очень интересная игра, в процессе которой участники лихо меняют «половых партнеров». Понарошку, конечно, игра — это ведь условность...

Однако продолжим анализ рекомендаций. Специальные усилия нужно было приложить для информирования подростков, их образования и проведения мотивационных кампаний по формальным и неформальным каналам, привлекая к проведению этих кампаний самих подростков. Ну, тут отечественных примеров было «выше крыши». Реклама презервативов вставлялась нашим телевидением не только в подростковые фильмы, но и в малышковые мультфильмы. В Хабаровске и других городах с успехом применялась программа «Подросток — подростку». В конце курса мальчикам и девочкам выдавался диплом... секс-инструктора. В программу «Дети улиц», на которую в Москве выделялись огромные деньги, входила и раздача школьникам презервативов, и теория «безопасного секса», и полоролевые игры — в общем, весь джентльменский набор. И тоже давался наказ нести знания в массы. Каждый год 1 декабря, в «День борьбы со

СПИДом», презервативами молодежь одаривали (и продолжают одаривать) прямо на улицах. А столичные «половики» облюбовали для этой цели Пушкинскую площадь, чтобы действие совершалось под высоким покровительством Александра Сергеевича.

Ну, а чтобы это стало возможным, надо было активно внедрять в жизнь следующую рекомендацию: «Особое внимание следует уделять обучению педагогов и развитию соответствующих коммуникационных методик, основанных, в частности, **на устранение чувства ложной стыдливости**». В России это стали называть «уроками по снятию стыда». С них начинались многие программы «секс-просвета».

И вот на что важно обратить внимание: менялись министры, менялись даже премьер-министры, а планирование и осуществление геноцида (иначе политику планирования семьи в современных российских условиях квалифицировать нельзя) упорно продолжалось. В июле 1999 года, выступая на 21-й Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, вице-премьер правительства России В.И. Матвиенко заявила: *«Россия полностью привержена духу и целям Каирской конференции. Следуя установкам Каира, правительство целенаправленно проводит свою политику в области народонаселения. Коренным образом скорректированы государственные подходы к решению демографических проблем»*.

Совершенно очевидно, что решение максимально сократить население России было принято **на самом высоком уровне**. Мы думаем, это было одним из условий предоставления нашей стране кредитов МВФ и Всемирного Банка. Так называемые «связанные кредиты». Скорее всего, договоренность была устная (как масса других договоренностей по «непопулярным» вопросам). И пока не произойдет **кардинальной смены** политического курса, демографическая война на нашей территории будет продолжаться.

Итоги и перспективы

Как мы уже говорили, «шумовым прикрытием» демографической войны служат заявления о праве женщин на свободный выбор, о борьбе с абортами, СПИДом, венерическими заболеваниями, об охране репродуктивного здоровья. Однако реальные результаты работы служб

планирования семьи, которые распространились по всей стране и число которых постоянно растет, выглядят следующим образом:

— даже по официальной статистике из 10 беременностей 7 по-прежнему оканчиваются абортами (в действительности же аборт гораздо больше, т.к. множество частных врачей и клиник, уклоняясь от налогов, не сообщают истинных сведений о количестве пациентов; кроме того, широко рекламируются и распространяются abortивные таблетки, позволяющие не прибегать к услугам врачей). А снижение абсолютного числа аборт, которое агенты планирования семьи ставят себе в заслугу, на самом деле связано с уменьшением числа беременностей. Пресловутая же «материнская смертность от аборт», борьбой с которой прикрываются «планировщики семьи», составляет порядка 250 человек в год;

— заболеваемость сифилисом выросла многократно. Любой честный специалист скажет вам, что никакого «безопасного секса» не существует, а пропаганда презервативов в подростково-молодежной среде, наоборот, провоцирует эпидемию венерических заболеваний. Именно поэтому иностранные идеологи демографической войны в России указывают, что «следует обеспечить специальную подготовку венерологов, поскольку представители этой группы врачей по-прежнему считают презервативы неэффективными средствами предупреждения болезней, передающихся половым путем»;

— число больных, зараженных СПИДом, увеличивается в России ежегодно в 4 раза. Вы спросите, причем здесь планирование семьи? — Напоминаем, борьба со СПИДом — один из главных аргументов в пользу сексуального просвещения школьников. Хотя крупнейшие отечественные венерологи утверждают, что «борьба со СПИДом — это прежде всего борьба с гомосексуализмом и наркоманией», тогда как «руководители программы борьбы со СПИДом обрушили все ужасы этой болезни на все население». Так что рапсовские пособия «Твой друг — презерватив» и программы, внушающие, что гомосексуализм — это вариант нормы, сыграли, мягко говоря, немалую роль в распространении СПИДа. Для справки: поры латексной резины, из которой изготовлен презерватив, в 50 раз (!) больше вируса СПИДа.

— «охрана репродуктивного здоровья» — т.е., отвлечение средств от реальной заботы о женском здоровье и

направление их на антидетородную пропаганду — привела к росту анемий (малокровия) среди беременных, к росту бесплодия, к увеличению расстройств менструального цикла, рака молочной железы, рака шейки и тела матки. Как утверждают специалисты, последние три показателя могут быть напрямую связаны с употреблением гормональных контрацептивов.

То есть ни одна из декларируемых целей не достигнута. Зато достигнута истинная цель — рождаемость снизилась почти вдвое. За последние годы количество детей в России сократилось на 3,7 млн. человек. И хотя, работая на публику, «планировщики» будут уверять, что они тут ни при чем, а виновата исключительно плохая экономика, в документах для внутреннего пользования (уже цитировавшийся Доклад миссии ЮНФПА) вполне определенно указывается на связь снижения рождаемости и растущей популярности современных противозачаточных средств.

Итак, первый этап демографической войны в России можно считать успешно завершенным. Губернаторы это благополучно проспали. Службы планирования семьи есть **во всех регионах**. Губернаторы финансируют и дают правовое прикрытие организациям, совершающим «действия... с намерением уничтожить, полностью или частично какую-либо национальную, этническую... группу (в данном случае — народ России. — Авт.) путем: преднамеренного создания какой-либо группе таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее, предотвращение деторождения в среде такой группы» (из Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года. Аналогичное определение геноцида содержится в статье 357 УК РФ, которое отнесено к категории тяжких преступлений, и за него установлена исключительная мера наказания). Слова «предотвращение деторождения» после всего вышеизложенного, надеемся, в пояснениях не нуждаются. Что же касается «создания условий», то ограничимся лишь краткой иллюстрацией. На правительственном уровне Минздрав проводит политику повышения цен на лекарства и урезания бесплатной медицинской помощи. А это, особенно при угрозе растущих эпидемий, есть самое что ни на есть «создание условий» для уничтожения людей. Но и низовые организации, которые, каза-

лось бы, к «созданию условий» непричастны, фактически тоже вкладывают немалую лепту в физическое уничтожение людей. По заключениям виднейших психиатров, программы секс-просвета расшатывают детскую психику и замедляют умственное развитие. Соответственно, такие дети и подростки попадают в «группы риска». Т.е. повышается вероятность их гибели от наркомании, токсикомании, заражения венерическими заболеваниями и СПИДом. Рост агрессивности, неизбежно связанный с преждевременной сексуализацией, приводит подростков в криминальные сообщества, что опять-таки создает угрозу их жизни. Неслучайно за последние годы смертность среди мальчиков и девочек 15—19 лет (контингент, принявший на себя основной удар «планировочной» пропаганды) увеличилась на 50% (!).

«Приверженность духу и целям Каирской конференции» была засвидетельствована на сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам народонаселения в Нью-Йорке в июле 1999 года не только в выступлении вице-преьера В.И. Матвиенко, но и в Национальном докладе, представленном на эту сессию Россией. Среди шести национальных приоритетов демографической политики РФ не было ни слова об увеличении рождаемости.

Но зато **все шесть** этих приоритетов включили в себя планирование семьи. Три — достаточно явно: «улучшение репродуктивного здоровья», «пропаганда здорового образа жизни» и «моральное поощрение ответственного родительства», а три — более завуалированно: «снижение материнской смертности» (логика: материнская смертность во многом происходит из-за абортот, значит, необходима пропаганда контрацепции), «обеспечение адресной поддержки малообеспеченных семей с детьми и отдельных категорий населения, нуждающихся в особой социальной защите» («поддержка» включает в себя бесплатную раздачу контрацептивов) и «содействие адаптации мигрантов» (тут никак не обойтись без услуг «планирования семьи»!).

Среди основных задач государства указано «обеспечение репродуктивных прав граждан» (т.е., принятие геноцидного «Закона о репродуктивных правах»).

Авторы доклада на 17 лет вперед расписались в том, что «репродуктивное поведение российских семей будет по-прежнему ориентировано на рождение **одного ребенка**». Почему нельзя было создать семьям более благопри-

ятные условия: построить жилье (отсутствие которого даже в Докладе миссии ЮНФПА признается главным обстоятельством, мешающим людям заводить детей), поощрять многодетность путем введения разных льгот? Это невозможно сделать только в одном случае: когда стремишься к обратному — чтобы детей рождалось как можно меньше. Сейчас и без того на 100 женщин детородного возраста приходится 124 ребенка, тогда как даже не для прироста, а для простого численного возмещения поколений необходимо 215 детей на 100 женщин. При таких чудовищных показателях государственную ориентацию на одного ребенка нельзя квалифицировать иначе как преступление.

«Ожидаемая численность населения РФ к 2016 году, — сказано в российском докладе, — составит 138 миллионов человек». А из Краткого доклада генерального секретаря ООН «О контроле за мировым населением» следует, что Россия к 2050 г. должна выйти на первое место в мире по убыли населения (сейчас мы на пятом). Наша численность составит 121 млн. человек. Почти столько же (101 млн.) будет у Турции — нашего геополитического противника. С той только разницей, что у нас произойдет постарение населения, а у них будет много молодых и боеспособных.

Америка же, втянув в депопуляционную политику почти весь мир, выходит сейчас на новый этап. Если раньше она заверяла другие страны, что и у себя будет поддерживать стабильные показатели народонаселения, то теперь США запланировали себе к 2050 году огромный прирост — 75 миллионов человек. Для развитой страны это фантастические показатели! Вероятно, исходя из этих новых планов, американцы начали перестраивать политику в области образования: отменять секс-просвет и вводить «программы целомудрия» с ориентацией на брак, супружескую верность и многодетность. Думаем, в самом скором времени они ужесточат свое отношение к контрацепции, абортам и гомосексуализму. Подобно табаку и спиртному, противозачаточные средства, аборт и разврат не будут поощряться в Соединенных Штатах, а следуются по преимуществу «экспортным товаром».

Если сравнить ожидаемую численность населения России и Америки, то легко увидеть, что к 2050 году американцев должно стать почти в три раза больше (349 млн. по сравнению со 121 млн. в России). И США могут счи-

тать демографическую войну успешно завершённой. После этого Россию можно будет брать голыми руками, ибо трехкратный перевес в численности населения гарантирует победу над противником. Это известно любому военному. А тем более — американским стратегам, разрабатывающим планы «демографической коррекции».

«Стремительные политические, экономические, социальные и **демографические** изменения, произошедшие в Российской Федерации... имеют историческую важность и **далеко идущие последствия**», — сказано в докладе миссии Фонда народонаселения ООН.

Сегодня все, кто считает себя патриотами, должны вдуматься в эту обтекаемую фразу и перестать относиться к проблеме планирования семьи как к чему-то третьестепенному. Демографическая безопасность — наиважнейшая составная часть национальной безопасности. Службы, препятствующие деторождению на нашей территории, необходимо закрыть, а демографическую политику сделать полностью свободной от иностранных влияний и вливаний.

Политика России должна быть направлена на преумножение и защиту жизни, а не на планирование небытия.

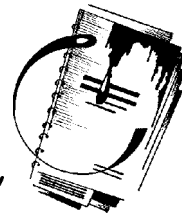
ЧЕРНЫЙ МИФ

Мифы, если их умело и настойчиво внедряют в сознание, становятся частью массовой культуры и играют важную роль в укреплении общественного строя и государства или их подрыве. Они превращаются даже в особую форму общественного сознания.

В массовой культуре такие «изготовленные в лаборатории» мифы могут занимать большое место и быть инструментом больших программ манипуляции сознанием.

Главную роль играют черные мифы. Они поддерживаются (часто в международном масштабе) для того, чтобы в нужный момент оживить их и провести кампанию манипуляции. Миф потому и живуч, что опирается на взаимодействие сознания и подсознания, на сочетание обрывков достоверной или правдоподобной информации с иррациональной верой в Зло, подкрепленной сильными художественными средствами. В результате партия (движение, народ, страна или даже просто идея), которая решила принять на себя груз черного мифа, оказывается окруженной зоной отчуждения. Чтобы преодолеть этот барьер, требуется общее крупное потрясение, ставящее под сомнение всю систему мифов и верований. Особое место сегодня занимает миф о черносотенцах.

Миф этот создан усилиями всего «цивилизованного мира», в том числе кое-кем из авторитетных западных коммунистов

ДОСЬЕ "МГ"

(например, американским публицистом Майком Дэвидоу) и некоторыми деятелями новых компартий России (например, А. Фроловым из КПРФ и Б. Хоревым из РКРП).

Этот миф скрупулезно, опираясь на надежные источники, разбирает В.В. Кожин в двух книгах: «Загадочные страницы истории XX века: «черносотенцы» и революция» (М., 1995) и «Черносотенцы и Революция» (М., 1998).

Черносотенцы — бранная кличка, введенная их противниками сразу после организации в ноябре 1905 г. «Союза русского народа», хотя с чисто исторической точки зрения в ней ничего бранного нет. Спасать Москву от нашествия поляков и самозванцев шли вместе с Мининым и Пожарским именно черные сотни — объединения русских мастеровых людей. Поэтому кличка «черносотенцы» не вызвала особого раздражения у самих членов «Союза».

На деле речь идет о консервативном движении, которое противопоставило себя всем революционным течениям — как буржуазно-либеральным (кадеты), так и социалистическим. Черносотенство было политическим течением традиционалистов, которые выступали против революции, угрожающей именно российской цивилизации. Крупной силой черносотенство не стало, спасти монархию и империю было уже невозможно, но в своих прогнозах лидеры черносотенства были поразительно прозорливы. В.В. Кожин выдвигает необычную и проницательную мысль: черносотенство оказалось таким прозорливым в своих предвидениях потому, что уже к 1910 году его лидеры осознали невозможность остановить революцию в России. Поняв и пережив неизбежность поражения их консервативного проекта, они оказались не связанными никакими политическими интересами и приобрели свободу мысли.

Рассмотрим миф о черносотенцах по частям.

1. Черносотенцы — объединение представителей маргинальных, темных и бескультурных слоев, почти городского дна («подонки», или еще говорят «охотнорядцы», т. е. лавочники).

Умберто Эко в «Маятнике Фуко» пишет так о «Союзе русского народа»: «В «Союз» вербовали уголовных преступников, а занимались они погромами и правотеррористскими покушениями». А Фролов трактует черносотенство как продукт «наиболее отсталых слоев крестьянства» — ядовитый цветок, выросший «на почве реального

народного протеста против нечеловеческих условий своего существования». Б.С. Хорев назвал «Союз русского народа» группой, «сплетенной из богатеев и деклассированных громил».

Весь этот тезис ложен. В черносотенстве, в том числе в его высшем руководстве, приняли участие виднейшие деятели культуры России: филологи академики К.Я. Грот и А.И. Соболевский, историк академик Н.П. Лихачев, виднейший византист академик Н.П. Кондаков, ботаник академик В.Л. Комаров (позднее президент Академии наук), врач профессор С.С. Боткин, актриса М.Г. Савина, создатель оркестра народных инструментов В.В. Андреев, живописцы К. Маковский и Н. Рерих, книгоиздатель И.Д. Сытин. К черносотенцам были близки художники В.М. Васнецов и М.В. Нестеров. Как считал Лев Шестов, к черносотенству примкнул бы, будь он жив, Ф.М. Достоевский.

В черносотенстве принимали участие виднейшие представители аристократии, а также иерархи Церкви, в том числе причисленный к лику святых будущий патриарх Тихон и митрополит Антоний (прототип Алеши Карамазова). Наконец, членами «Союза русского народа» были 1500 рабочих Путиловского завода. Кто здесь «богатеи и громилы»? А. Фролов не раз поминает Ленина. Если уж на него ссылаться, то следует вспомнить и замечание Ленина о «мужицком демократизме черносотенства, самом грубом, но и самом глубоком».

2. Второй тезис мифа: черносотенцы устраивают еврейские погромы.

Снова вспомним слова С. Хорева: «Русский народ со стыдом и ужасом вспоминает разгул этой банды подонков-антисемитов. За 6 и 7 апреля 1903 г. в Кишиневе во время еврейских погромов убито до 500 человек». Спрашивается, каким образом «Союз русского народа», созданный в ноябре 1905 г. и до 1906 г. проводивший только закрытые собрания, не участвуя даже в устной агитации, может быть причастен к погрому в Кишиневе в апреле 1903 г.? Почему кишиневский погром должен вспоминать «со стыдом и ужасом» именно русский народ, если в погроме участвовали исключительно молдаване, а проводителем был представитель знатного молдавского рода Паволаки Крушеван?

Откуда следует, что во время погрома 1903 г. «убито до 500 человек»? Согласно официальному отчету прокурора

А.И. Поллана (который, кстати, сочувствовал евреям), всего было убито 43 человека, из них 39 евреев. Ожесточенное побоище началось после того, как евреи применили огнестрельное оружие и убили троих погромщиков, в том числе одного ребенка. У погромщиков огнестрельного оружия не было.

Б.С. Хорев причисляет к еврейским погромам и побоища 18—29 октября 1905 г., хотя, как сам пишет, «толпы пьяных дебоширов, ведомых «черной сотней», громили евреев, русских, армян, азербайджанцев, рабочих и т. д. Только в ста городах убито четыре тысячи человек». Возникает вопрос: откуда следует, что пьяных дебоширов вела «черная сотня»? Согласно кадету В.П. Обнинскому, автору большого труда о тех событиях, в октябре 1905 г. «не существовало партий правее конституционно-демократической, и будущие кадры так называемых «монархических» организаций находились еще в распыленном состоянии». Как уже говорилось, «Союз русского народа» возник в ноябре, и после его образования в России было всего 3 погрома (в 1906 г.) — два в польских городах и один в латышском, где черносотенцы не имели никакого влияния.

Неверно, что во время октябрьских погромов 1905 г. убито 4 тысячи человек, как неверно и то, что это были еврейские погромы. Наиболее точные данные собрал историк черносотенства С.А. Степанов. Из них следует, что погибло 1622 человека, из них евреев 711 (43 процента); ранено 3544 человека, из них евреев 1207 (34 процента). В Киеве во время погрома убито 47 человек, из них евреев 12 (25 процентов). С.А. Степанов делает вывод: «Погромы не были направлены против представителей какой-нибудь конкретной нации».

3. Стало чуть ли не общепризнанным, что черносотенство — движение «антисемитов».

Тезис сложен, если учесть, что в числе организаторов и активных деятелей «Союза русского народа» были и представители еврейства, в частности, близкий соратник П.А. Столыпина И.Я. Гурлянд. Они не были ни агентами, ни провокаторами. Будучи патриотами России, они не порывали связей с российским еврейством.

В своем обличении «черносотенной, фашистской и тому подобной идеологической заразы» и в подтверждение антисемитизма консервативных движений в России А. Фролов приводит цитату Энгельса: «Если он (антисемитизм)

оказывается возможным в какой-нибудь стране, то это лишь доказывает, что капитал там еще недостаточно развит». Имел ли место антисемитизм в Германии в начале 30-х годов? Да, имел. Можно ли сказать, что капитализм в Германии был неразвит? Нет, нельзя. Энгельс был не прав. Как же тогда понимать А. Фролова?

Ложен и его тезис о том, что черносотенству близко («точный аналог») движение Баркашова. Тезис настолько очевидно ложный, что даже говорить о нем не следует. Вот если бы Керенский догадался создать свое маленькое «черносотенство», тогда у Баркашова был бы аналог.

4. От самых разных идеологов — от Умберто Эко и М. Девидоу до Б.С. Хорева и А. Фролова — мы слышим, что черносотенцы были террористами («занимались они погромами и правотеррористскими покушениями»).

Вот историк С.А. Степанов пишет в академическом журнале (в 1993 г.): «Что касается методов, которые применяли к своим противникам черносотенцы, то они являлись зеркальным отражением «революционного» терроризма крайне левых. С той, однако, разницей, что «союзники» опирались на поддержку всей военно-полицейской машины империи. В составленном Главным советом «Союза» списке политических деятелей, подлежащих физическому устранению, фигурировали в основном кадеты. Черносотенные дружинники убили двух видных членов этой партии — М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса».

Итак, «зеркальное отражение». Конечно, черносотенцы, в том числе евреи, выступали против революционеров, в том числе против евреев. Но посмотрите, насколько искажено наше историческое сознание. На деле революционные организации, самой активной из которых была террористическая группа эсеров под руководством еврея Азефа, убили до 1917 г., по подсчетам американского историка А. Гейфман, 17 тысяч человек (возможно, это преувеличение, но это — данные явных ненавистников черносотенства). Черносотенцам же вменены в вину три убийства: кадета М.Я. Герценштейна в 1906 г. (авторство убийства точно не установлено), кадета Г.Б. Иоллоса (в 1907 г.) и трудовика А.Л. Караваева (в 1908 г.). Это — зеркальное отражение революционного террора? Бесполезно нам идти дальше по теме манипуляции сознанием, пока мы не покопаемся в себе и не поймем, как же мы в это могли верить.

Как С.А. Степанов, научный работник, может утверждать, что черносотенцы были такими же террористами,

как революционеры, да к тому же вели террор при поддержке всей военно-полицейской машины империи (видимо, включая армию и военно-морской флот!). И где тот страшный «список политических деятелей, подлежащих «физическому устранению»? Да еще составленный Главным советом «Союза русского народа»! Тут надо создавать комиссию под руководством А.Н. Яковлева — искать этот список, как «золото КПСС». Но не историку же такие вещи писать!

5. Общий тезис, в котором сходятся и ельцинисты, и некоторые идеологи оппозиции, гласит, что черносотенство — движение расистское, которое стало предшественником фашизма.

Читаем в книге «Русская идея и евреи» (М., Наука, 1994): «Ненависть к евреям, нарастающая в предреволюционной России, подожгла Германию, а затем и Россию. Мир — единое целое. Россия заплатила за жажду расправы над евреями ГУЛАГом.

Нас убеждают, что между черносотенством и фашизмом есть генетическая связь. Это явный подлог. Расизм возник еще в ходе Реформации, с разделением рода человеческого на расу избранных и расу отверженных (поэтому колонизаторы Америки из гражданского общества были расистами, а колонизаторы из традиционного общества Испании — нет). Национализм же возникает лишь с превращением народа в политическую нацию, а до такого превращения России начала века было далеко. Черносотенство исходило из понятия «народ». Близости черносотенства к фашизму нет и быть не может, поскольку эти явления лежат на разных цивилизационных траекториях. Фашизм есть порождение Запада и только Запада, черносотенство — охранительный консерватизм, типичный продукт культуры России начала века.

Мифы, которые внедряют в сознание недобросовестные идеологи, нам очень затрудняют выход из нынешней смуты. Мы живем со спокойной совестью именно потому, что правда — за нас. А мы должны быть — за правду.

ДВА РАССКАЗА

КОНОПЛЯ

О случившемся давным-давно мне никогда не забыть, потому что есть вещи, которые забываются на следующий день, а другие никак не выходят из памяти до конца жизни. О том и мой рассказ.

Подвода еще со вчерашнего дня была нагружена коноплей. Неделю назад мы убрали ее с поля, связали в снопы, привезли домой и поставили рядами к забору проветривать. Есть люди, которым интересно: «На кой черт понадобились эти двухметровые стебли?» Их тайна сродни тайне шелкопряда, когда из кокона вытягивается шелковая нить, а из конопли — пеньковая нитка, по крепости вряд ли уступающая шелковой. В те годы из конопли плелись также веревки, канаты, женщины ткали дорожки, при сплетении пеньковых с хлопковыми нитями получалась ткань, из которой шили рубашки для мужчин, для женщин — юбки и передники. Так что конопля — очень ценное растение.

Мы с дедушкой собрались отвезти нашу коноплю к речушке, что текла неподалеку, в местечке «Дрен», где мы должны конопля-

ПРОЗА

ные снопики погрузить в воду. За две недели с коноплей произойдет какой-то хитрый химический процесс, ее кора станет мягкой, волокно отделится от стебля. Выдержав процедуру, мы вытащим коноплю из реки, отвезем домой, где она два-три дня посохнет на солнце. А дедушка скажет бабушке: «Я сделал свое дело, дальше — дело твое!..»

Все готово! Сегодня утром едем на речку! Бабушка стоит у порога с торбой в руках, ворчит:

— Чего ты на ходу спишь? Плесни холодной воды на лицо, чтобы проснуться! И вот — бери торбу, беги на улицу, дедушка ждет тебя, и помогай ему.

— Я и без твоих наставлений знаю, что делать, — огрызнулся я. — Не такое уж сложное дело замочить коноплю. Забиваешь поперек речки колы, ставишь снопы на дно в длину, кидаешь сверху камни, прижмешь, чтобы вода не уволокла их, и — гуляй себе!

— Я тебе дам гулянки, — пригрозила бабушка. — Пошел и смотри в оба, а то дедушка глуховат, да и слеповат — сам знаешь.

Сел я в телегу, устроился поудобней на конопле. Дедушка погнал волов.

Ездить на телеге, запряженной волами, требует буйволова терпения. Волы самые медленные животные, но и самые надежные. А нам и незачем торопиться — речка никуда не уйдет.

Еще темно. Небо только-только начинает розоветь. Солнце еще не скоро встанет, оно далеко за горизонтом. Мы, сельская детвора, нагруженные работой с утра до вечера, редко высыпались. Всегда улучим вечером часок-другой поиграть, ведь детство есть детство! А вставать надо рано. Даже в дни учебы хочешь—не хочешь, а помогай родителям. Так до поздней осени.

Нагруженная телега заунывным монотонным поскрипыванием колес усыпляла меня. Говорю себе: «Перевалим через железнодорожный переезд, и подремлю. До речки еще час волочиться». Подложил под голову два снопики конопли, вытянулся на спине и всмотрелся в глубокое полутемное беззвездное небо. Сегодня — воскресенье, вечером — танцы, заиграет оркестр. А я что? Да залезу на высоченный вяз и стану смотреть сверху на танцующую молодежь. Я тоже люблю танцевать, но кто позволит? Хорошо быть взрослым, хотя бы юношей. Унесенный в мечты и глупые рассуждения, я незаметно уснул.

Проснулся от визга паровозного гудка. Первое, что увидел — знаки предупреждения. Волы напряглись, преодолевая взгорки перед переездом. Поезд — черное огромное пятно со светящимися фарами глаз — несся со страшной скоростью к нам. Кричу как очумелый:

— Дедушка, поезд! Поезд, останови волов!

А он тоже почувал недоброе, назло, наоборот — колотит палкой по спине волов. Сплошной гудок, скрежет тормозов, колес. Видимо, машинист заметил подводу, шедшую наперерез. Ужас охватил меня, но, за секунду оценив ситуацию, решаю: успею переехать линию раньше, чем накатит поезд. «Или конец? — опять мелькнула мысль. — Сшибет!» Стою на коленях, потерявший ум и слово, абсолютно беспомощный перед железной громадиной. И все-таки спрыгнул с телеги, и, пока поднимался с земли, поезд с грохотом пролетел мимо и умчался дальше, замедляя ход. Телеги — не видно. Подумал, что поезд сковырнул ее. Сердце бьется, рвется наружу. Бегу и что вижу? Волы за переездом, безмятежно идут своей дорогой, а дедушка не заметил, что я сдрейфил, там же сидит себе на телеге, словно ничего не было. Вдруг я спотыкаюсь о какой-то обломок под ногами. Это длинная жердь, которая связывает передние и задние колеса. Поднимаю. Это же кусок телеги! Ужас! Кричу:

— Дедушка, вот кусок задка от телеги!

А дедушка, видимо, не расслышав, сердито прикрикнул:

— Что ты топаешь пешком? Залезай сюда, а то до реки нам еще долго!

Не понял, что чудом проскочил смерть. Стоило лишь на долю секунды задержаться, и вместе с телегой и волами полетели бы вверх тормашками, и валялись бы вдребезги разбитые.

Когда доехали до речки, над куполом темных вязов взошло солнце, и свет радости согрел мою перепуганную душу. Быстренько опустил конопляные снопы в воду, поставил торчком, привалив камнями и — обратно, до дому. Который раз рассказываю дедушке, как все произошло на переезде! Если бы на долю секунды телега не опередила поезд, то мы не отделались бы только зацепленным задком. Месиво, мокрое место — вот что от нас с быками и телегой осталось бы! Дедушка слушал, слушал, да, не вытерпев мои жалобы, заметил:

— Если человеку от Бога дано жить, он переживет все на своем пути, а нет — так в луже утонет!

С тех пор моя душа — за рулем я или пешком — слушает Бога, который шепчет мне на ухо: «Оглянись налево, направо, прислушайся, нет ли гудка или грохота поезда, и, убедившись, что чисто, шагни или дай газ до отказа и стрелой лети через рельсы!» И всегда добавляется мне в напутствие: «Не забывай еще, что паровоз — опасней крадущегося тигра для спящих на ходу или в телегах!»

СТРАХ

Утром я вставал рано, до восхода солнца, надевал рубашку и, плеснув пригоршню воды на лицо, бежал к подводе. Дедушка, открыв ворота, покрикивает, чтоб я поторопил сонных волов двинуться с места.

— Дий, ну, пошли! — Я легкой палкой постукиваю по воловьей спине. Они тяжелыми шагами выступают из ворот.

Устраюсь под колушом, под стук колес я засыпаю. Через какое-то время, может, час, может, два, подвода останавливается. Смотрю, красный диск солнца, повисший у горизонта, улыбается всему земному, в том числе — и мне. Вот и наша нива — на ней поровну пшеницы и кукурузы. Еще неделю назад мы скосили злаки, привезли домой, смолотили и перенесли в сухой амбар. А кукуруза уже выше человеческого роста, ее зеленые длинные листья слегка покачивает утренний ветерок. Кукуруза постоит еще! Куда ей? Пусть наливаются золотом початки, хлебное жнивье.

— Ты берись за плуг, — сказал дедушка, — а я пройду по рядам кукурузы, чтобы вырвать подросшие сорняки.

Волы знают свое дело: один шагает в борозде, другой рядом. Крепко сжимаю рукоятки плуга, лемех режет, откидывает в сторону бесконечный пласт земли. Пахота тоже имеет свои особенности: надо уметь заранее определить глубину борозды, освободить лемех от набившейся травы, умело повернуть волов в конце борозды, чтоб начать новую. Я — опытный, дедушка доверил мне пахоту и рад, что я тружусь на благо семьи.

Через час-два дедушка говорит:

— Остановись, дай волам отдохнуть, и нам позавтракать!

Садимся на зеленую траву и быстро выхлебываем деревянными ложками суп. Волы, стоя в хомутах, жуют разбросанные перед ними кукурузные початки. Спустя какое-то время снова напрягаюсь: до... и обратно, до... и обратно — до последних сил, до одурения. Дедушка, снимая меховой шапки, говорит:

— Завяжи платок, а то голова лопнет!

Действительно, солнце жарит, пот льется с моего голого тела. К обеду волы, уже уставшие, тяжело дышат, часто вздымаются бока, но без команды не останавливаются. Ждут приказа. Подняв баклажку над головой, дедушка допивает последние капли воды. Потом слышу:

— Отдых! Распрягай!

Обедаем, что находим в торбе — чаще всего кусок брынзы, головку лука, буханку хлеба, вареные яички. Потом веду волов на водопой. Колодец находится с краю большой поляны. Достаю ведром воду, и они пьют, пока дыхание не успокоится. Не забываю и про дедушку, изумительной свежести и чистоты водой наполняю баклажку и сам пью до отвала. Волы лягут отдохнуть сперва, а уж после встанут и начнут щипать траву. Я, случается, в такой час болтаю с мальчишками о чем попало или ложусь под грушей и смотрю в голубое небо без единого облачка. И обычно мечтаю. Например, о том, что сделать, чтобы девочке, которая мне очень нравится, я тоже понравился бы, а то что получается: я к ней лицом, она ко мне — спиной, да еще берет семечки из рук моего друга. О чем еще? О дальних путешествиях и приключениях по чужим землям, подобно героям прочитанных книг.

И снова пахота, и снова шагаю за плугом, то и дело спотыкаясь, чуть не падая на колени. Время от времени дедушка подменяет меня, чтоб я напился воды и малость передохнул. Обыкновенно в конце борозды дедушка что-то бормочет сам себе! Слышу его слова:

— Бабушка очень плоха! Со вчерашнего дня совсем раскисла — хлеба не ест, воды не пьет... Чем болеет, ума не приложу. Не жалуется, а увядает на глазах.

К вечеру, вместо того, чтобы запрячь волов и двинуться накатанным путем к селу, дедушка сказал:

— Сегодня не станем гнать животных до села, а завтра — обратно. Переночуем тут, а? Я пойду один проведать бабушку. Ты знаешь свое дело. Привяжи крепко волов к колесам подводы, чтобы не снулись в кукурузу, а то потом не сыщешь. Завтра спозаранку приду, разбужу!

Я хотел возразить, но, зная характер деда, примирился с мыслью: ночевать так ночевать! Одному так одному! Я и раньше ночевал, но с кем-нибудь из родных, а сейчас... Дедушка, держа палку в руке, перекинув пустую торбу за плечо, медленно растворялся во мгле пыльной дороги, тянувшейся зигзагом меж полевых наделов. Посмотришь на запад — солнце коснулось крылом края горизонта, скоро совсем усядется до утра. Луна, наоборот, круглая, как мяч, заблаговременно взошла на небо, укрывая землю туманным светом, беспричинно желанным для влюбленных и одиноких, как я. На душе становится легко и приятно... словно не пахал весь день, а лежал в тени под деревом. Волы — рядом. Уже догрызают початки, лежат у подводы, размеренно пережевывают, позвякивая цепями. Стелю половик в подводе, под голову — солому, закрываюсь буркой. Темнеет, но мне не страшно. Подумалось: «Как усну, так до утра!.. Волков летом нет, медведи не водятся, люди — дрыхнут!..»

В дремоте послышался далекий гром, ветер усилился, погнал по кукурузе тревожный вал шума. Внезапно совсем рядом раздался такой силы гром, словно выстрелили из ста пушек. Посмотрел на небо — мрак. Холод пробежал по телу. «Раз так ужасно гремит, значит, и дождь пойдет, — подумал я, — но у меня бурка!..» Гром с минуты на минуту слышен все ближе. Ветер мнет ветки кустарника, пригибая их до земли. Молнии мечутся по небу, как огненные языки. И только теперь меня охватил страх. Между молниями, стало казаться, появляются неясные безобразные силуэты, подпрыгивают, как мячи, и исчезают. Раскалывается небо. Уже дрожу от страха! Спрыгнул с подводы. Смотрю на волов, а им — хоть бы что! Ноль внимания на бушующую природу. Оглушительный треск сбил меня с ног. Еще не промолвил: «Мамочка, помоги!» — вижу: недалеко старое сухое дерево горит, как факел, — молния ударила. Тут же залез под телегу. Захлестал ливень да вперемежку с градом величиной с орех. Волы встали, начали озираться и дергать цепи, рваться на свободу. О, Боже! Избавление! Вдруг ветер утих. Град перестал бить землю, громы отошли куда-то за Балканы, лишь молнии по-прежнему вспарывали тьму неба, но далеко-далеко.

И наступила тишина, не менее властная и оглушительная, чем громы, словно ничего не было, словно все, что происходило, было лишь кошмарным сном. Дождь поту-

шил загоревшееся дерево, его окутала темнота. Луна выглянула, как ни в чем не бывало, одна среди расступившихся черных облаков. Волы, успокоившись, улеглись. И совершенно невероятно — цикады заскрипели на своих невидимых скрипках.

Вроде я стал приходить в себя после такой тряски, но не знал, что мне дальше делать среди пустого и уже страшного поля. Мокрый до костей, все еще дрожащий и ослабший, вдруг смотрю, по дороге ко мне идет осел, таща подводу, а на ней — человек. Не успев испугаться, услышал голос:

— Веско, Веско, это я — мать!

Бегу к ней, раскрыв руки. Мама останавливает осла, прыгает с подводы, и я замираю в ее объятиях.

Теперь я, взрослый мужчина, слегка уже перезревший, часто вспоминаю ту памятную ночь с громами, молниями и градом. Тогда я был ребенком, естественно, при таких обстоятельствах, немудрено, что я от страха чуть с ума не сошел. Ну а теперь, почему тоже боюсь, почему страх преследует меня на каждом шагу — и днем, и ночью? Ответы на эти вопросы совсем неутешительные. И как будто нет выхода, хотя я смонтировал железную входную дверь квартиры, три сигнализации у машины, пистолет в кармане.

Я запряг волов, и с матерью в полночь вернулись домой. Смотрю, бабушка сидит у изголовья бабушки и говорит:

— Да ты что, старая, собралась помирать? Почему не отвечаешь? Ты поживи еще, хоть немного! А то, что я буду делать без тебя?

Бабушка открыла глаза и еле прошептала:

— Герги, смотри за детьми, они же сироты!..

Под утро бабушка скончалась.

И до сих пор удивляюсь чуткому сердцу матери, дрогнувшему в предчувствии угрозы своему еще малолетнему сыну, и дедушкиной интуиции, который поторопился к своей старой, многострадальной подруге, чтобы увидеть ее в последний раз живой.

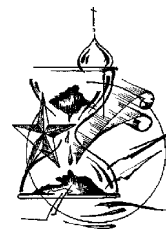
Валерий ШАМБАРОВ

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В настоящее время поистине повальным «увлечением» стали попытки ревизий российской истории. Они предпринимаются на свой лад в государствах Прибалтики, на Украине, в других бывших республиках СССР. Предпринимаются западными научными, а в большей степени — пропагандистскими учреждениями. Осуществляются они и в нашей стране на самых разных уровнях — от профессиональных историков до «желтых» журналистов и от школьных учебников до скандальных телепередач.

Сам по себе «исторический ревизионизм», как правило, — дело неблагоприятное, поскольку целью его обычно является не установление истины, а отработка определенных политических заказов или чисто коммерческая погоня за сенсациями.

Но дело в том, что даже отбросив шквал современных псевдосенсаций, мы остаемся далеки от непредвзятого прочтения нашей истории. Потому что она и в прошлом подвергалась кардинальным ревизиям, причем неоднократно. Ее пересматривали в XVIII в., после реформ Петра. Пересматривали в XIX в. историки либеральной школы. Несколько раз пересматривали в советское время. А потом пошли

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«перестроечные» и демократические пересмотры. Добавлялась субъективная позиция авторов, немалую роль играла и иностранная пропаганда. А в результате те или иные события нашего прошлого оказались отражены искаженно, а то и ложно. Подобные искажения без проверки подхватывались следующими поколениями исследователей, и возникали своеобразные «исторические штампы», которые утверждались в массовом сознании в качестве «общеизвестных».

Следует отметить, что формированию таких штампов во многом способствует система гуманитарного образования, сформировавшаяся еще в царской России и с некоторыми вариациями действующая поныне. Впрочем, аналогичная система подготовки гуманитариев характерна не только для нашей страны, но и для Запада: человек, осваивающий историческую науку, получает готовые схемы и модели, заучивает набор «авторитетных» мнений. И в дальнейшем, когда он займется самостоятельными исследованиями, выйти за рамки этих методов ему уже очень трудно. Он точно так же некритично будет использовать труды предшественников, а собственные мнения и выводы вольно или невольно подстраивать в струю «общеизвестного». Хотя это нередко ведет не к пониманию и уточнению истины, а всего лишь к дальнейшему тиражированию ее искажений.

Как преодолеть это? Как увидеть реальную историческую картину? Повторюсь, в данном случае речь идет вовсе не об очередных ревизиях, а о том, чтобы всего лишь расчистить нашу историю от вторичных наслоений, случайно или преднамеренно засоривших ее. И в общем-то сделать это не столь уж сложно, достаточно скорректировать подход к историческим исследованиям и вспомнить, что любая наука должна в первую очередь опираться на факты. Не на чьи-либо субъективные оценки фактов, а на сами факты — которые содержатся в тех же исторических документах, первоисточниках, классических трудах. А для увязки фактов воедино существует логика. Возьмите хотя бы методику, принятую в области естественных наук. «А» должно вытекать из «В» и подтверждаться «С». Если это не так, значит, задача решена неверно. То же самое применимо к истории.

Простой пример. Многие авторитетные источники утверждают, что Русская армия в 1914 г. была «отсталой» по сравнению с армиями западных государств. И историк,

занимаясь эпохой Первой мировой войны, переписывает эту «истину» и дает ссылку, из какого труда она взята. Или подкрепляет ее цитатами других историков. Однако, если проверить факты, то выясняется, что оснащенность русской армии артиллерией, пулеметами, авиацией, автомобилями была выше, чем в армиях Англии и Франции, а тактика и подготовка личного состава — гораздо совершеннее, чем в Германии. То есть, вывод об отсталости следует отбросить. И напрашивается совсем другой вопрос: когда, кому и зачем понадобилось оболгать Россию?

А это, кстати, тоже нетрудно определить. Об этом твердили германские источники — обычная пропаганда военного времени. Германские оценки переняли Англия и Франция, которым требовалось преувеличить собственные заслуги и преуменьшить вклад русских в победу. О том же писали отечественные либералы и демократы — им нужно было оправдать свою подрывную работу по свержению царя. Те же оценки подхватили большевики. Вот и получилось, что источники разных государств, разной политической направленности говорят одно и то же, создавая иллюзию объективности. И возник устойчивый исторический штамп.

Надо верить фактам и опираться на факты, а не на готовые чужие выводы — по сути, это совсем не «революционный», а вполне нормальный и вполне научный метод. Но если применить его, то оказывается, что в целом ряде случаев «сложившиеся представления» проверки не выдерживают, рассыпаются, как карточный домик. А реальная историческая картина получается весьма любопытной и нередко даже неожиданной.

Возьмем хотя бы допетровскую Русь. Ее облик сформировал в общественном сознании западник и масон Карамзин, который был вообще не историком, а литератором, и в своем творчестве популярно излагал не объективные, а заимствованные у немецких авторов взгляды на наше прошлое. Ну а последующие российские историки — Соловьев, Ключевский, Костомаров и др. уже основывались на произведениях Карамзина, как на прочном фундаменте, не смея его порушить и в чем-либо усомниться. Они тоже находились под влиянием западной школы. И хотя, например, у Сергея Соловьева были патриотические порывы, было стремление показать историю России непредвзято, но все же и он не посмел нарушить сложившуюся систему взглядов.

А в результате в массовом сознании заштамповалась картина темной, дремучей, варварской Руси, где ничего важного и яркого просто не могло происходить. Лежала она, горемычная и убогая, и ждала, когда же придет кто-нибудь и ее «просветит». Сформировался и стереотип о традициях «русского рабства», «русской тирании», «русской бюрократии» — которые противопоставлялись западной демократии. И, как принято считать, только с европейским «просвещением» зачатки демократических принципов начали робко проникать в Россию.

Это не более чем миф. Реальная история говорит о другом. Первое сословное представительство на Руси (образ Земских соборов) было создано в 1211 г., на 54 года раньше первого английского парламента. А с XVI в. в нашей стране была установлена совершенно особая модель управления — земская. Это сочетание очень жесткой вертикали власти и очень широкой демократии на любой горизонтали.

Так, в каждом уезде было несколько ветвей власти. Одну представлял воевода, назначаемый из Москвы. Он являлся начальником гарнизона и судьей. Но наряду с ним действовал земский староста, избираемый всем населением. Причем его полномочия были очень большими. Он ведал всеми вопросами местного самоуправления, сбором и раскладкой налогов и др. У него существовал аппарат выборных чиновников — целовальников, писарей и пр. После выборов составлялся «ряд» — протокол с подписями избирателей и пунктами, оговаривающими взаимные обязательства должностных лиц и «мира». А воевода в дела старосты вмешиваться не имел права.

Если воеводе требовалось кого-то арестовать, он должен был предъявить доказательства вины этого человека земскому старосте и двум «выборным» от мира. Такой порядок был установлен еще в 1550 г. Судебником Ивана Грозного, и если он нарушался, земский староста имел право освободить арестованного и взыскать с воеводы штраф за бесчестье. Но, с другой стороны, через аппарат воеводы осуществлялся контроль за земскими властями. Если земский староста допускал злоупотребления, начинал притеснять людей, жульничать при раскладке налогов и т.д., народ мог подать челобитную воеводе, а тот переслать ее в Москву. Царь, ознакомившись с челобитной, отдавал приказ провести расследование или переизбрать старосту.

Впрочем, и минуя воевод, каждый русский человек мог обратиться с челобитной напрямую к царю. Такая практика известна и при Иване Грозном, и при Михаиле Федоровиче — иностранцы упоминают, как при выходах царя в церковь многие люди держали над головой свои челобитные, а за Михаилом Федоровичем шли специально выделенные чиновники и собирали их. А при Алексее Михайловиче в Кремле существовало «челобитное окно» — висел специальный ящик, куда каждый мог опустить свою челобитную. И она попадала непосредственно в руки царя или его доверенных приближенных. Челобитную в Москву можно было переслать даже и по почте (как сделал, например, из Якутска Семен Дежнев, будучи еще рядовым казаком — и вопрос о соболиных шкурках, конфискованных у него казной, был решен в его пользу).

На местах, кроме земских старост, существовали и другие выборные должности. В частности, губные старосты — они отвечали за расследование уголовных преступлений. Своих старост, сотских, десятских (старших над десятью дворами) выбирали городские концы, слободы, сотни. А крестьяне избирали сельских старост, целовальников, приставов «для государева дела и денежных сборов». Приходы избирали священников и дьячков. О чем тоже составлялся договор с указанием обязанностей, прав и статей доходов служителей церкви. Если же они оказывались нерадивыми или недостойными, их могли выпроводить вон. И зафиксированы случаи, когда даже указаний царя или патриарха было недостаточно, чтобы восстановить изгнанного прихожанами священника на прежнем месте. «Мир» постановил — значит, так тому и быть. Вот вам и «рабство».

Однако и в высшем руководстве государства царь принимал решения отнюдь не единолично. При нем действовал такой важный коллегиальный орган, как Боярская дума. Причем, в отличие от британской палаты лордов, попадали в нее не только по родовому признаку. Чины боярина или окольного, дававшие право заседать в думе, надо было заслужить, даже представители высшей знати получали их не автоматически, а за отличия в тех или иных делах. Кроме аристократов, в Боярскую думу входили также думные дворяне, думные дьяки, выдвигавшиеся из талантливых представителей служилого сословия или чиновничества. За особые заслуги эти чины могли получить и выходцы из простонародья (как Козьма Минин).

А по важнейшим вопросам государственной жизни и политики созывались Земские соборы. Некоторые историки снисходительно именуют их «зачатками парламентаризма». Помилуйте, но какие же «зачатки», если только в России они обладали учредительными правами — выбирать и утверждать монархов! Ни британскому парламенту, ни французским Генеральным штатам такие права и не снились! А в Москве в 1582 г. Земский собор избрал из двух кандидатур царя Федора Иоанновича (были и сторонники царевича Дмитрия), в 1598 г. поставил на царство Годунова, а в 1613 г. — Михаила Романова. И последующих царей обязательно утверждала «вся земля» — в 1645 г. Алексея Михайловича, в 1676 г. Федора Алексеевича, в 1682 г. собор решал, кому править — Петру, Ивану или Софье?

Царь созывал Земские соборы и в других важных случаях — для принятия законов, для решения вопроса о вступлении в войну. Делегаты избирались от разных городов и сословий — от Боярской думы, духовенства, дворян, стрельцов, купцов, посадских людей. От крестьян выборных приглашали не всегда. Но уезды с селами входили в земские структуры городов, а значит, делегаты от них представляли и крестьянство. Открывалось первое « пленарное заседание » речью государя, сообщавшего, какие вопросы надо решить. Далее совещались « по фракциям » — по сословиям или местностям. И подавали « скаски » с обобщенными предложениями. Хотя при этом каждый мог подать и собственное особое мнение. Общее решение должно было быть единогласным. Но, кстати, независимо от причины созыва собора, делегаты везли в Москву указы выборщиков, сообщая о местных проблемах и нуждах. И эти вопросы тоже поднимались на заседаниях. Для любителей сопоставлять традиции западных « свобод » с отсутствием таковых в России можно привести даты. Во Франции Генеральные штаты созывались в 1484, 1560, 1614 и 1789 годах. И все... А русские Земские соборы с 1550 по 1682 годы — 22 раза.

Подобные « умозрительные » сопоставления отечественной и зарубежной истории вообще часто оказываются надуманными. Ведь « общеизвестные » стереотипы, на которые мы при этом опираемся, часто складываются даже не на основе исторических трудов, а по художественным романам и кинофильмам. Вот и получается, что, допустим, XVII век на Западе — это романтическая эпоха муш-

кетеров, «анжелик», «панов володыевских», «капитанов бладов», а Россия в это же время представляется неким сонным царством: бояре на дубовых скамьях зевают во весь рот, стрельцы в карауле лениво чешутся, темный и забитый народ ковыряется в земле, толчется без дела на базарах, падает ниц перед начальством...

Хотя на самом деле XVII век был временем вовсе не «темноты», а, напротив, блестящего расцвета Руси! На годы царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых приходится пик подъема страны. Именно тогда (а не при Петре) произошла промышленная революция, страна покрылась заводами и мануфактурами, втрое увеличила свою территорию. Как раз в тот период (а не при Петре) Россия сформировала армию «нового строя», солдатские, гусарские, драгунские, рейтарские полки. Не через «прорубленное окно», а через широкие двери торговала с Европой, и на экспорт поставляла даже пушки — до 800 орудий в год. Создала мудрое законодательство, великолепную культуру — не на чужеземной, а на своей национальной основе. Какая же это отсталость?

В этот период Россия выиграла 300-летнюю борьбу с Польшей за главенство в Восточной Европе. После поражений, понесенных от полков Алексея Михайловича, Польша уже больше не оправилась, превратившись в разменную монету в чужих играх. В XVII в. русские громили и шведов, и турок — похоронили две неприятельские армии под Чигирином. А ведь тогда Швеция и Османская империя тоже находились на вершине своего могущества. Так опровергается еще один расхожий исторический штамп — об «извечном российском отставании» от Европы в научно-техническом развитии.

Если брать реальные факты, а не домыслы, то отставание действительно наметилось, но позже — в те самые времена, которые принято изображать преодолением этого самого «отставания», при Петре I. Как раз при нем были окончательно порушены оригинальные структуры земского управления государства. Они были уже существенно ослаблены во время правления его старшего брата Федора Алексеевича и сестры Софьи. Петр отмел их совсем, он взял за образец государственного устройства модели западного абсолютизма — а именно, модель Швеции.

В целом же история о просвещении «темной» Руси Петром, о «прорубании окон» в Европу насыщена легендами, которые порождались вполне определенным кон-

тингентом авторов и по понятным причинам — зарубежными историками и прочими «специалистами», приглашенными к царскому двору и добросовестно отработавшими высокие оклады.

Петр не имел такой основательной подготовки, какую обычно проходили российские наследники престола. Многого он просто не знал. На него оказали значительное влияние и «учителя» из Немецкой слободы. «Учителя» далеко не лучшего качества, но, конечно же, сохранившие добрую память о родных странах и противопоставлявшие их русской чужбине. Добавились и впечатления юного царя от поездки по Европе. Опять же, впечатления поверхностные и однобокие — уж конечно, монарху, несмотря на его формальное инкогнито, показывали только парадную сторону жизни.

О результатах мы можем судить хотя бы по военным делам. К моменту воцарения Петра в России уже давно существовала регулярная армия. И царь знал ее, сам побеждал с ней под Азовом. Но, вернувшись из Европы, как сказали бы сейчас, «с квадратными глазами», он повелел создать иную армию, такую, как видел в Пруссии и Саксонии. Распустил многочисленную боярскую дворню (холопов, псарей, конюхов, дворовых слуг), из нее сформировал 29 регулярных полков. С ними, только что отмобилованными и совершенно не обученными, выступил под Нарву. Что и привело к катастрофе.

После нее Петр вернул в строй и начал перебрасывать на фронт «старые» полки, и в ходе Северной войны наступил перелом. По сути, шведы учили воевать не русских, а самого Петра. Первые победы, да еще во главе худших, по мнению царя, войск, одержал Шереметев, которому дали дворянскую конницу, калмыков, татар, казаков, стрельцов. И эти войска дважды разгромили корпус Шлиппенбаха, ибо никакой робости перед шведами не испытывали, помня, как того же противника успешно били их отцы и деды.

Аналогичным образом и другие реформы Петра носили совершенно неоднозначный характер. Нередко получалось так, что одни преобразования вели к плачевным результатам, а потом приходилось осуществлять другие — по выправлению положения. А в итоге, как уже отмечалось, обозначилось отставание России от западных держав. Причинами стали сами реформы, крепко ударившие по хозяйству страны, и весьма значительные военные перегрузки.

Была еще одна причина отставания России и заметно-го снижения уровня жизни народа в XVIII в. — специфика внешней торговли. Фактически она была захвачена не русскими, а голландскими и английскими купцами, поставлявшими в нашу страну всевозможные «диковинки», предметы роскоши, дорогие ткани, вина и пр. А покупали они по дешевке зерно, лен, лес и другое сырье. Или брали оплату золотом, серебром. Наши промышленные изделия иностранцы почти не покупали, они реализовывались только на внутреннем рынке. Да и русские дворяне, ориентируясь на западные моды, входя во вкус роскоши, приобретали не отечественные, а импортные товары. Такая торговля обеспечивала не приток капиталов в Россию, как было в XVII столетии, а их откачку. Вдобавок она душила русскую промышленность и разоряла крестьян, из которых помещики выжимали средства на заморские покупки.

Однако в ключевых отраслях промышленности, обеспечивавших могущество и боеспособность государства, никакого отставания не было и в эти времена. В годы Семилетней и Наполеоновских войн русская артиллерия по праву считалась лучшей в мире. Одновременно с западными державами в России появились первые пароходы, начали прокладываться железные дороги.

Другой вопрос, что к середине XIX в. железных дорог было еще мало, и пути сообщения оставались гораздо хуже, чем в Европе. И пароходов было меньше, чем у Англии. Да и в целом рывок промышленных революций XIX в. на Западе начался раньше и шел сперва более бурными темпами. Но ведь и в этом случае сказывался вовсе не «более прогрессивный» общественно-политический строй европейских держав или их культурные преимущества перед русскими. Главную роль играл фактор совершенно иного порядка, а именно специфика Западной цивилизации, живущей за счет ограбления колоний и полуколоний. Именно богатства, откачиваемые из Индии, Индокитая, Китая, стран Африки, обеспечили быстрый промышленный рост Англии и Франции, а в итоге их военно-техническое преимущество в Крымской войне.

Впрочем, даже и в описаниях этой войны все не так просто. Доказательства «безнадежной отсталости» России распространялись зарубежной пропагандой (опять же, пропагандой военного времени), а потом были подхвачены нашими либеральными авторами. Чаще всего приво-

дится такой пример: у европейских солдат были нарезные ружья, а у русских не было, что и стало причиной поражения. На самом деле нарезные ружья имелись только у англичан, которых наши войска всякий раз били. А выигрывали сражения французы, нарезного оружия тоже не имевшие. Причина их побед заключалась не в научно-техническом или общественно-политическом превосходстве, а в том, что Франция направила под Севастополь свои африканские войска, опытные и закаленные в тяжелой колониальной войне. Подобные войска имелись и у России, но сражались на другом фронте, на Кавказе, где и одержали впечатляющие победы над турками, взяв Карс. Как видим, критерии оценки «российской отсталости» порой применяются просто некорректные.

Ну а в последующий исторический период, начиная с реформ Александра II и освобождения крестьян, говорить о каком-либо отставании и вовсе не приходится. Средние ежегодные темпы экономического роста составляли 5—8%. За 50 лет объем промышленного производства вырос в 10—12 раз, а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Так, химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля — почти в 700 раз, нефти — почти в 1500 раз. Вся огромная страна покрылась сетью железных дорог, были освоены угольные месторождения Донбасса, нефтепромыслы Баку и Грозного. К рубежу XIX—XX вв. Россия создала крупнейшую и лучшую в мире нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность. 94% нефти перерабатывалось внутри страны. Быстро развивалось машиностроение. 63% средств производства изготовлялись на отечественных предприятиях.

Текстильная продукция полностью обеспечивала саму Россию, лидировала в Европе, экспорт ее в Китай и Иран превышал британский. Но и сельское хозяйство, пищевая промышленность ничуть не уступали. От продажи за рубеж одного лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. Она прочно удерживала первое место в мире по производству и экспорту зерна, одно из ведущих мест по выпуску сахара. И вообще на мировом рынке продовольствия являлась абсолютным лидером. Половина продуктов, продававшихся в Европе, производилась в России.

По темпам роста промышленной продукции и роста производительности труда Россия вышла на первое место

в мире. По объему производства занимала четвертое, а по доходам на душу населения пятое место в мире. Впрочем, вот эта цифра является подтасовкой. Потому что в системы экономики западных держав были включены и их колонии (или, у США, сырьевые придатки). За счет этого обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. Но «души населения» колоний и придатков в расчет не принимались. И если, допустим, к жителям Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана, Южной Африки и т.д., реальная цифра «доходов на душу» оказалась бы куда ниже российской.

Подтасовкой являются и цифры об уровне образования в России, который западные исследователи оценивали в 30% — в это число не включались выпускники церковно-приходских школ, а их заканчивали почти все дети. А в 1912 г. в нашей стране был принят закон об обязательном начальном образовании. Население России к началу XX в. достигло 160 млн. человек и быстро росло. Рождаемость была очень высокой — 45,5 детей на 1000 жителей в год. Иметь 5, 6, 8 детей в семье было не чем-то экстраординарным, а обычным делом. (Правда, иногда указывают, что детская смертность была выше, чем сейчас. Но ведь и это подтасовка. Нынешние цифры смертности не учитывают аборты.) По прогнозам Менделеева, население нашей страны в XX в. должно было достичь 500 млн. человек.

И вовсе не слабость Российской империи, не ее мнимое «отставание», а, наоборот, ее стремительный прогресс и нарастающее могущество стали главной причиной ее гибели. Она превратилась в слишком сильного конкурента западных держав. А в перспективе грозила стать вообще неодолимым конкурентом. Но грянула революция...

В настоящее время вскрылись некоторые архивные материалы, обращено внимание на документы и свидетельства, которым прежде не придавалось значения, и за рубежом вышел уже целый ряд работ, осветивших истинные корни российской трагедии 1917 г. — труды Э. Саттона, Р. Спенса, А. Боровски и других видных историков. Но в России подобные материалы пока остаются малоизвестными и только начинают поступать в отечественное информационное поле — например, в документальном фильме Е.Н. Чавчавадзе и Г.А. Огурной «Лев Троцкий. Тайны мировой революции», в моих книгах «Нашествие чужих. Заговор против империи», «Антисоветчина. Оборотни в Кремле».

Факты говорят о том, что российская революция вообще не была вызвана внутренними экономическими или социальными проблемами. Она была преднамеренно спланирована и организована враждебными нашей стране внешними силами, сумевшими целенаправленно расколоть русский народ и стравить между собой. Участвовали в этом деле правительственные, финансовые круги и спецслужбы западных держав. И не столько держав, находившихся в состоянии войны с Россией, сколько тех, кто считался ее друзьями и союзниками, в первую очередь США и Великобритании — как раз из-за того, что наша страна становилась для них слишком сильным конкурентом.

Разумеется, сразу, одним махом вызвать катастрофический раскол народа было невозможно. Но и подготовка была длительной, она велась десятилетиями. В XIX в. западные державы поддерживали и финансировали польских, кавказских сепаратистов, давали приют оппозиционерам типа Герцена (и обеспечивали им возможность издавать пропагандистскую литературу, пересылать ее в Россию). В среде российской западнической интеллигенции, дворянства, разночинцев внедрялись семена либеральных учений. Потом развернулась поддержка социалистических эмигрантских организаций — без содействия иностранных правительств и спецслужб они никак не смогли бы действовать и поддерживать связи с родиной. В начале XX в. эта подрывная работа резко активизировалась. В 1905 г. обрушить Россию еще не получилось, но последовала дальнейшая идеологическая обработка. А дополнительные благоприятные условия для диверсии создала Первая мировая война.

Давно уже известна история с «германским золотом», которое по поручению кайзеровского правительства поступало от гамбургского банкира Макса Варбурга и «отмывалось» через шведский «Ниа-банк» Олафа Ашберга. Но почему-то исследователи не задаются вопросом: а откуда у Германии могло быть лишнее золото? Она вела тяжелейшую войну на нескольких фронтах, закупала за рубежом сырье, продовольствие, помогала своим союзникам — Турции, Австро-Венгрии, Болгарии. А революция — дело дорогое. К 1917 г. избыточные средства имелись только в одной стране — в США, которые получали огромный «навар» от поставок воюющим государствам и за время войны превратились из мирового должника в мирового кредитора. А в Америке жили и действовали

брatья упомянутого Макса Варбурга — Пол и Феликс, компаньоны второго по величине банка США «Кун и Лоеб», причем Пол Варбург был вице-президентом Федеральной резервной системы США (по функциям — аналог Центробанка, но является не государственной структурой, а кольцом частных банков). Американская Секретная Служба располагала данными, что деньги для подрывной работы в России шли через Пола Варбурга, ее донесения об этом сохранились, но в то время они клались «под сукно».

Как показывают архивные материалы, опубликованные в США профессором Э.Саттоном, в финансировании революции принимали также участие Морган, Шифф и ряд других крупнейших банкиров. А в ее планировании и осуществлении важную роль сыграло окружение президента Вильсона, в частности, его ближайший советник полковник Хаус, тесно связанный с резидентом британской разведки в США Вайсманом. Хаус еще летом 1914 г. был озабочен раскладом сил в Мировой войне и докладывал Вильсону, что победа Антанты «будет означать европейское господство России». Но и победу Германии он считал крайне нежелательной для США. Отсюда напрашивался вывод — победить должна Антанта, но без России.

Хаус задолго до Бжезинского высказывал мысль, что «остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России будет четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная Европейская часть страны». Летом 1916 г. он внушал президенту, что Америка должна вступить в войну, но только после свержения царя, чтобы сама война приобрела характер борьбы «мировой демократии против мирового абсолютизма». А ведь срок вступления США в войну оговаривался с державами Антанты заранее и назначался на весну 1917 г.

К катастрофе России приложила руку не только Америка. В Февральской революции активно участвовали дипломаты и спецслужбы Англии и Франции. Заговорщики, готовившие переворот, были связаны с послами этих держав Бьюкененом и Палеологом. Накануне революции Петроград посетил военный министр Англии (и крупный банкир) лорд Мильнер. Имеются свидетельства, что он привез значительные суммы денег, его резиденцию в отеле «Франция» посещали Львов, Гучков, Терещенко. Через три дня после отъезда Мильнера в питерских лавках внезапно исчез хлеб и неизвестные лица спро-

воцировали беспорядки... А когда государя императора Николая II обманом вынудили отречься от престола, «легитимность» новой власти обеспечила отнюдь не всенародная поддержка, а мгновенное признание со стороны Запада. США признали Временное правительство уже 22 марта 1917 г., Англия, Франция и Италия — 24 марта.

Однако правительственные и закулисные круги Запада были связаны и с радикальными революционерами. В данном плане обращает на себя внимание возникновение своеобразных «пар». Яков Свердлов — большевик в России, а его брат Вениамин едет в США и как-то очень уж быстро создает там собственный банк. Лев Троцкий — революционер в эмиграции, а в России действует его дядя — Абрам Животовский, мультимиллионер, банкир, компаньон Путилова, солидный акционер «Русско-Азиатского банка». Еще одна «пара» — братья Менжинские: один — большевик, другой — видный российский банкир.

Эти тайные связи иногда обнаруживают такие хитросплетения, что остается только руками развести. Так, деловым представителем Животовского в США был не кто иной, как С. Розенблюм, более известный под псевдонимом Сидней Рейли. Бизнесмен и одновременно супершпион, работавший на резидента британской разведки МИ-6 Вильяма Вайсмана. Офис Рейли располагался по адресу — Нью-Йорк, Бродвей, 120, причем в одном кабинете с ним работал его компаньон, Александр Вайнштейн, тоже приехавший из России и тоже связанный с британской разведкой, а одновременно устраивавший в Нью-Йорке сборища российских революционеров. Ну а его брат Григорий Вайнштейн был владельцем газеты «Новый мир», редактором которой стал Троцкий, а сотрудниками — Бухарин, Коллонтай, Урицкий, Володарский, Чудновский. Мало того, по указанному адресу Бродвей, 120 располагалась банковская контора Вениамина Свердлова, они с Рейли были закадычными друзьями. Не слишком ли много «совпадений»?

Разумеется, степень допуска западных политиков и дипломатов к тайным операциям против России была разной. И интересы разных государств, задействованных в этих операциях, существенно различались. Французская и часть британской «закулисы» полагали, что с Февральской революцией цели достигнуты: Россия ослаблена, а ее новые правители куда более послушны зарубежным «наставникам», чем царь и его министры; при де-

лежке плодов победы восточную союзницу можно обойти, а потому пора стабилизировать положение в России, чтобы с ее помощью завершить войну.

Но высшие круги политической и финансовой элиты США и Великобритании вынашивали другой план. Россия должна была пасть окончательно и выйти из войны. Это сулило дополнительные сотни тысяч жертв среди французских, английских, американских солдат. Но и выигрыш обещал быть колоссальным — Россия навсегда выбывала из числа конкурентов Запада и ее саму можно было пустить в раздел вместе с побежденными. Как писал в своем меморандуме Уильям Б. Томпсон, американский финансист и разведчик, в этом случае «Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир».

Да, «трофей» был грандиозный. Нашу страну раскололи на враждующие лагеря «красных» и «белых», раздули Гражданскую войну. На чьей стороне была правда? Если разобраться, то ни на чьей. Красные шли в бой за идеи коммунизма — а тем, кто организовал катастрофу, эти идеи были не очень-то и нужны. В руководстве большевиков удобно устроились зарубежные эмиссары, насаждая разрушительные идеи безбожия, террора, осуществляя губительные социальные и экономические «эксперименты». А Белое движение было заражено другим западным учением, либерализмом. И шансов победить оно не имело ни малейших. Потому что опиралось на союз с Антантой — сделавшей все, чтобы белые не смогли победить.

Но и не рабочие с крестьянами стали победителями в Гражданской войне. Какая уж победа, если страна рухнула в полный хаос, потеряла изрядную часть своей территории. В 1917—1921 гг. в боях, от эпидемий, голода и террора погибло 14—15 млн. человек, плюс 5—6 млн. жертв голода 1921—1922 гг. Только погибшими Россия потеряла 12—13% своего населения. Первоклассные до революции промышленности и транспорт были разрушены.

Катастрофа сопровождалась чудовищным разграблением России, особенно после того, как в 1920 г. Запад вступил в открытые контакты с большевиками. Таможенными «окнами» стали Эстония и Латвия, через которые за рубеж хлынуло русское золото, вывозимое под маркой фиктивного «паровозного заказа» и другими прикрытиями. Львиная доля этого золота попала в американские банки.

Еще один поток ценностей выплеснулся на Запад в 1922—1923 гг. после разгрома и ограбления Православной Церкви, когда великолепная церковная утварь, уникальные произведения средневековых мастеров экспортировались по дешевке ящиками, как «золотой лом», а иконы древнего письма сбывались за рубеж за символическую цену 50—70 руб. Очевидно, большевики таким образом расплачивались со своими тайными покровителями и кредиторами.

Словом, как и предсказывал Томпсон, Россия «стала величайшим военным трофеем» — и достался он в первую очередь крупным западным капиталистам. Они наживались на вывозе из России золота, произведений искусства, зерна, сырья, в 1920-х гг. активно ринулись подминать ее рынки, получая в концессии промышленные предприятия, месторождения полезных ископаемых. Так что «благословенный» нэп не только облегчил положение крестьян, он стал и первым периодом повального разворывания нашей страны.

Да ведь и из российских «буржуев» многие практически не пострадали, заблаговременно переведя свои капиталы за границу — Нобель, Гукасов, Рябушинский, Гучков и иже с ними обосновались в эмиграции очень даже неплохо. А дядя Троцкого Животовский, перебравшись в Стокгольм, вместе с тем же Олафом Ашбергом занимался реализацией награбленных ценностей, которые вывозили на Запад его племянник и прочие зарубежные эмиссары в советском руководстве. Как видим, «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» на самом деле был бессмысленным и беспощадным только для русских. А для тех, кто его организовал, он оказался очень даже осмысленным и полезным.

Однако дальнейшее развитие событий в значительной мере опрокинуло расчеты сил, ставивших своей целью уничтожение и расчленение исторической России. Чтобы понять это, надо учитывать, что тогдашняя компартия была очень неоднородной. Она формировалась в 1917 г. из разных группировок эмигрантов и профессиональных революционеров, которые вовлекали в свои ряды всех желающих, дабы превратиться в весомую массовую силу. Лидером, объединявшим эти течения и группировки, был Ленин — убежденный сторонник социализма, веривший, что ради гипотетического грядущего блага допустимо применять террор, насилие, веривший и в то, что он сумеет

сыграть на противоречиях между империалистическими лагерями, и что в высших целях революции не грех воспользоваться иностранными деньгами.

Но все ключевые позиции вокруг Ленина были заняты прямыми эмиссарами англо-американской «закулисы», каковыми являлись Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Свердлов и др. При их участии «революционное насилие» превращалось в геноцид, внедрялись модели хозяйства, которые приводили к голоду и разрухе. И при их же участии развернулись международные махинации с русскими ценностями, щедрая раздача концессий.

Однако к большевикам примкнула и масса рабочих, крестьян, солдат, искренне соблазненных идеями построения «земного рая». Подразумевая, что этот «рай» будет создаваться на базе их Родины, России, они составили в партии «патриотическое крыло». Возглавил его Сталин. Это очень сложная личность. И представлять ее только в темных (или только в светлых) тонах нельзя. С одной стороны, Сталин являлся верным учеником Ленина, не ставя под сомнения его авторитет, истинность его учений и установок. Но, с другой стороны, он был патриотом, государственным и не имел отношения к интригам закордонной политики. Поддержка большинства партии обеспечила Сталину победу в борьбе за власть. Но до 1930-х гг. он, по сути, продолжал линию, заданную антироссийскими эмиссарами. Да и сами они как «опытные кадры» оставались в советском руководстве.

И только в середине 1930-х в ходе расследований дел троцкистов перед Сталиным стала открываться страшная информация — как Запад целенаправленно подставлял Россию, как была спровоцирована Первая мировая война, какие силы поддерживали и регулировали революционные процессы. Обнародовать эту правду Сталин не решился. Очевидно, опасаясь, что она ударит по партии в целом, подорвет основы Советской и его собственной власти. В данном отношении он оказался заложником той системы, которая его выдвинула и вознесла к вершине государства.

Но для самого Сталина то, что он узнал, позволило переосмыслить многие вещи. И стало причиной резкого поворота всей государственной политики из «революционной» в державно-патриотическую систему координат. Он восстановил историческую преемственность Советской России с царской. Из тюрем была освобождена целая плеяда видных историков, философов, деятелей культу-

ры, арестованных в конце 1920-х — начале 30-х, перерабатывались и заменялись школьные учебники. Стали выходить книги и сниматься кинофильмы о выдающихся русских царях, князьях, полководцах, государственных деятелях. Был распущен РАПП, в литературу вернулись «изгнанные» Пушкин, Толстой, Достоевский. Сталин прекратил финансирование Коминтерна. Было реабилитировано казачество, в армии восстановились офицерские и генеральские звания. Укреплялись институты семьи и брака, были запрещены аборты (разрешенные в 1920 г. и широко пропагандировавшиеся). А в 1939 г. были прекращены гонения на Православную Церковь.

С этим поворотом политики связаны и репрессии 1936—1939 гг. Впрочем, оправдывать их не берусь. Ведь против врагов народа (пишу без кавычек) была направлена та же машина красного террора, которая создавалась ими против русского народа. И она вобрала под гребенку множество невинных. Но общие цифры репрессированных представляются весьма завышенными и «взятыми с потолка». Они переписываются авторами друг у друга или берутся из западных «оценок». Хотя существуют и официальные данные; в «Военно-историческом журнале» были публикации исследователей, имевших к ним доступ. Но сами эти официальные данные нигде не приводятся до сих пор, и их почему-то не обнародовали ни в ходе хрущевских, ни в ходе горбачевских «разоблачений». А подобное умолчание говорит само за себя.

Патриотические реформы Сталина сыграли очень важную роль. Они помогли выиграть Великую Отечественную войну, быстро преодолеть послевоенную разруху и вывести Советский Союз на роль мировой сверхдержавы. Но по своему содержанию эти реформы не были и не могли быть полными. Несмотря на переосмысление и отход от ряда положений марксизма, Сталин остался убежденным сторонником коммунистического учения, по-прежнему верил в возможность создания «рая на земле». Сохранил и саму идеологию марксизма-ленинизма в качестве фундамента советской государственности.

Поэтому поворот, осуществленный Сталиным, оказался обратимым. Что и проявилось, когда к власти пришел бывший троцкист Хрущев, который под флагом «чистоты ленинизма» начал собственные реформы и, по сути, вернулся к политике Троцкого. Опять был взят курс на «мировую революцию» с беспрецедентным финансировани-

ем «дружественных» правительств и компартий (и утечкой за границу русских национальных богатств). Произошел новый разгром деревни, возобновились религиозные гонения. Кстати, одной из «реформ» стало и разрешение абортов.

А Запад в это же время развернул свои операции по расшатыванию Советской России. Они велись по старым, испытанным схемам — тем же схемам, которые ранее использовались против Российской империи. Но если до 1917 г. в нашу страну из-за рубежа внедрялась «советчина», теперь оттуда же пошла «антисоветчина». Идеологические знаки сменились на противоположные, но дело было не в идеологии. Для Запада была и осталась врагом Россия как таковая, независимо от общественного строя и формы правления.

Так же, как в прежние времена обработке подвергались космополитизированные дети аристократов и вельмож, в советскую эпоху благоприятной средой для иностранных влияний становились дети номенклатуры — и росло поколение «молодых реформаторов». Так же, как заражали либерализмом и западничеством русскую интеллигенцию XIX — начала XX в., заражалась веяниями «демократий» и «свобод» советская интеллигенция. Так же, как внедрялись импортные «прогрессивные учения» среди гимназистов и студентов царской России, отравлялась самым разнообразным спектром чужеземных теорий, идей, псевдокультурных влияний советская молодежь.

Результат известен. «Демократическая революция». А на деле — очередная катастрофа. Расчленение России, новые расколы в народе, конфликты, кровь, экономический упадок, разложение. И... опять разворовывание в колоссальных размерах. Еще в 1916 г. в переписке с президентом США Вильсоном его серый кардинал полковник Хаус предлагал план, целью коего являлось ни больше ни меньше как установление мирового господства Америки. Достичь этого предполагалось не военными, а экономическими, финансовыми и пропагандистскими средствами — выдвинуть во главу угла «демократические ценности», провозгласить их высшим, самодовлеющим приоритетом. А США, таким образом, обеспечили бы себе роль мирового учителя, арбитра и защитника подобных «ценностей». Имя Хауса давно забылось, но его план, как видим, успешно реализовался. И реализоваться он смог только после 1991 г., после крушения СССР.

Что ж, сейчас победители «правят бал», а наша страна лежит ограбленная, разоренная, униженная. И, главное, снова расколота. Расколота на сторонников тех или иных партий. Расколота по взглядам на российское прошлое — кто был прав: красные или белые? Кто был прав — либералы, демократы, социалисты, коммунисты, монархисты? В свою очередь, и эти течения делятся на непримиримые группировки. Коммунисты — на сталинистов и антисталинистов. Монархисты — на соборников, легитимистов, кириллистов (впрочем, Кирилловичей вытасили из политического небытия Собчак и Ельцин — «рекомендация» более чем красноречивая). У демократов группировок и партий еще больше. Соответственно, народ расколот и по своим взглядам на будущее России. По какому пути ей идти? Какими принципами руководствоваться?

Но история учит нас, что Россия преодолевала любые препятствия и выходила из любых кризисов, когда достигала национального единения. А расколы народа вносились извне — специально для разрушения нашего государства. Об этом очень важно знать и помнить: трагическое разделение русского народа в начале XX в. не было «естественным» — оно было инициировано искусственно, и именно извне. И сейчас эти расколы поддерживаются во многом искусственно. Не дать соединиться, выпятить разногласия, подогреть их, сыграть на них. Поэтому внутренний раздрай со временем не исчезает, не сглаживается, а, напротив, все больше накапливается.

Но можно ли вообще преодолеть его? И как? Между прочим, история этому тоже учит. Существует только один способ — тот, который применили наши предки на Земском Соборе в 1613 г. Ведь в период русской Смуты раскол народа был еще и похлеще, чем сейчас. Тогда были свои «красные», «белые», «зеленые», дрались друг против друга 8 лет! Кто-то успел повоевать среди повстанцев Болотникова, кто-то в войсках Лжедмитриев I, II, III, кто-то сражался против них. Кто-то обманулся, временно приняв сторону поляков или шведов, кто-то от этого удержался. Счетов друг к другу накопилось ох как много! И не таких счетов, как сейчас, когда мы вспоминаем давние трагедии Гражданской войны, раскулачивания, репрессий. В 1613 г. все было свежим, болезненным, незатянувшимся. Не деды и прадеды, а сами друг друга рубили, вешали, города осаждали и села жгли.

Но выяснять отношения — значило возобновить междоусобную резню и отдать Россию чужеземцам, утратить независимость и Православие. И Собор вообще не стал копаться во взаимных счетах. Признал — все были виноваты, все должны покаяться. А кто в большей, кто в меньшей степени, не важно. Все разногласия Собор отбросил как второстепенные. Напрочь отбросил, не разбирая. Главное — Вера и Отечество. А все остальное по сравнению с этим — мелочь.

Но разве то же самое не применимо к русским трагедиям XX в.? Разве в них были виноваты не все? Чтобы увидеть это, можно взять не исторический, а литературный пример. Кстати, он является хорошей иллюстрацией того, как талантливое (но субъективное) произведение способствует рождению все тех же исторических штампов в сознании. Возьмем «Собачье сердце» М. Булгакова — и вспомним, с какими чувствами мы читали его, смотрели одноименный фильм. С одной стороны — талантливые, умные, честные, высококультурные профессор Преображенский, доктор Борменталь. С другой — наглец Швондер, хам Шариков...

Но если сопоставить картину с историческими реалиями, не мешает вспомнить, что именно Преображенские, Борментали и прочая интеллигенция были в Российской империи главными носителями либеральных взглядов! Их распространителями. Либеральная интеллигенция поносила царя, клеймила «реакционеров», устраивала оvationи революционерам, восхищалась террористами. Рукоплескала думской оппозиции, расшатывающей державу. И бурно приветствовала Февраль, вполне одобряя аресты и убийства полицейских, офицеров, жандармов. Разве не сами же Преображенские и Борментали ратовали за «свободу, равенство, братство»? Кого же было винить, что «свободы» оказались не только для них — свободы крушить «реакционеров», царя, правительство? Но пришли «свободы» и для Швондеров — свободы оскорблять и третиловать вчерашних ниспровергателей. Оказывается — получили то, к чему стремились. Только представляли себе это иначе.

И Шариковых создали сами же русские интеллектуалы. Но, конечно, не из собак — в этой аллегории добавилось еще и высокомерие «культурных» слоев общества. Создали из честных и добрых, искренних русских людей. Как раз такие профессора, доктора и их коллеги, зара-

зившись «просвещенным» западничеством, исказили и оплевали картину исторического прошлого собственного Отечества, отвергали и перечеркивали исторические традиции. Профессора готовили вольнодумцев-студентов, которые становились инженерами, земскими чиновниками, журналистами, учителями — и несли эти идеи рабочим, крестьянам, читателям, ученикам.

Простые русские православные детишки получали первый заряд атеизма и «прогрессивных» взглядов не где-нибудь, а в школах, от своих преподавателей. И подрастали уже готовыми к восприятию революционной пропаганды. Но ведь и в Писании сказано: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы ему повесили мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф., 18, 6; Мк., 9, 42; Лк., 17, 1). Так разве не адекватным выглядит воздаяние?

Русские летописцы имели обыкновение объяснять любые бедствия: «по грехам *нашим*». И они были совершенно правы. Дворяне, интеллигенция, студенты, молодые офицеры мечтали жить «как в Европе» — и очутились в Европе, в эмиграции. Крестьяне грабили и убивали помещиков, дореволюционных «кулаков» — а потом подверглись раскулачиванию и коллективизации. Те, кто раздувал террор, сами попали под репрессии.

Большевики с самого своего прихода к власти нацеливались уничтожить Церковь, но ни в 1917—1918, ни в 1922—1923 гг. реализовать этих планов не смогли, наталкиваясь на сопротивление верующих. Зато в 1929 — начале 1930-х гг. сокрушить Церковь почти получилось. Потому что подросла безбожная молодежь, способная устраивать кощунственные акции, закладывать взрывчатку под фундаменты храмов. И потому что остальной народ оказался уже не готов подняться на защиту Православия. Даже те, кто сохраняли в душе Веру, уже не считали ее главным, выбирали земное благополучие. Священника арестовали? Храм осквернили? Но тебя пока не трогают, вот и не высовывайся...

А та же молодежь, заразившаяся безбожием и «пролетарским интернационализмом», пошла на фронт Великой Отечественной войны, попала под ужасы оккупации. И вынуждена была на собственном опыте переучиваться от «интернационализма» к патриотизму, учиться любви к своему Отечеству. Для многих это послужило и толчком обратиться к Господу.

Подобных примеров можно было бы привести множество. Возьмем хотя бы катастрофу 1990-х. И вспомним, о чем думали, мечтали, к чему стремились мы и другие советские люди в 1970-х, 1980-х? Да о том же самом! Если не открыто, то втайне хотелось жить «как за границей». А что именно подразумевалось «как за границей»? То, что мы видели на экранах кинотеатров, о чем слушали, развесив уши, «счастливчиков», побывавших там. Огни рекламы, иномарки, небоскребы, шмотки, полные прилавки продуктов и выпивки, порнуха, стриптизы... Но именно это мы и получили! Оглянитесь вокруг — вот оно. Оно оказалось не таким приятным и не таким соблазнительным, как мы считали? Но кто же в этом виноват? Словом, опять получили по грехам *нашим*.

Разве мы сами же не желали «свобод», «демократии»? Не завидовали Западу, что там можно в открытую ругать правительство? Вот и получили, ругаем теперь свои правительства сколько нам влезет, благо есть за что. Впрочем, еще св. прав. Иоанн Кронштадтский говорил: «Демократия — в аду, а на Небе — Царство». Мы обнаружили, что чужеземное материальное изобилие, пришедшее в Россию, далеко не всем доступно? Но оно и за границей не всем доступно. Потому что изобилие Западной цивилизации, как оно было и в прошлые века, обеспечивается отнюдь не преимуществами «демократии», а совсем другими факторами. Ограблением других народов и стран — таких, как наша.

Ну а мы, очередной раз обманутые (но ведь и обманувшиеся), очутились в тупике. И опять, который раз на протяжении столетия, спорим о путях выхода из него. Нэп? Сталинизм? «Цивилизованный социализм»? Западные модели? Но все это вроде уже перепробовали, и все пути оказались тупиковыми... Хотя здесь, может быть, целесообразно всего лишь задуматься и оглядеться. Есть ли он на самом деле — тупик? Или просто мы смотрим не в ту сторону? Человек, заплутавший в лесу или в степи, останавливается и вспоминает, как он шел раньше, где поворачивал, где мог сбиться с нужной дороги...

А если мы вспомним предшествующий путь России, то история показывает, что она во все времена была православной монархией. Само формирование нашего народа шло в результате установления централизованного княжеского правления и обращения к вере Христовой. На территории Восточной Европы жили славянские, финс-

кие, балтские, тюркские, угорские племена. И именно Крещение Руси сплавило их воедино. В купель входили поляне, кривичи, меряне, голядь, берендеи, а выходили — русские. Получали не только благодать крещения, но и общую систему ценностей, общие цели, установки. Поэтому и становились единым целым.

И после распада Древней Руси, после татаро-монгольского разгрома соби́рание земель вокруг Москвы и возрождение государства велось в системе православной монархии. В той же системе Россия превратилась в могучую державу, расширявшую свои территории. Хотя при этом соблюдалась широчайшая веротерпимость. Наверное, наша страна была единственной, где свободно, без всяких гонений, жили и отправляли свои обряды мусульмане, буддисты, язычники, индуисты (астраханские агрыжане), лютеране, кальвинисты, армяне, позже — католики, иудеи, караимы. Но, тем не менее, основа государства оставалась прежней. Православный и русский — это были почти синонимы. Немец, татарин, вогул, принимавшие православное крещение, с этого момента воспринимались как «русские». И православные украинцы, белорусы в составе Речи Посполитой именовались (и именовали сами себя) не иначе как «русскими».

Государственность могла менять формы — от удельной системы княжения к земскому самодержавию, потом к абсолютизму, потом был недолгий и не самый удачный опыт конституционной монархии. Однако и эти изменения не касались основы основ российской державности. Мало того, эта основа основ не исчезла даже после революции! И если уж строго подойти к вопросу, то оказывается, что православная монархия в России сохранилась... до сих пор.

Напомню, 2 (15) марта 1917 г., в день отречения Николая II, в Коломенском была явлена чудотворная икона Божией Матери Державной, ранее неизвестная, где Пресвятая Богородица изображена с атрибутами царской власти. Таким образом Царица Небесная сама приняла выпавшие из рук государя скипетр и державу. То есть, Она стала и Государыней России. А наша страна, таким образом, осталась монархией. Была ею до 1917 г. и осталась ею, только мы, к сожалению, не замечаем этого и не задумываемся об этом.

Правительство, дорвавшееся до власти в ходе Февральской революции, не зря называлось «временным». И сме-

няли друг друга временные кабинеты Львова, Керенского. И большевики, победив в Октябре, сперва назвали свое правительство «временным» — лишь через несколько месяцев это слово исподволь изъяли из официальных документов. И опять сменяли друг друга временные правительства Ленина—Троцкого, Сталина, Маленкова—Берии, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко... За ними пошли правительства демократические, которые и не скрывают, что они временные, от выборов до выборов. И, обратите внимание, ни одна перемена форм правления не происходила естественным, «законным» путем. Каждый раз действовали перевороты, заговоры, обманы, интриги.

А единственной постоянной и законной Правительницей России остается Она, Пресвятая Богородица. Меняются, как в калейдоскопе, лица, кумиры, идола. Меняются до неузнаваемости политические линии. Но все власти получают временными — и существуют только до тех пор, пока Она терпит их, пока позволяет им проявить себя. Конечно, мы не знаем, да и не можем знать, соизволит ли Она передать корону России кому-то из земных деятелей. Наше ли дело гадать и решать за Царицу?

Но ведь суть не в этом. Мы и сейчас живем в системе Монархии. Устой ее оказываются куда прочнее и куда важнее всех вместе взятых «измов», о которых мы так долго и так ожесточенно спорим, сто с лишним лет хватая друг друга за глотки. А законы этой Монархии, законы Православия, оказываются куда более действенными и справедливыми, чем все существовавшие и существующие кодексы и конституции. Это единственные законы, которые исполняются всегда и исполняются в отношении каждого — независимо от его положения, размеров банковских счетов, независимо от того, верит в них человек или не верит. Нужно лишь осознать это. Но этой Монархии, кроме законов, присущи и милость, и благодать, чего нет и не может быть ни в каких иных системах правления...

Россия сто лет кружится на перепутьях. Сбиты все ориентиры. Затоптаны прежде знакомые дороги и тропинки. Людей стегают то западные, то еще не пойми какие ветры. Порошат пылью и ослепляют глаза, путают направления, гонят то на ухабы, то в грязь, то в ямы и пропасти. И мы кружимся в этих вихрях — заблудившиеся, ошалевшие, бездумно подстраиваясь к потокам и стараясь шагать по ветру... А наша Истинная Царица ждет. Она ни-

куда не девалась, никуда не уходила, Она все время оставалась на своем неизменном, по праву принадлежащем Ей месте. Она ждет, готовая приютить, обогреть, вразумить, наставить. Ждет, когда же мы догадаемся обратиться к Ней...

Мы кидаемся за теми или иными лидерами, мечемся между их программами, лозунгами, увлеченно отплясываем на политических карнавалах. Мы надрываем голос, подхватывая чужие песни, и включаемся в азартные игры по чужим правилам. А Она терпеливо ждет, когда же мы образумимся, когда же нам наскучат эти буйные глупые игры. Ждет, когда блудным детям надоест транжирить свое достояние, когда надоест, промотавшись, влачить существование батраков и невольников в нищете и унижении.

Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет известного русского писателя, члена редколлегии «МГ», заместителя главного редактора Хатюшина Валерия Васильевича с замечательным юбилеем. Желаем нашему соратнику отменного здоровья и новых творческих дерзновений.